ОГОНЁК

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА № 48 НОЯБРЬ 1987



ПО ЗАЛАМ КАЛИНИНСКОЙ ГАЛЕРЕИ

О ЗВЕЗДАХ, ПОДВИГАХ И СЛАВЕ



НЕФТЬ АРКТИКИ

НАЙТИ СВОЮ ФОРМУЛУ

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!





ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 48 (3149)

28 НОЯБРЯ — 5 ДЕКАБРЯ

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ:

Учеба! Игра! Развлечение! Тренировка мышления! И то, и другое, и третье, и четвертое, а все вместе — информатика, основа научного будущего... На снимке Сергея Петрухина — урок информатики в Новосибирской физико-математической школе имени М. А. Лаврентьева.

Оформление Н. П. КАЛУГИНА при участии О. И. КОЗАК

ПОДПИСКА НА «ОГОНЕК» ПРИНИМАЕТСЯ БЕЗ ОГРАНИЧЕНИЙ ВО ВСЕХ ОТДЕЛЕНИЯХ СВЯЗИ ДО ПЕРВОГО ЧИСЛА ПРЕДПОДПИСНОГО МЕСЯЦА.

Цена подписки на год — 20 руб. 76 коп., на полгода — 10 руб. 38 коп., на квартал — 5 руб. 19 коп.

Телефоны редакции: Секретариат — 212-23-27; отделы: Публицистики — 212-21-88; Международный — 212-30-03; Литературы — 212-63-69; Искусства — 212-15-39; Морали и писем — 212-22-69; Фото — 212-20-19; Оформления — 212-15-77; Литературных приложений — 212-22-13.

Рукописи объемом более двух авторских листов не рассматриваются.

Сдано в набор 06.11.87. Подписано к печати 24.11.87. А 00465. Формат 70×108¹/₈. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 16,80. Тираж 1 500 000 экз. Изд. № 2699. Заказ № 1468.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

Адрес редакции: 101456, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14.

ЮБИЛЕЙНЫЙ РЕЙС Р-200



Фото Леонида ПОРОШКОВА и Эдуарда ЭТТИНГЕРА

Наверное, мы стали сдержанней за те полтора века, сколько существуют в нашей стране железные дороги. В первом поезде по первой отечественной железной дороге из Петербурга в Царское Село ехал корреспондент «С.-Петербургских ведомостей». О своих впечатлениях он писал:

«Туда ехали мы с умеренной скоростью 21 версту в 32 минуты, но оттуда в 22 минуты: почти по версте в минуту, то есть по 60 верст в час. 60 верст в час: страшно подумать! Между тем вы сидите спокойно, вы не замечаете этой быстроты, ужасающей воображение, только ветер свистит, только конь пышет огненной пеною, оставляя за собой белое облако пара. Какая же сила несет все эти огромные экипажи с быстротою ветра в пустыне; какая сила уничтожает пространство, поглощает время? Эта сила — ум человеческий».

Интересно, что бы он сказал о движении электропоезда Р-200? Который за четыре с половиной часа проходит от Москвы до Ленинграда? Должно быть, давний коллега нашел бы много восторженных слов. Но прежде, пожалуй, спросил бы о том, во сколько такая поездка обходится казне. Деньги-то и тогда считать умели...

— Пока идет Р-200, стоят двенадцать грузовых составов,— пояснил министр путей сообщения Н. С. Конарев.

Недешевое удовольствие.

— Быть может, для скоростных поездов нужен отдельный путь, чтобы им не создавать «окна» в движении остальных?

— Безусловно,— подтвердил Николай Семенович.— Это самый экономичный выход. Будем строить...

Праздник начинался стремительно и красиво, обещая путешествие не только в пространстве, но и во времени — возвращение в историю. А ее творцы на стальных магистралях были почетными пассажирами на Р-200. Их железнодорожную форму украшают ордена и медали, Золотые Звезды Героев Социалистического Труда. Вместе с большим отрядом журналистов эти замечательные люди вышли в Ленинграде на перрон Московского вокзала, сияющий светом, озвученный торжественной музыкой.

Но уже часа через три-четыре праздничное настроение гостей стало стремительно падать: они все еще стояли в очереди на регистрацию в гостинице «Советская». И многих мучил вопрос: «Зачем так торопился Р-200, если мы здесь так бессмысленно теряем время?»

Деловое утро следующего дня началось пресс-конференцией в картинном зале Витебского вокзала. И вновь участников праздника встретила музыка, учащиеся ПТУ и студенты, коробейники, артисты в костюмах полуторавековой давности, когда в Царское Село отправился первый российский поезд. Тут же под стеклянной крышей в память о том знаменательном 11 ноября (по новому стилю) стоит воссозданный паровоз «Проворный».

Во время пресс-конференции Н. С. Конарев обстоятельно рассказал о прошлом и настоящем отрасли, откровенно поведал о трудностях, которые она переживает, сообщил о том,

ПРАВНУК „ПРОВОРНОГО"

как железнодорожники стараются их преодолеть. Читатели «Огонька» нередко пишут о нарушениях движения поездов. Строки из этих писем и стали основой вопроса: «В какой срок суммируется время опозданий поездов в течение года?»

— Ежедневно в стране отправляются в путь десять тысяч пассажирских поездов,— ответил Н. С. Конарев.— Из них одна тысяча — дальние. Средняя цифра опоздания по министерству — 9 секунд...

Но, видимо, министр несколько не так понял вопрос. Достаточно попасть на Курский или Казанский вокзал в Москве, чтобы услышать ряд примерно таких сообщений: «Поезд номер такой-то прибытием задерживается... Прибытием ожидается...» И час бывает, и три, и пять. А если сложить все эти часы только на московских вокзалах за одни лишь сутки, не секунды — дни и месяцы получаются... Даже тот поезд № 9, на котором возвращались в столицу участники праздника, отошел от Московского вокзала с большим опозданием.

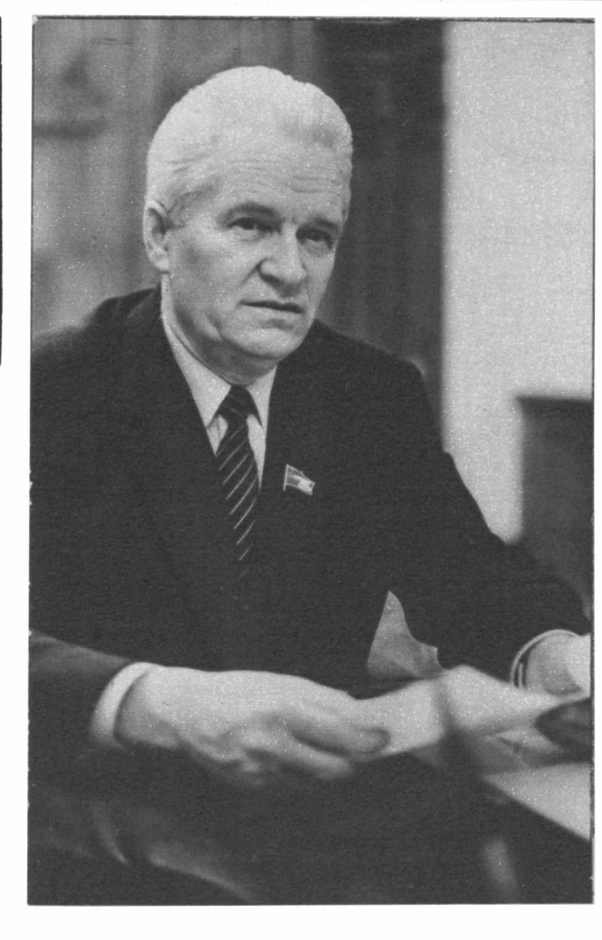
МПС, безусловно, сложнейшее многоотраслевое хозяйство. В нем трудятся миллионы людей. Протяженность его дорог — 145 тысяч километров, проходят они в различном климате. Словом, организовать четкое взаимодействие во всех узлах невероятно сложно. И тем ценнее достижения, которых добиваются труженики стальных магистралей.

Борис РЯЗАНЦЕВ,
специальный корреспондент «Огонька»



ТРЕБУЮТСЯ ИДЕИ

С ЗАМЕСТИТЕЛЕМ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ СОВЕТА МИНИСТРОВ СССР, ПРЕДСЕДАТЕЛЕМ БЮРО ПО МАШИНОСТРОЕНИЮ СОВЕТА МИНИСТРОВ СССР ИВАНОМ СТЕПАНОВИЧЕМ СИЛАЕВЫМ БЕСЕДУЕТ СПЕЦИАЛЬНЫЙ КОРРЕСПОНДЕНТ «ОГОНЬКА» ЛЕОНИД ПЛЕШАКОВ.



КТО ЗАКАЗЫВАЕТ МУЗЫКУ!

Это интервью — результат трех бесед, растянувшихся по времени на целый квартал нынешнего года.

Все три беседы будут слиты в одно интервью потому, что все они, вместе взятые, являлись как бы развитием одной темы. А начался разговор с моего вопроса о том, что является наиболее трудным в перестройке в машиностроении.

— На днях прочел в газете: одного конструктора спросили, почему он не разрабатывает новую технику, а он в ответ: мне потребитель ее не заказывает, вот и приходится заниматься старой.

Эта позиция неправильна в принципе. Сегодня важнейшей задачей является создание техники высокого уровня. А она рождается не на производстве, не на рабочем месте, а в научно-исследовательском и проектном институте, в конструкторском бюро. И если конструктор ждет, что кто-то придет и подскажет, какой должна быть новая техника, то этот конструктор просто не соответствует своему званию.

— Другими словами, приоритет в этом деле должен принадлежать разработчикам? Им нужно постоянно опережать потребности производства, определять пути его дальнейшего развития?

— Конечно, конструктор должен работать с заказчиком. Но главная его задача: следить за всем, что происходит в мире в той области, в которой он трудится. На основании этих знаний он должен уметь предвидеть, куда пойдет мировая наука и инженерная мысль в развитии отрасли...

— Чтобы прийти в точку, когда начнется обновление техники, с готовыми идеями? Насколько лет вперед он обязан заглядывать в будущее?

— Это зависит от техники. Если она сложная, длинноцикловая, этот период может быть и пять, и десять лет. Если же речь идет о предметах народного потребления, бытовой технике, допустим, о холодильниках или стиральных машинах, то достаточно и трех-четырех лет. Я имею в виду цикл разработки. Но учитывая, что даже эта техника эксплуатируется не год, не два, а гораздо дольше и не должна при этом терять свои технические и потребительские качества, то и тут конструктору надо заглядывать на десять — пятнадцать лет вперед.

— Трудно не согласиться с вами. Но все-таки в этом деле остается много вопросов. Вот такой, например. Сейчас мы много говорим об ускорении, о том, что машиностроительный комплекс является его материальной базой. Мысль, честно говоря, не оригинальная. Ведь известно, что новые, более производительные машины являются основой технического прогресса. Но вот подвели итоги прошлой пятилетки, и оказалось, что обновление фондов у нас скатилось до 3,1 процента в год. Другими словами, мы смогли обновить свой машинный и станочный парк лет за тридцать с лишним, отстав, таким образом, на два-три поколения. Ведь техника ныне обновляется примерно лет за десять?..

— Смотря какая. Есть, что и за более короткий срок...

— Наш журнал недавно писал, что в текстильной промышленности страны до сих пор эксплуатируются станки, которым по сто лет. Случай, разумеется, уникальный, но и на других предприятиях у нас есть немало пусть и не такого древнего, но достаточно старого оборудования. Ему соответствует и качество выпускаемой продукции. В то же время ряд наших отраслей находится на довольно высоком уровне, соответствующем мировому. Авиационная, например, или то же энергетическое машиностроение. Нельзя как-то использовать их опыт? Что мешает решению такой задачи: подтянуть все отрасли по технической вооруженности до мирового уровня?

— Вы задали сложный, многоплановый вопрос...

Назову цифры, которые могут быть для многих неожиданными. Если сравнить парк металлорежущих станков СССР и США, то наш окажется моложе американского. У нас больший, чем в США, объем оборудования в возрасте до десяти лет и меньший — старше 30 лет. С такой количественной оценкой у нас все вроде бы лучше, чем у Соединенных Штатов. Наш станочный парк равен суммарному парку станков США и передовых европейских стран, вместе взятых. Всего пятнадцать лет назад мы по этому показателю отставали от Америки. То есть все эти годы мы выпускали универсальные станки во все больших количествах, тогда как американцы их сокращали.

Но... И вот тут начинаются всякие «но».

Сегодня у нас в машиностроении на сто станков всего 63 станочника. А в народном хозяйстве в целом соотношение станочников и станков еще меньше.

— Выходит, мы «гнали» парк, тратили на него колоссальные средства, а он теперь «отдыхает» больше, чем работает?

— К сожалению, это так. Более того, в Соединенных Штатах в возрастной группе станков до десяти лет основную часть составляют высокопроизводительные станки с программным управлением, обрабатывающие центры, высокопроизводительные автоматические линии. И если сравнить удельный вес последних в общем парке, то окажется, что американцы опережают нас (я сравниваю машиностроение с машиностроением). Вы упомянули нашу авиационную промышленность. Так вот, в этой отрасли широкое использование высокопроизводительных станков с ЧПУ началось в 60-х годах, и сегодня на крупных авиационных заводах таких станков имеется от 500 до 1000 единиц. Где их взяли? В первую очередь сделали сами. Сегодня собственное станкостроение Минавиапрома выпускает ежегодно около двух тысяч станков с ЧПУ и 400 — 500 обрабатывающих центров.

Мы шли экстенсивным путем: побольше, побольше станков. Только в прошлом году мы остановились с ростом их производства, а в этом наметили снижение общего количества.

Таким образом, сейчас перед нами стоит задача: активно выводить простые станки, одновременно увеличивая парк роторно-конвейерных линий, обрабатывающих центров, станков с программным управлением, исключая таким образом из основных фондов старое оборудование и даже не очень старое, которое простаивает из-за нехватки рабочих.

Аналогичная картина и в некоторых других ведущих отраслях промышленности. Однако обеспечить наши потребности в новейшем оборудовании один станкопром не в состоянии. Вот почему в программе всех машиностроителей предусмотрено увеличение собственного производства станков в шесть-семь раз по сравнению с 1985 годом.

В нашем машиностроении никогда еще не было такого интенсивного ввода программных станков, какой запланирован сейчас. Это одна сторона дела.

Вторая особенность момента состоит в нашей переориентации по отношению к исследовательским и испытательным работам. Мы часто говорим о низком уровне наших технических разработок. Допустим, у нас легковые автомобили хуже японских, американских или западноевропейских. Это действительно так. И тем не менее мы вполне реально можем выйти на позиции законодателей моды в этой престижной отрасли. Правда, бесплатно это нам не дастся. Когда в Западной Германии создавалась последняя модель «фольксвагена», ее продували в аэродинамической трубе в течение шестисот часов. Мы же, конструируя «ВАЗ-2108», продували его всего шесть часов.

— Почему так мало?

— Негде продувать. Ведь дело это совсем не простое. Надо не только продуть, а поставить модель в трубе на очень долгое время. Продул — посмотрел результаты продувок, подправил местную аэродинамику, что-то выровнял, сгладил. Снова продул. На это уходит много времени, а у автомобилестроителей своей трубы нет. Просятся к авиаторам. А у тех своей работы много, и освободить установку для кого-то не могут. Сейчас под Москвой вводится в эксплуатацию первый аэродинамический комплекс для нужд автопрома. Вот тогда его конструкторы получат возможность работать более современными методами.

Этот пример показывает, сколь далеко ушло техническое оснащение, необходимое для создания новейших поколений техники, в частности авто-

мобилей. Собственно, что такое лучшие аэродинамические формы машины? Это — лучшие разгонные характеристики, это — более высокая скорость. Это — экономичность. Как раз то, в чем мы уступаем.

Это только один пример, а их, к сожалению, можно было бы продолжить. Долгое время мы не уделяли должного внимания индустрии разработок, не создавали необходимых условий для производства экспериментов, исследований, испытаний. Если взять за сто процентов все капитальные вложения, выделявшиеся на развитие какой-либо отрасли (тому же автопрому), то окажется, что на развитие баз НИИ, КБ, экспериментальных лабораторий, опытных производств из этих средств тратилось только один-два процента. Теперь по решению XXVII съезда КПСС мы будем ускоренными темпами поправлять дело. Только по машиностроительному комплексу на развитие экспериментальных и научных баз будет расходоваться не менее восьми процентов от общих капвложений отрасли.

— Совсем недавно мы делали известную ставку на импорт зарубежного оборудования, машин, техники. А как сейчас?

— Несмотря на свою заманчивость, такой подход чреват негативными последствиями. Широкомасштабное приобретение импортной техники, которым мы увлекались в недавнее время, довольно серьезно подорвало наш научный потенциал. Зачастую мы покупали самую разнообразную технику и в больших количествах вовсе не потому, что сами не могли ее разработать и изготовить. Купить готовое было чуть-чуть быстрее. Конъюнктура на мировом рынке это позволяла. Погнавшись за тактическими выигрышами, мы просчитались в стратегическом отношении. Большие закупки импортной техники подавляли наших отечественных разработчиков, свертывали инициативу. Потребитель, имея зарубежные машины и оборудование, ничего не требует с отечественных машиностроителей, и у последних гаснет стремление что-то создавать. Вырабатывается комплекс неполноценности.

— Может быть, это произошло потому, что мы постепенно уступили в качестве продукции и потребитель старался получить зарубежное только потому, что оно было более надежным?

— Это не совсем так. Приведу пример. Наше энергетическое машиностроение, авиапромышленность всегда ориентировались только на отечественные разработки (подобное оборудование Запад нам просто не продавал), и мы достигли в этих областях общепризнанных успехов. Достаточно сказать, что наши энергетические машины экспортируются во многие страны, в том числе развитые. То же самое можно сказать и об оснащении атомной энергетики. Сегодня технический уровень энергетических средств у нас не хуже, чем на Западе, хотя мы начали отставать в автоматике и управлении.

В общем, там, где мы не поддались нашествию импортной техники и продолжали свои направления, все получилось нормально. Поезжайте на ленинградскую «Электросилу», и вы увидите современные стенды, лаборатории, моделирование и все, что необходимо для создания долговременного оборудования.

Если же побывать, например, в Минлегпищемаше, то даже в головном институте, кроме столов и стульев сотрудников, ничего не увидите.

— Почему?

— Исчерпывающая оценка этому ненормальному явлению была дана на январском Пленуме ЦК КПСС. Отставание некоторых направлений нашей промышленности произошло не вдруг, не сразу. Что-то запускалось, на чем-то не концентрировалось должного внимания. Очень большие средства вкладывались в развитие сырьевых отраслей и гораздо меньшие — в машиностроение. Более того, импортное оборудование шло в основном не к нам, а в добывающие и сырьевые отрасли, то есть к потребителям машиностроения. Хотя, по логике, чтобы создавать индустрию производства современных видов оборудования, именно ее и нужно было оснащать в первую очередь. XXVII съезд партии коренным образом пересмотрел инвестиционную политику. Капвложения в машиностроение увеличились в два раза, а в приоритетные его направления — Минприбор и Минстанкопром — почти в три.

— Я полностью согласен с доводом, что, пока не вложишь в развитие отрасли достаточные деньги, нечего ждать каких-то успехов в этом деле. Но, на мой взгляд, есть еще одна немаловажная причина, приведшая к нашему отставанию в некоторых отраслях. Во всяком случае, при разговоре со специалистами промышленности и сельского хозяйства слышишь об этом довольно часто. Я имею в виду диктат производителя над потребителем, монополию крупнейших предприятий или целых отраслей на производство определенной продукции. Недавно в одной из газет было опубликовано письмо инженера К. Куштанина, в котором приводился такой факт: в 1971 году был принят ГОСТ на оценку уровня техники, но практика показала, что он позволяет каждое выпускаемое изделие считать на уровне мировой техники. Одна из причин этого в том, что оценку дает само предприятие-разработчик. Это напоминает суд, где ответчика назначают судьей. Некоторые крупные экономисты пришли к выводу: если оценивать экономическую эффективность одного и того же изделия по пяти существующим методикам, то крайние показатели могут отличаться друг от друга более чем в сто раз. Комментируя это письмо, академик Н. Федоренко писал, что при диктате производителя нет надежды на получение объективной экономической информации о новой технике.

Но это, как говорится, теория. А вот пример из практики. Многие средства массовой информации критиковали новый зерноуборочный комбайн «Дон-1500». По сравнению с зарубежными образцами аналогичного класса он более грузен, менее экономичен, хуже вымолачивает зерно, много его теряет и так далее, и так далее. Но вот выступил один из руководителей завода «Ростсельмаш» и стал утверждать, что все на самом деле не так. Комбайн отличный, ничем не уступает «Джону Диру», и еще куча комплиментов в адрес собственного детища. Чтобы журналисты не особенно копались в этом спорном вопросе, наиболее критичным из них просто запретили бывать на заводе.

Короче, производитель диктует свою волю во всех направлениях. Так было раньше, но привычка-то осталась.

— Если говорить о производстве того, что не нужно, или того, что по своим потребительским качествам не устраивает потребителя, то тут мы принимаем эффективные меры: перевели три отрасли промышленности на принцип самофинансирования и на договорные отношения между поставщиками и потребителями. Уверен, что только экономические отношения (а не директивные, административные, как прежде) могут повлиять на разрешение этой проблемы.

С будущего года «Ростсельмаш», о котором вы говорили, тоже переходит на самофинансирование. Если и тогда он будет поставлять технику, которая не устраивает потребителей, то они просто не станут ее покупать...

— Но ни у кого другого они ее купить не смогут: «Ростсельмаш» — монополист по выпуску комбайнов этого класса...

— Но «Ростсельмаш» будет выходить на мировой рынок, и, если его комбайны будут низкого качества, он не сможет их там продать и заработать валюту, нужную ему для приобретения необходимого зарубежного оборудования.

— Это, конечно, так. Но беда, что колхоз или совхоз не может выйти на мировой рынок и купить ту машину, которая его бы устроила. Они «привязаны» к «Дону» все теми же свободными экономическими (но от безысходности принудительными) путами.

— Если говорить откровенно, то я не совсем согласен с вами в оценке «Дона-1500». У колхозников разное к нему отношение. Многие дают ему высокую оценку.

— Если у них есть механизаторы с «золотыми руками»: получив машину с завода, они разбирают ее по винтику, а потом заново собирают, тогда она и начинает работать как следует.

— И тут я с вами не согласен. Если в машину не заложен высокий технический уровень, то никакие «золотые руки» его туда не привнесут. Они могут его подправить, рационализировать, получше отрегулировать, но технический уровень закладывается еще в исследованиях, когда машина только-только придумывается. Позже этот уровень прорабатывается в конструкции. Вы же имеете в виду качество исполнения, то, как комбайн собирают на заводе. Тут действительно много недоделок.

«Дон-1500» — для своего класса — отличная машина. Убирать им хлеба в десять центнеров с гектара — бессмысленно, ему нужны тучные нивы. На самом деле, сегодня он на 1200 килограммов тяжелее своего собрата по классу — «Джона Дира». Со временем конструкторы этот перебор металла уберут.

Во всяком случае, я уверен, что в уборочную кампанию 1988 года оценка комбайна будет совершенно иной, чем теперь.

— Почему вы так уверены?

— Опытная партия «Донов» (около пятидесяти штук) была испытана в разных климатических зонах страны в прошлом году. В ходе этой работы устранялись разные дефекты машины, брак при сборке и всякие другие неполадки. Так что «Дон» по-настоящему и не эксплуатировался. Опытные станции с ним замучились. Они говорили: технические характеристики хорошие, но очень низка надежность, он больше стоит, чем работает. Однако оценить его работоспособность на стадии опытного производства не было возможности. И тогда комбайн был отправлен во Всесоюзный научно-исследовательский институт сельскохозяйственного машиностроения, где имеется комплексный испытательный стенд, имитирующий все виды воздействия на комбайн, которые он испытывает в полевых условиях. Еще в поле в 120 точках машины сняли нагрузки, их параметры воспроизвели на этом стенде в автоматическом режиме. Если в естественных условиях на это жесткое испытание уходил целый сезон, на стенде его можно было «прогнать» всего за шесть часов. За шестьдесят часов стендовых испытаний давались нагрузки десяти уборок. Так что выявлялись дефекты, которые можно было обнаружить в естественных условиях только лет через десять. У комбайна стали разрушаться бункера, наступала усталость металла. Таким образом, были обнаружены слабые места машины, которые могли бы скомпрометировать ее через пять-шесть лет после начала эксплуатации, когда ее парк достиг бы сотен тысяч единиц. Слабый узел пришлось бы «лечить» на ходу в таких гигантских масштабах. Мы поставили задачу довести надежность «Дона» до ста часов, что равно рабочему времени в течение одного сезона. На «Джоне Дире» надежность равна всего сорока часам. Другими словами, нам нужно, чтобы за целую уборочную страду у комбайна не было ни одного отказа, чтобы в поле никто гайки не крутил, никто в машину не лазил,— только косил и молотил хлеб. И все это позволил получить нам испытательный стенд.

— Хорошо, он определил слабые узлы, а дальше?

— А дальше пришлось заказать Минхимпрому новые ремни (а их на комбайне три десятка), так как прежние не выдерживали нагрузок. Минавтопрому—новые герметичные подшипники, так как прежние забивались пылью. Пришлось заказать более прочные цепи — короче, все узлы пришлось пересмотреть, сделать их более надежными в эксплуатации. Сейчас такой стенд создается уже на заводе.

Мы считаем, что в двенадцатой пятилетке во всех головных институтах и научно-производственных объединениях должны создаваться базы для испытания создаваемой техники в условиях, которые бы повторяли в более короткие сроки естественные. Теперь без этого работать просто немыслимо.

— Но это техническая сторона дела. Преимущества же, которые дает предприятию монопольное положение на рынке, все равно остаются.

— Чтобы не было монополии, мы вводим конкурсность разработок. Но есть другая возможность: суровый закон скидок и надбавок. Если продукция аттестована на высшую категорию качества, предприятие получает надбавку до тридцати процентов к цене. Через три года происходит переаттестация. Если высшая категория не будет подтверждена, надбавка будет утеряна. А далее начнет действовать ежегодная система скидок, что значительно уменьшит отчисления в различные социальные фонды предприятия, в том числе и премиальный. Это серьезный стимул для того, чтобы биться за качественные показатели продукции.

— Но опять-таки качественный уровень техники определяется в результате аттестации сверху. Нельзя пойти более простым путем — доверить это дело покупателю? Пусть он определит, нужна ли ему такая машина, выгодна ли. Если нет — он даст за нее, допустим, только половину запрошенной цены.

— Вы задаете очень серьезный вопрос, на который не всегда есть ответ. Наше хозяйство очень долгое время развивалось таким образом, что взаимоотношения производителя и потребителя строились на директивной, административной основе. Переменить все сразу и коренным образом невозможно. Сейчас принят ряд важных решений экономического характера. Главное в них — переход на экономические методы хозяйствования.

ОТКРОВЕНИЯ ГОСПРИЕМКИ

— В этом году на 1500 предприятиях страны введена госприемка, причем 888 из них — машиностроительные. Так что в вашем комплексе госприемка приобрела массовый характер. Как повлияло это обстоятельство на работу машиностроительных отраслей?

— Новый год действительно навалился на нас лавиной проблем. Надо признаться, испытания мы не выдержали. Оказался несколько невыполненным план января, в феврале дела пошли лучше, но тоже отстали от контрольных заданий. С мартовским планом справились успешно, но квартальный все-таки выполнить не сумели. Определенную роль в этом сыграла и госприемка.

— Иван Степанович, можно сделать отступление личного характера?

— Пожалуйста.

— Вы несколько десятков лет проработали в авиационной промышленности, где прошли путь от мастера до министра. Теперь вы являетесь заместителем Председателя Совета Министров СССР, возглавляете Бюро по машиностроению. Скажите, есть разница в отношении к госприемке, скажем, у мастера и министра? То есть зависит это отношение от места, которое работник занимает в производстве? Мы

ведь все в принципе за высокое качество продукции, когда выступаем в роли потребителя. А вот когда жесткие меры контроля касаются непосредственно того, что делаем сами, тут начинаются определенные сомнения в целесообразности мер или их жестокости. Не так ли?

— Моя трудовая карьера была растянута во времени. Целая эпоха прошла. Нелегко переместиться в психологию времени, отстоящего на тридцать — сорок лет. Я начинал на Горьковском авиазаводе, в отрасли, которая всегда отличалась высоким требованием к качеству, где дисциплина контроля всегда была высокой. Но и тогда, вспоминаю, отношение к ОТК было далеко не теплое. Мы, мастера, работали от зари до зари, а контролер пришел, посмотрел, узрел что-то неладное, тут же отклонил твою продукцию и ушел. В общем, обида и недооценка работы контрольного аппарата у меня лично были. Однако года через три я поднялся по служебной лестнице до начальника бюро цехового контроля, и моя точка зрения изменилась. Однажды даже сложилась парадоксальная ситуация: я был назначен начальником технического отдела цеха, но в то же время оставался и начальником бюро контроля. Был, конечно, искус, имея в кармане клеймо ОТК, сделать послабление в отношении качества продукции цеха. Но, честно скажу, никогда рука не поднималась поставить клеймо на изделие, которое вызывало сомнение. И впоследствии, будучи уже в должностях начальника цеха, главного инженера завода, директора, мне приходилось заниматься вопросами качества. Но там уже понимание места и значения контроля за выпускаемой продукцией было более зрелым.

— А вот сейчас директора борются с госприемкой, вернее, с ее представителями. Об этом не раз сообщала печать. Наш журнал в том числе.

— Видите ли, в крупномасштабном деле всегда есть перекосы. Но я не могу согласиться, что такие случаи типичны. Конечно, не всякий директор может пройти испытание госприемкой, тем более что твою продукцию строго оценивает вчерашний подчиненный. К тому же некоторые рычаги давления на представителя контроля у директора остались... Но в основном все проходит все-таки нормально. Говорю это вполне ответственно потому, что я не только руковожу машиностроительным комплексом, а поэтому чувствую эффект госприемки, но еще и курирую Госстандарт СССР. Так что наблюдаю ситуацию как бы сразу с обеих сторон баррикады, имею соответствующую статистику, поэтому могу сказать определенно: негативное отношение директоров — эпизоды. В душе, может быть, они и переживают, но умом понимают: эта мера необходима.

— Я знаю, что вы принимали участие в разработке проекта постановления, одним из пунктов которого было введение госприемки. Скажите, вы предвидели трудности, которые она вызвала?

— Мы предвидели, что трудности будут, но что такие, не представляли. Тогда казалось, что самая главная сложность в этом деле — производственная дисциплина, качество исполнения.

— До того мы адаптировались в разболтанности, что казалось: трудно будет войти в нормальную колею?

— Да. Однако вышло, что эта проблема не самая трудная. А сложным и неожиданным явилось отсутствие технологической, организаторской и конструкторской дисциплины.

Мы отступали постепенно, но долгое отсутствие должного спроса и ответственности привело к расхлябанности и дало те результаты, которые мы сейчас имеем. Простое повышение дисциплины исполнения мало что может решить. Хотя, разумеется, и оно очень важно.

Например, были выявлены факты, что на ряде предприятий оснастка была разбитой, штампы давно не проверялись, а от долгого использования настолько износились, что были неточными. Кое-где из технологических циклов был исключен ряд операций, как говорили, в целях повышения производительности труда, хотя все эти затеи заметно снижали уровень качества.

Вопросы повышения дисциплины исполнения оказались самыми простыми. Рабочий класс первым почувствовал госприемку, так как она вначале ударила его по карману. Тем не менее он признал ее необходимость и активно поддержал. А вот вопросы запущенной технологии, всякие конструкторские неувязки оказались факторами более длительного действия.

— Говорят, что свою роль сыграло несовершенство наших стандартов...

— Во-первых, надо научиться работать по тем стандартам, которые имеются. Хотя нужно признать, есть среди них и такие, работая по которым хорошего качества все равно не получишь. Так что браться нужно и за то и за другое сразу. Для иллюстрации приведу такой случай. На Харьковском заводе тракторных двигателей полагалось на завершающей стадии готовое изделие сначала прогрунтовать, а потом трижды покрасить. Местные «рационализаторы» стали совершенствовать процесс. Сначала доказали, что один слой краски лишний. Потом отказались от второго, дальше—от третьего. В конце концов дошли до того, что двигатель, чуть-чуть побрызгав грунтом, отправляли потребителю. Представьте его товарный вид и антикоррозийную защиту. В погоне за экономией материалов все упростили, довели до идиотизма, а когда госприемка потребовала соблюдения стандарта, завод кинулся в Госснаб: у нас нет краски! Когда разобрались, оказалось, что при прежней их «экономной технологии» она им просто не была нужна и, естественно, не затребовалась заранее.

Таких примеров немало. С каждым надо разобраться особо. Все ужесточения требований к качеству не могли не сказаться на производстве. Во всяком случае, 35—40 процентов невыполнения планов следует отнести к трудностям, порожденным введением госприемки.

— Долго еще, по вашему мнению, она будет лихорадить производство?

— Думаю, к концу года основные проблемы будут решены. Восстановится нормальный ритм.

— Если вести разговор о стратегических задачах по созданию новой техники, соответствующей мировому уровню, то, мне кажется, их нельзя решить, пока не будет решен вопрос о приоритете конструкторской мысли в самом широком аспекте. Прежде всего я имею в виду возможность разработчиков закладывать в свои будущие изделия те материалы, которые они считают нужными. Сейчас они этого делать не могут. Они вправе использовать, допустим, только тот металл, который уже имеется, а требовать у металлургов сталь с какими-то новыми качествами — нет. Отсюда проблема прочности решается путем увеличения веса, отсюда вынужденное использование металла там, где можно поставить пластик. И так далее. Диктат производителя «бьет» и по этому квадрату...

— Вы совершенно правы. Каким должен быть материал, какими свойствами он обязан обладать — все это надо решать конструктору. Он должен быть заказчиком по отношению к металлургу, химику и так далее. Но долгое время все было наоборот. Теперь мы стараемся поправить дело. Но задачу эту просто так не решить. Есть в том и наша вина. Когда мы предъявляем металлургам претензии по поводу качества металла, они в ответ: дайте нам более совершенные прокатные станы, дайте нам дефектоскопическую аппаратуру, которая бы позволяла следить за качеством листа в процессе самой прокатки и одновременно позволяла корректировать ее.

Машиностроители так быстро всего этого сделать не могут. Нужно время. Но это в принципе можно решить.

Есть более серьезная, не знаю даже, как назвать, психологическая, что ли, проблема, с которой нам придется серьезно поработать. Я имею в виду отношение конструкторов к мировому научно-техническому уровню. В том, что мы долгое время выпускали продукцию, как нам казалось, на мировом уровне, хотя она таковой не была, виноват применявшийся до недавних пор порочный метод сравнения. Мы брали действующий зарубежный образец, изучали его и разрабатывали свое изделие. Все вроде бы верно. Равнялись-то на лучшее. Но при этом забывали, что зарубежный аналог уже лет десять сходит с конвейера, а мы на разработку своего и на запуск его в массовое производство потратим еще десять. Так что двадцать лет отставания как бы заранее планировалось самому новому нашему образцу. К этому привыкли, считали, что так надо. Сейчас нам предстоит навести порядок и в этом деле.

— Сплошные проблемы. За какую ни возьмешься, она тут же тянет за собой другую. Скажите, Иван Степанович, что самое сложное сейчас в машиностроительном комплексе? Я имею в виду не месяц, не год, а более продолжительный период.

— Как я говорил, технический уровень. Это чрезвычайно тяжелая задача. Это не темп производства. Там можно было выйти на работу в субботу, поднапрячься, дать лишние тонны, метры и получить дополнительные проценты. Тут подобное не пройдет. Нужна мощная мозговая атака с использованием всех современнейших средств. В первую очередь систем автоматизированного проектирования. Конечно, придется вложить большие деньги, чтобы поднять техническую вооруженность самих разработчиков, ученых, конструкторов, создать соответствующую экспериментальную базу. Ясно одно: не решив этой задачи, мы не решим и остальное.

— Я думаю, что, кроме денег, необходима еще и свобода инициативы, независимо от того, касается ли это одного конструктора или целого коллектива.

— Это само собой. Переход на самофинансирование предприятий и даже целых отраслей сыграет в этом деле положительную роль...

Сейчас идет обсуждение Закона о государственном предприятии. Там как раз это предусмотрено. Есть пункт, который гласит, что если вышестоящая организация принесла своими действиями предприятию убытки, то она должна их возместить. Предусмотрено даже право предъявлять иск министерству...

— Хотел бы я посмотреть на директора завода, который учинит иск министру...

— Это вполне реально. Сейчас другие времена. Да и министры перестроились, отвыкают от командного тона. К тому же им нетрудно понять мотивы директоров: сами когда-то ходили в этих чинах. Конечно, без определенных трений не обойтись.

А что в жизни дается легко и просто?

ТРУДНОЕ ВРЕМЯ ПЕРЕМЕН

Эта беседа была подготовлена к печати в конце мая. Ознакомившись с материалом, Иван Степанович Силаев сказал:

— Повременим с публикацией...

Снова встретились мы только в августе. Срок вроде бы прошел не такой большой, но он был насыщен событиями: июньский Пленум ЦК КПСС, седьмая сессия Верховного Совета СССР одиннадцатого созыва, совещание в Центральном Комитете партии, обсудившее проблемы машиностроения. В эти месяцы был принят ряд важнейших постановлений, касавшихся перестройки народного хозяйства страны. Обо всем этом и пошел наш разговор с Иваном Степановичем Силаевым.

— Подготовка к июньскому Пленуму ЦК КПСС, его работа, разработки и принятие целого ряда правительственных документов, предусматривавших переход к экономическим методам управления народным хозяйством и перестройку основных органов управления,— все это имело непосредственное отношение, естественно, и к машиностроению, которое, переходя на рельсы новых принципов хозяйствования, одновременно решало и главную свою задачу: дать стране как можно больше и как можно в более короткие сроки новейшего оборудования.

— И тем не менее на июньском Пленуме прозвучала довольно резкая критика в адрес отдельных машиностроительных отраслей и комплекса в целом...

— И лично в мой адрес как председателя Бюро по машиностроению. Критика, надо сказать, вполне заслуженная. После Пленума мы вновь проанализировали ситуацию, которая сложилась в нашем комплексе в первом полугодии, постарались понять, почему не выполнен план двух кварталов, где и что нами упущено, что не учтено, в чем нам нужно прибавить, чтобы выйти на уровень поставленных задач...

Тут я хотел бы немного повториться и сказать о следующем. 1986 год был для машиностроения годом высоких темпов. В этом сыграла свою роль волна энтузиазма, политического и трудового подъема, связанная с работой XXVII съезда КПСС, принятыми им решениями, курсом ускорения и перестройки, который наметила партия. Наступил 1987 год, и мы, воодушевленные достигнутыми успехами, замахнулись на еще более высокие темпы... будем говорить откровенно, с багажом прежних наших подходов количественного характера. И споткнулись на первых же шагах именно при переходе на более высокие качественные показатели.

Перечислю их. Перед нами была поставлена задача перейти в выпуске продукции, соответствующей мировому техническому уровню, с 22 на 38 процентов. Ясно, новое всегда дается труднее, чем серийное старое.

В этом же 1987 году нам надлежало обновить продукцию, выпускаемую машиностроительными министерствами, на 7,6 процента, тогда как в недавние годы уровень обновления, как мы уже говорили, равнялся всего 3—3,5 процента.

И, наконец, введение госприемки — третье новшество, имевшее прямое отношение к повышению качества.

Таким образом, с одной стороны, нам задавались более высокие темпы производства, превышавшие прошлогодние почти на сорок процентов, с другой — вводилось как бы тройное наслоение требований по качеству.

— Проще говоря: с вас требовали продукции одновременно и больше, и лучше...

— Именно. И нас на это не хватило. Не хватило с нашей сегодняшней производственной и технической базой, с нашей, я бы сказал, психологией и дисциплиной труда.

Однако мы не считаем создавшуюся ситуацию критической. Мы почувствовали, что начинаем перестраиваться на новые рельсы. В первом полугодии уже 41 процент выпускаемой продукции соответствовал мировому уровню...

— Больше, чем планировалось по данному показателю?

— Да, немного больше. Мы начали давать новую продукцию в счет

тех 7,6 процента, которые нам были определены на нынешний год. И все это, несмотря на трудности с внедрением госприемки. Из-за ее жестких условий мы недосчитались продукции более чем на миллиард рублей. Зато выпущенная по качеству была значительно выше. Это отметили, в частности, и наши потребители — как внутренние, так и внешние.

Таким образом, качественные сдвиги, традиционно для нас самые трудные, начались. Но совместить их с количественными показателями, высокими темпами производства нам пока не удается.

Сейчас мы готовимся к переходу на самофинансирование всех отраслей машиностроительного комплекса. С первого января 1988 года они все перейдут на этот принцип деятельности.

Кроме того, нам предстоит пересмотреть, где это необходимо, структуру нашего основного производственного звена.

— В связи с этим, Иван Степанович, у меня есть такой вопрос. Всякий раз, переходя к каким-то экономическим реформам, или, скажем мягче, совершенствуя наш хозяйственный механизм, мы начинаем с того, что сокращаем или увеличиваем количество министерств, ведомств, объединяем их, разъединяем, изобретаем новые структурные построения и так далее, выдаем это за многообещающее и крайне необходимое новшество, а потом, как правило, возвращаемся к старым формам, и этот организационный момент опять-таки объявляем все тем же совершенствованием хозяйственного механизма. Все мы так привыкли к подобного рода перестановкам, перелицовкам, передвижкам по горизонтали, что всякое новое совершенствование в этой области воспринимаем, как очередную кампанию, как прелюдию к возврату на старые позиции. Не получится ли и на этот раз нечто подобное: объединили четыре министерства в два, чтобы через некоторое время на их базе создать три, или, скажем, пять, или те же четыре? Я говорю чисто условно, но, понимаете, такая мысль порой приходит, ибо слишком много напрашивается аналогий из прошлого...

— Я не согласен с подобной постановкой вопроса. За вроде бы формальным совпадением некоторых из деталей в принимаемых ныне решениях стоит совершенно иная, чем прежде, база. Ну, например, в решениях июньского Пленума ЦК КПСС определено, что могут создаваться более крупные, чем ныне, формирования — государственные производственные объединения.

— Как будут выглядеть эти ГПО, в чем их отличие, допустим, от НПО, ПО, которые давно уже функционируют, притом не всегда так, как нам бы хотелось? Как деятельность ГПО будет соотноситься с деятельностью министерств?

— ГПО — это объединение предприятий, близких где-то по территориальному, а где-то по технологическому признаку. ГПО могут включать в себя не только производственные, но и сбытовые, торговые функции. Предприятия, входящие в ГПО, не теряют своей самостоятельности, наоборот, они функционируют на основании Закона о государственном предприятии (объединении). Это будет союз равных. В чем и заключается их главное отличие от НПО. Там экономическая общность существует без глубокой экономической самостоятельности. Имеется головное подразделение, которое фактически все и решает, все распределяет...

Руководители предприятий, входящих в ГПО, будут образовывать совет директоров, который, в свою очередь, избирает генерального директора. Сформированное таким образом небольшое административное ядро станет осуществлять исполнительную власть в ГПО.

— Кто будет финансировать деятельность этого главного руководящего звена?

— Оно будет функционировать за счет отчислений каждого предприятия в общий фонд и решать в основном вопросы отношений между этими предприятиями. К примеру, социальные. Нужно, предположим, построить санаторий или микрорайон в городе. В одиночку такое дело ни одному предприятию не поднять (если, разумеется, это не промышленный гигант). А вот объединению нескольких фабрик и заводов такая задача по силам. Совет будет координировать усилия «акционеров» на главных направлениях научно-технического прогресса. Короче, это союз экономически самостоятельных, но заинтересованных в общем результате предприятий.

В связи с этим мы должны серьезно пересмотреть нашу производственную структуру и сократить значительно количество управляемых единиц...

— Управляемых или управляющих? Насколько я понял, при ГПО сократятся именно управляющие звенья, ведь останется только связка «министерство — ГПО», отпадут территориальные главки министерств, различные управления и так далее. Или я неправильно понял?

— Правильно поняли. Но и я не оговорился, когда сказал, что надо сократить количество управляемых единиц. Я подхожу к функциям министерств. Сегодня наши министерства разрослись до очень больших размеров. В некоторых насчитывается более тысячи, а то и до полутора тысяч работников. Множество мелких предприятий административно управляется из центра. Эта громоздкая система давно себя скомпрометировала. Но чтобы ее устранить, чтобы придать большую свободу и самостоятельность предприятиям, выход один — объединять эти мелкие и даже средние предприятия, дать им возможность «самоуправляться»...

— Через ГПО?

— Да, через ГПО и тем самым сократить количество производственных единиц, которые нуждались в управлении сверху. Таким образом, создавая такие новые образования, как ГПО, мы передаем им часть бывших министерских функций. Это позволит сократить часть звеньев в аппаратах министерств, в частности главки по управлению производством, так как в них просто отпадет необходимость. В то же время возникнет возможность сконцентрировать работу министерств на проблемах научно-технического прогресса, капитального строительства, подготовки кадров, прогнозировании развития этой отрасли, на анализе зарубежной информации и так далее.

Сейчас мы как раз и разворачиваем работу по кардинальной перестройке управления производственным звеном, продолжая переадресовку «вниз» функций министерств, освобождая их усилия для выработки общей стратегии отрасли, для решения проблем научно-технического прогресса и так далее. Это даст возможность сократить, упростить аппарат министерств, перейти на двухзвенную управленческую структуру. Весь этот комплекс задач мы должны решить уже в этом полугодии.

— Значит, Иван Степанович, многие задачи машиностроителям придется решить уже в этом году. Облегчит это работу комплекса в будущем, 1988-м?

— Думаю, нет. Более того, я уверен, что для нас 1988 год окажется не менее сложным, чем этот. Переход на экономические методы работы и управления в машиностроении потребует дополнительных усилий: дело-то слишком необычное и непривычное и дастся, считаю, совсем непросто. К тому же в будущем году нам предстоит выпускать в соответствии с мировым техническим уровнем уже 55 процентов важнейшей продукции. К тому же на работу в условиях госприемки должны перейти дополнительно еще более трехсот машиностроительных предприятий.

Это в основном заводы, производящие комплектующие изделия для выходной продукции. Мы остро ощутили, что наши комплектующие сильно отстают в качестве и ставят тем самым основную продукцию в очень тяжелые условия. По-прежнему останутся высокими темпы и обновления продукции: в 1988-м — уже на десять процентов.

— Другими словами, напряженность не снижается, а растет во всех направлениях...

— Вот именно. И от того, как предприятия сумеют в оставшееся до нового года время распорядиться предоставленными им правами и подготовиться к работе в новых условиях, зависит успех всего дела. Так что дух переводить некогда.

— Иван Степанович, мы сейчас очень часто вспоминаем годы, которые называем застойными, когда наша экономика развивалась совсем не теми темпами, на которые мы могли рассчитывать. Но, кроме чисто экономических, это время породило немало, если так можно выразиться, психологических проблем. В те годы делалось много такого, что при здравом размышлении, а не только при научном анализе делать в принципе не следовало бы. Исходя из этого общеизвестного положения, я хотел бы задать такой вопрос: велик ли груз этих психологических пережитков, многие ли из аксиом прошлого приходится сейчас пересматривать?

— Такие проблемы, конечно же, имеют место. Не скажу, что они слишком тормозят общее движение вперед, но и сбрасывать их со счета, думаю, преждевременно. На мой взгляд, самое отрицательное в них то, что они не бросаются в глаза. Мы как бы адаптировались в их мире.

Поясню примером. Когда мы ставим перед конструкторами и разработчиками новые задачи, то по необъяснимой привычке предполагаем, что все сто процентов их разработок пойдут в дело и будут выполнены на высшем уровне, хотя мировая практика показывает, что только 25—30 процентов разработок соответствует заданным требованиям и дает при внедрении в производство ожидаемый экономический эффект.

— Всего-то?

— Да, не больше. Еще примерно двадцать процентов разработок хотя и соответствуют поставленным задачам, но из-за того, что последние были неточно или неудачно сформулированы, при эксплуатации и реализации не дают должного эффекта. Ну, а оставшиеся примерно пятьдесят процентов оказываются...

— Не больше чем тренировкой мозгов.

— Совершенно верно. Так что кпд разработок в мире только 25—30 процентов. Вот и нам пришлось переосмысливать свое слишком оптимистичное представление о продуктивности наших изобретателей и проектировщиков. Это раз.

Второе. С введением, согласно известному постановлению, конкурсности при разработке важных проектов мы должны пойти на дополнительные затраты конструкторских сил. Ибо стало ясно: чтобы обеспечить динамику в разработках и получить гарантии при создании и производстве новой, соответствующей мировому уровню техники, надо увеличить производительность наших конструкторов не на проценты, а по крайней мере в четыре-пять раз. С учетом того, что значительная часть разработок будет позже отсеяна.

— Но где брать для подобного «расточительства» энергию, кадры и средства?

— Оказывается, есть немалые скрытые резервы. Главный из них — переход на самофинансирование и хозрасчет творческих организаций: проектных и научно-исследовательских институтов, конструкторских бюро и так далее. С нового года в машиностроении все творческие организации перейдут на хозрасчет. Их разработки, исследовательские предложения будут рассматриваться как товарная продукция.

— Но труд ученого, конструктора, разработчика проекта — довольно непростое дело. Я думаю, будет сложно найти правильные критерии, чтобы определить их, оценить и оплатить...

— ...Но делать это все равно надо, ибо прежние подходы уже не срабатывают. Переход на экономические методы в конструкторском и проектном деле означает, что оканчивается эра, когда платили зарплату, когда финансировалась не сама работа, труд, а содержание определенного штата. Теперь мы будем финансировать темы. Допустим, стоит какая-то разработка миллион рублей — на нее будет отпущен миллион, независимо от того, сколько человек займутся ею.

Вторая проблема этого дела. Мы убедились, что прежние ручные методы проектирования нас просто погубят: они не позволяют быстро вести разработки и выдавать соответствующие проекты. Нам необходимо в кратчайший срок автоматизировать этот труд.

Третье наше прозрение в данной области: необходимо увеличить капвложения в создание новых и переоснащение старых лабораторий, опытных производств, всякого рода испытательных центров. Ранее я говорил, что на эти нужды решено выделять до восьми процентов средств, отпускаемых отрасли на ее развитие. Сейчас мы поняли: этих денег мало. С 1989 года (план 1988 года уже сформирован, и все ресурсы распределены) в развитие опытной базы будем вкладывать 12—15 процентов всех средств.

Сочетание трех этих факторов — переход на новые экономические методы деятельности, полный хозрасчет, договорную основу взаимоотношений заказчика и разработчика, широкомасштабная автоматизация труда конструкторов и технологов, резкий рост капвложений в развитие опытной базы — все это позволит справиться с проблемой качества нашей продукции.

— Иван Степанович, но обо всем этом мы говорим в будущем времени или в сослагательном наклонении: если сделаем, если проведем, реорганизуем, вложим капитал и так далее. А время все-таки идет, и хотелось бы увидеть какие-то практические результаты перестройки уже сейчас.

— Они есть. Например, во время нашего первого разговора мы обсуждали необходимость строительства аэродинамической трубы для продувки новых моделей автомобилей. Сейчас она уже построена и недавно сдана в эксплуатацию. Думаю, скоро получим практические результаты.

Или вот такая информация из области конкурсного проектирования и психологической перестройки. Вы, наверное, знаете, что вагоны для нашего метрополитена разработаны еще в предвоенные годы, и с тех пор они практически не изменились. Но время потребовало новых конструктивных решений, соответствующих современному уровню развития техники. Был объявлен открытый конкурс, в котором, к общему удивлению, кроме головного института отрасли, приняли участие два авиастроительных КБ (имени С. В. Ильюшина и О. К. Антонова) и коллектив конструкторов объединения «Автоваз». Победителем — этого никто не ожидал — оказался коллектив ВАЗа, а худший вариант нового вагона представили профессионалы этого дела. Так конкурсность дала неожиданный результат, лишний раз подтвердив жизненность и большие перспективы конкурсного метода разработки новых проектов. А какое количество перспективных идей еще ждет своего воплощения в конкретные дела!



МЫ ВСЕ ЗА ПЕРЕСТРОЙКУ ●
ЕСТЬ ЛИ ГРАНИЦЫ ДЛЯ ДЕМОКРАТИИ? ●
РОКОВАЯ ЦИФРА «15» ●
К ВОПРОСУ О КЛАССОВОЙ БОРЬБЕ ●
КТО ЗАСТЕКЛИТ ЛОДЖИЮ? ●

■

Я молод, и раньше, до перестройки, считал, что все так дальше и будет идти, как шло. Очень чувствовался застой, торможение. И вот наконец грянула перестройка. Я так этого ждал и считаю теперь ее своим личным делом. Но не все понимают, как это важно, или, может быть, не хотят понять. Бюрократов еще много вокруг. Вам в Москве, наверное, не так заметно.

Бюрократов, думаю, уже не перевоспитаешь, они такими и останутся. Может, чуток подстроятся, чтобы не сняли, и все. А вот молодежь от всей души хочет нового, верит в правое дело. Все мои друзья — за перестройку. Нужно помогать молодым — честным, искренним — пробиваться и действительно осуществлять перемены в нашей стране.

Прочитав «Огонек», хочется взяться за дело, чтобы кипело все кругом. Хочется раскрыть людям глаза: да посмотрите же! Ведь перестройка идет! Что вы топчетесь на месте? Если не сейчас, то когда же?! Ведь для себя!

Игорь НАЛИВАЙКО,
слесарь, 21 год
Карелия.

■

Эффективность здравоохранения можно повысить без дополнительных затрат, если лучше использовать рабочее время в медицинских стационарах.

Считаем целесообразным продлить время работы врачей в отделениях, где это возможно, за счет гибкого графика. Например, каждый из ординаторов приходит на работу с интервалом в один-два часа или часть врачей приходит утром, другая — к 12—13 часам. Диапазон времени, в течение которого больные смогут получить квалифицированную помощь, увеличится на 4—5 часов. Сменная работа, как и работа по гибкому графику, может значительно ускорить диагностический процесс, если будет шире применяться в лабораториях, рентгенологических кабинетах и т. д. Это целесообразно и при переходе к двух- и трехсменной работе предприятий и поликлиник.

Сейчас один-два дня в неделю больные в стационарах остаются без полноценного врачебного наблюдения и лечения, не проводятся плановые операции, не работает дорогостоящая лечебная и диагностическая аппаратура. Чтобы использовать этот резерв, половина врачей должна иметь выходные по пятницам и субботам, а вторая — по воскресеньям и понедельникам. Это неприменимо в отделениях, где всего два-три врача, но в больших отделениях или лабораториях вполне оправданно. При такой организации труда нет необходимости в дневных врачебных дежурствах по субботам и воскресеньям. В то же время в эти дни обеспечивается значительно более полноценный лечебно-диагностический процесс. Медицинский же персонал работает с двумя выходными и будет обеспечен лучшим, чем при шестидневке, отдыхом.

А. Н. БЕЛОШИЦКИЙ,
врач,
Е. Н. БЕЛОШИЦКАЯ,
экономист
Житомир.

■

Вы стали печатать статьи, которые омрачают наш путь к социализму, особенно период довоенных пятилеток.

Мне не нравится и то, что ваш журнал, печатая отклики советских людей, выбирает писанину обиженных, тех, кто в какой-то мере имел отношение к жерновам 37-го года. Я прихожу к выводу, что другие письма вы скрываете.

Непозволительно играть историей и обманывать людей, особенно молодежь. Вместе с врагом призывались к ответу и некоторые честные люди. К примеру, могу назвать своего отца. В 1937 году его арестовал районный начальник НКВД, и он после этого домой не возвратился. В этой моей личной трагедии я не виню И. Сталина, потому что в то время речь шла о жизни и смерти социализма, и считаю арест моего отца ошибкой или же беззаконием местных начальников. Я не озлобился, наоборот, с оружием в руках четыре года бился с фашизмом, чтобы отстоять свою Родину.

Меня удивляет еще одно. Где были эти писаки столько лет? Почему они молчали? Неужели ждали перестройки? Вряд ли. Они просто привыкли приспосабливаться. Я не питаю к ним доверия. Они только мутят воду и ждут, когда же наконец будет реставрировано старое. Это по их вине все идейное мы переложили на деньги. Мы почему-то отреклись от тезиса, что по мере движения вперед классовая борьба будет обостряться. Думаю, что этим совершили большую ошибку, создали инертное общество. На самом же деле такая борьба существует, и мы не хотим ее видеть и просто отмахиваемся. Ваш журнал обязан обратить на это внимание, это наша современная жизнь.

Можете ли вы объяснить, почему так развиты на периферии хищения, взяточничество, приписки? Разве это не обострение классовой борьбы? Почему в таких преступлениях погрязли многие, у кого в руках власть? Почему мы не кончаем с ними и их же руками стараемся осуществить перестройку? Зачем даем возможность проходимцам, в основном бывшим уголовникам, под видом кооперативов открывать частные лавки и производства, многие из которых перечат нашей идеологии и морали? Почему об этих острых вопросах молчит ваш журнал? Сейчас вы молчите, а потом, когда «перевернется арба», говоря образно, начнете кричать, как сейчас черните наше прошлое.

С. С. САРКИСЯН,
ветеран Великой Отечественной войны
Батуми.

■

Прежде чем начать это письмо, долго думала: а стоит ли? Ведь лесочка, о котором хочу написать, не вернешь. Да и в исполкоме мне сказали: все по закону. И в редакции нашей многотиражки «Знамя» милая женщина-журналист посочувствовала, посетовала, что многое уже нельзя исправить, хотя, конечно, теоретически вроде бы еще можно...

А месяц назад здесь белки по соснам прыгали. «Мамочка, мы с папой двух веселеньких белочек сейчас видели!» — радостно кричала моя Женька, возвращаясь с отцом из лесу. Где теперь эти веселенькие белочки? Лес вырублен огородниками, у которых на руках законные «порубочные» билеты. Я все прекрасно понимаю: нужно решать Продовольственную программу, расширять садово-огородные товарищества. Но нельзя же так — руби, кроши все подряд!

У нас тоже есть свой огород, он находится в бывшем карьере. У всех, кто там обосновался, совесть чиста — не рубили деревьев, не жгли костры из зеленых хвойных веток. Мы всей семьей ходим туда пешком, 40 минут прекрасной прогулки через хвойный лес, который с каждым днем становится все меньше и меньше.

Еще восемь лет назад, когда я впервые приехала на Север, меня просто ошарашило, с какой легкостью уничтожают тайгу. Рубят, а потом бульдозером сгребают, и гниет лес, и никому нет дела. Нам необходимы нефть и газ, но ведь и лес тоже нужен! Ну, ладно, раньше недодумали, но ведь теперь другие времена, а все то же.

Меня до боли волнует все, что делается в моей стране. Потому что я ее люблю и хочу, чтобы она была самая красивая, самая зеленая. Но, скажу честно, не знаю, что нужно для этого сделать.

Е. В. СЛИНКИНА, 32 года
Урай, Тюменская область.

■

Обращаются к вам коллеги из города Жданова, из газеты «Азовский моряк» Азовского морского пароходства.

Высылаем вам один из октябрьских номеров, в нем опубликовано письмо коммуниста, ветерана труда Д. Тихонова под названием «Я — за Мариуполь!» — о возвращении городу прежнего названия.

Дело в том, что через три дня после выхода газеты в свет наряду с письмами и звонками читателей, приветствующих «смелость, злободневность» публикации, раздался звонок заведующего отделом пропаганды и агитации городского комитета Компартии Украины С. А. Буткова, раздраженно потребовавшего к себе редактора — Анатолия Васильевича Кобыляцкого.

Выяснилось, что в первую очередь его интересуют автобиографические данные автора письма: социальное положение, возраст, дееспособность и прочее.

Затем последовало: «Вы должны были поставить в известность горком!» И далее: «Вы ищете «жареные» факты, чтобы обеспечить подписку».

Под конец, когда редактор поинтересовался, каких ждать оргвыводов из содеянного, он услышал: «Решать будут там» — и увидел палец, обращенный к потолку.

Решение спустилось быстро. На следующий день Бутков затребовал читательские отклики. Одновременно более 50 писем на ту же тему были изъяты и из редакции городской газеты «Приазовский рабочий» (до «особого распоряжения», с категорическим указанием их не публиковать).

Читатели недоумевают, множатся слухи, что «редактору не поздоровится», что «гласность не для нашего города».

Уважаемая редакция, может, мы и впрямь наломали дров? Может, на периферии границы демократии уже, чем в центре? И можно ли считать «жареным» приглашение горожан к разговору об имени их родного города? Причем редакция не сделала никаких заключений, предоставив это право голосу общественного мнения. Глас сей, впрочем, может остаться вопиющим в пустыне, ибо позиция газеты трактуется как чуть ли не «подбивание к бунту».

Е. МУХИНА,
зам. редактора газеты «Азовский моряк»,
секретарь парторганизации,
С. ГОЛОВИН,
ответственный секретарь
Жданов.

■

Мне 34 года. Читаю в газетах и журналах статьи, где говорится о различных нарушениях, совершенных некоторыми руководящими работниками, и у меня сложилось впечатление, что закон к ним почему-то мягче. В основном их освобождают от занимаемой должности, в крайнем случае дают небольшой срок. Всегда считал, что чем выше должность, положение человека, тем чище должны быть его дела и помыслы. Ведь он как бы пример для всех, ему верят, на него надеются. Поэтому нарушение законности, даже малейшая нечестность наносят непоправимый вред социалистическому обществу, подрывают веру в справедливость у рабочего класса. Считаю, что таких людей надо наказывать вдвойне. И за подрыв авторитета, и за совершенные проступки! Ведь идя на должностные преступления, нарушая закон, человек вполне осознанно отделяет себя от общества и ставит себя выше его. Такие люди — разносчики «вируса» вседозволенности — и в других все-

ляют надежду, что можно все. Часто прежние заслуги становятся смягчающими вину обстоятельствами. А по-моему, они должны учитываться только для движения вперед, но не для защиты от правосудия. Хотелось бы знать, что предпринимает в этом плане наше законодательство. И что думают об этом читатели «Огонька».

Анатолий ТАРАСОВ,
рабочий
Душанбе.

■

Около четырех лет я работал переводчиком в Торговой палате Краснодара при монтаже различного оборудования. Разные люди приезжают к нам, но добрые, дружеские отношения у меня сложились с немногими, с теми, кто с интересом смотрит на нашу страну, симпатизирует нам. Когда родился сын, мы получили поздравления от друзей и знакомых, в том числе и из-за рубежа.

Один из специалистов ФРГ, с которым у нашей семьи давняя переписка, был проездом через Краснодар в Новороссийск. Об этом он сообщил телеграммой и просил встретить его. Здесь же он хотел передать подарок к рождению ребенка — ползунки и связанные его женой пинетки, но предстояло ехать в центр города в Торговую палату, которая находится недалеко от нашего дома. Специалист из ФРГ попросил у встречающего А. С. Запуняна разрешения заехать на 10—15 минут к нам и лично поздравить мою жену, передать подарок от его семьи, сфотографироваться. От первой и до последней минуты пребывания у нас — это около 25 минут — рядом находился Запунян, который тут же переписал данные моего паспорта, хотя знает меня уже три года.

Через неделю мы провожали специалиста из ФРГ и в аэропорту подарили ему в присутствии Запуняна набор вилок и ножей на память.

8 мая сего года меня приглашают в милицию, где сотрудник ОВИРа Кириченко Нина Николаевна в присутствии зам. начальника ОВИРа Краснодара (фамилию не разобрал) «беседует» со мной о нарушении закона, о порочности дружеских взаимоотношений с гражданами из-за границы, в особенности из капстран. «Беседа» шла на лексиконе: «Они наших 20 миллионов...», «Продать Родину за тряпки», «А что за костюм на вас?» (купил, кстати, у нас в магазине), «С ним все ясно».

Нина Николаевна зачитала мне Указ, который я якобы нарушил, но из всего перечисленного: предоставление жилья, услуг, сделки — я не нарушил ни одного положения. В конце концов зам. начальника ОВИРа остановился на том, что я создал предпосылки к нарушению,— отклонение от программы.

«Мы вас предупредили на первый раз,— сказали мне в заключение.— В неслужебное время вы не имеете права встречаться с иностранцами. Мы все равно узнаем, кто вас посетит еще. На второй раз уже штраф до 50 рублей». И посыпались далее угрозы в отношении моего будущего.

Вот так я превратился в преступника и внутреннего врага своей страны. Начальник Торговой палаты И. В. Милованов запретил мне давать даже письменные работы. Некоторые знакомые стали обходить меня стороной. Как же соотнести происшедшее со мной с нашими инициативами, направленными на доверие и сотрудничество на международной арене, с телемостами, в которых говорится, что люди из разных стран должны лучше знать друг друга, наконец, с упрощением процедуры оформления выезда в социалистические страны?

В. В. УСТИЧ,
33 года
Краснодар.

■

Мне настолько понравился ваш раздел «Слово читателя», что я за свои 80 лет впервые решил вам написать.

Меня поражает нелепое положение, существующее почти во всех больших городах. Большинство квартиросъемщиков, имеющих лоджии, стремятся всякими способами их застеклить и тем самым несколько увеличить полезную площадь своих квартир. Одновременно с этим городские административные и архитектурные учреждения издают грозные приказы, запрещающие такое самоуправство и угрожающие наказаниями и штрафами. Но все же большинство этим запретам не подчиняется, поскольку такие приказы противоречат желаниям людей.

Почему бы архитекторам и строителям самим не строить застекленные лоджии?

Н. В. ЧЕРНЫШЕВ,
ветеран партии,
участник Отечественной войны
Киев.

■

В № 42 прочел интервью с академиком В. И. Гольданским. Думаю, не только я, но и тысячи научных работников в нашей стране согласятся с академиком: запреты на информацию, широко практикующиеся у нас, просто бессмысленны и, как все бессмысленное, крайне вредны. Гольданский говорил о практике изъятий из иностранных журналов и о недостаточном их поступлении в библиотеки страны. Но это лишь одна сторона проблемы. Ведь и те зарубежные книги и журналы, которые поступают в библиотеки, в значительной своей части оседают в спецхранах. Чтобы попасть в спецхран, необходимо получить специальное разрешение, подписанное и заверенное в научной организации и в самой библиотеке, причем в разрешении должна быть сформулирована тема исследования (чтобы, не дай бог, физик не прочел что-нибудь по философии, а философ по физике). Зачем это нагромождение справок? Ведь и так в научную библиотеку без паспорта и диплома не записывают! Выходит, эти документы, удостоверяющие гражданство и образовательный уровень, еще не дают права на любую информацию, которой располагает библиотека. Откуда этот психоз недоверия?

Дело доходит до смешных, диких вещей. В Государственной публичной библиотеке имени М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде в открытом доступе стоит 20-томная немецкая «Брокгауз энциклопеди» (Висбаден). А три тома этой энциклопедии — в спецхране (17, 19, 20)! Теперь загляните в алфавитный каталог зарубежных изданий. Я специально подсчитал: примерно из 30 названий 7—9 отмечены роковой цифирью «15» (так шифруют издания, находящиеся в спецхране), то есть почти треть. Что среди этих изданий — книги о сексе, рекомендации по изготовлению атомной бомбы в домашних условиях или что-нибудь не менее «секретное»? Ничего подобного. Вот, к примеру, что оказалось в фондах спецхрана: книга Тео Эльма «Современная притча: теория и история притчи и притчевости» (Мюнхен, 1982). Дежурная в отделе специального хранения сочувственно и недоуменно покачала головой: ей тоже непонятно, почему книга попала к ним.

У сторонников всего «специального» и «секретного» в области информации есть старый аргумент — идеологическое «здоровье» нации. Хотелось бы напомнить этим людям элементарный физиологический принцип: здоровье не берегут, а поддерживают, и не в тепличных условиях, а на открытом воздухе. Так стоит ли захлопывать форточки?

Павел ТОЛСТОГУЗОВ,
аспирант, 28 лет
Ленинград.

ОГОРЧАЕТ ДОСТАВКА

Каждый день приходят в редакцию письма, которые вызывают у всех нас, сотрудников «Огонька», обиду за читателей.

«Раньше я регулярно покупала «Огонек» в киосках «Союзпечати». Это стоило немало нервов, так как если с вечера не купишь, то потом бегаешь по городу в поисках пропущенного номера. Наконец я выписала журнал со 2-й половины года. Первые два номера получила вовремя, без проблем. А потом опять началась беготня за журналами, только теперь — в 7-е отделение связи. Приходится просить, вымаливать, требовать очередной номер» (Г. З. Киселева, Баку).

«До 1985 года каждую неделю в определенный день получал «Огонек». А потом началось непонятное. К примеру, в июле этого года я не получил ни одного номера. Затем сразу принесли три. В августе получил только два журнала. В почтовое отделение обращаться бесполезно, ответ один: не поступил. Хотя в розничной продаже «Огонек» бывает намного раньше. Почему же такое отношение к подписчикам, почему их не уважают, даже пренебрегают ими?» (И. Дериглазов, Ишим Тюменской области).

«Месяца два мы гордо доставали из почтового ящика журнал — утром, по субботам. За выходные успевали его прочитать, дать друзьям и обсудить все «самое-самое». Но в последнее время наше 116-е отделение связи напрочь перечеркнуло все хорошее, что было связано с «Огоньком», и превратило его в повод для постоянного раздражения и беспокойства» (семья Талалаевых, Москва).

Многие сетуют на грубость, бесцеремонность почтовых работников: «Огонек» в отделениях связи приходится буквально вырывать с боем. Или приносят мятый, что, конечно, вредит репродукциям.

Получается, что заключенный с Министерством связи СССР договор, хоть и оплачен сполна подписчиком, все же не более чем джентльменское соглашение. Мы с вами можем только надеяться на добросовестность связистов, поскольку не обеспечены с их стороны юридическими и материальными гарантиями.

Много недоразумений с доставкой у москвичей и ленинградцев. Чтобы никаких сомнений не оставалось, сообщаем: машины издательства развозят журнал по столице в пятницу и субботу. Дальнейшее — в руках почты. И в Ленинград «Огонек» отправляют в те же дни поездом № 20, который уходит из Москвы в 22.00 и прибывает к месту назначения в 5.38 утра. К читателям же, судя по письмам из Ленинграда, он может попасть и через неделю.

До позапрошлого года действовал приказ Минсвязи СССР № 423 от 16.08. 1974 года, который четко определял нормативы: журнал, поступивший в отделение связи до 13—16 часов (в зависимости от местонахождения города), попадал к читателю в тот же день.

Но с 1985 года вступил в силу приказ № 428 от 5.12.1984 года. В нем говорится: «...как показала практика, излишне жесткая регламентация действующих нормативов и контрольных сроков, не позволяющая в ряде случаев учесть местные условия, сдерживает инициативу министерств связи союзных республик...». Пункт 7 этого приказа гласит: «Журналы доставляются подписчикам не позднее следующих двух дней с момента поступления их в доставочное предприятие связи».

Чувствуете, какая разница: раньше — через несколько часов, теперь можно и через два дня, если, конечно, придерживаться приказа. Но, видимо, не очень-то строго ему следуют, если читатели получают «Огонек» в самые неопределенные сроки.

Почту последних месяцев о доставке мы направили министру связи СССР В. А. Шамшину в надежде, что письма читателей прояснят руководителям министерства истинное положение с распространением «Огонька».

Редакция просит связистов, поскольку наш журнал еженедельный, изыскать возможность доставлять его подписчикам в те же сроки, что и еженедельные газеты.

Ольга НЕМИРОВСКАЯ,
корреспондент отдела морали и писем



Наш адрес:
101456, Москва, ГСП,
Бумажный проезд, 14.

ВНИМАНИЕ: КОНКУРС!

«ЛУЧШИЙ ВРАТАРЬ»

Закончился футбольный сезон. По традиции среди призов, которыми награждаются игроки и команды в конце года, и приз «Огонька» лучшему вратарю. В 46-м номере журнала мы попросили наших читателей принять участие в определении лучшего голкипера. Свыше тысячи открыток получили мы с фамилиями вратарей. Кстати, как и предполагали, немало поступило открыток с предложением приз вообще никому не вручать, стражи ворот играют крайне неровно.

Именно поэтому мы и решили в этот раз прибегнуть к помощи читателей. Объективный взгляд футбольного болельщика, будем надеяться, поможет нам определить обладателя приза 1987 года.

Напоминаем: на открытке вы должны написать фамилию лучшего, на ваш взгляд, вратаря, и тот голкипер, кто наберет наибольшее количество голосов, станет лауреатом года. Последний срок отправки открытки —6 декабря.

ПЕРВЫЙ ЭТАЖ ГОРОДА

САМАЯ ЛОВКАЯ ФОРМА ОТВЕТА НА КРИТИКУ — НИКАК НЕ ОТВЕЧАТЬ. «ОГОНЕК» НЕ ЕДИНОЖДЫ ПИСАЛ: НЕЛЕПО, НАКЛАДНО ДЕРЖАТЬ В ЦЕНТРЕ СТОЛИЦЫ КОНТОРЫ И КОНТОРКИ; ОНИ РАСПЛОДИЛИСЬ ТУТ — ЧТО НИ ШАГ, ТО БЮРО, ТРЕСТ ИЛИ УПРАВЛЕНИЕ. МОССОВЕТ НЕ ОТОЗВАЛСЯ НА ВЫСКАЗАННЫЕ В ЖУРНАЛЕ НАБЛЮДЕНИЯ И ЗАМЕЧАНИЯ, ПРОМОЛЧАЛ. И КОГДА ПРЕДСТАВИЛАСЬ ВОЗМОЖНОСТЬ, Я ОБРАТИЛСЯ К ДВУМ РУКОВОДИТЕЛЯМ ИСПОЛКОМА.

КОНТОРА В САМОМ ЦЕНТРЕ

К. КОСТИН

— Контор стараемся разводить поменьше. Наоборот, выводим их,— ответил заместитель председателя Мосгорисполкома А. Матросов.

— Дело это сложное. Есть и нигде не зарегистрированные конторы,— Г. Аржанов, тоже зампред, проблему не упрощал.

— Современные «Рога и копыта»? — попытался я уточнить.

— Недавно рассматривались проблемы реконструкции Сретенки,— продолжал меж тем А. Матросов.— Подготовлен перечень организаций, их около ста семидесяти, которые предстоит вывести отсюда.

Я переспросил. «Да, сто семьдесят»,— подтвердил собеседник. Если только на Сретенке и близ нее 170 ненужных тут организаций, сколько же их по всему центру столицы? Сколько квадратных метров, а скорее всего километров, отобрали они у нас с вами, у москвичей и гостей столицы? Точную цифру никто назвать не берется. Но факт — центр города оккупирован бюро, строительно-монтажными и просто строительными управлениями, конторами, трестами, разного толка ведомственными подразделениями, торгами, но не магазинами.

Не нашлось в центре места кафетериям, блинным, ресторанчикам, мастерским службы быта... Нет здесь и кооперативных кафе; их стараются загонять подальше, чтобы не конкурировали с худосочным городским общепитом, чтобы не мешали, что ли?

Прошел по Кузнецкому мосту и по Столешникову переулку; может, километр, может, полтора. Переспевшими, но не падающими гроздьями облепили всякие вывески входы в здешние здания. СУ, СМУ, тресты, конторы... Неполный перечень организаций, вальяжно и непоколебимо разместившихся тут, таков: Мосдачтрест, Правление научно-технического общества пищевой промышленности, Центральная опытно-техническая швейная лаборатория, Главурс Минречфлота, трест «Трансэнергомонтаж», трест «Центродорстрой», управление «Энергостройкомплектация», Учебно-методическое управление повышения квалификации руководящих работников, управление № 119 треста «Моспроммонтаж», трест «Росторгстроймонтаж» (потерпите еще немного, читатель, скоро списку — но не конторам! — конец.— К. Б.), РСУ № 2, участок № 2 «Мосинжремонт», контора «Мосснабречфлот», трест «Строитель», управление Госстраха, Педагогическое общество, отделы связи и электрохимзащиты Гипротрубопровода.

...У кафе «Столешники» — очередь. А рядом в глубине складного, но донельзя запущенного дворика наслаждаются центром конторки. Пункт «Вторсырья», снабсбыт, какое-то ведомство с громкими, скрипучими створками дверей; грязный автомобильный фургон из Подмосковья; много мусора, облупленная штукатурка стен... Углы и закоулки, используемые, похоже, как общественный туалет.

Знаю, да и нашим читателям это известно, есть проект создания тут большого «Гостиного двора». Сувенирный магазин, ресторанчик, кафетерии, пирожковая и пышечная. Хорошо? Кто спорит? Все — за. Районные организации — за; общепитовский главк — за; всякие инспекции обещают содействие и помощь. Вот только, похоже, отдел нежилых помещений не торопится визировать документы, которые стали бы сигналом для выселения отсюда и СМУ, и «Вторсырья», и всего такого прочего. «Некуда их переселять»,— сказали мне. Вроде бы приняты решения о переселении Книжной лавки писателей. А она все еще ютится в тесных комнатенках. И никто не говорит о сроках; неизвестно — когда состоится переезд?..

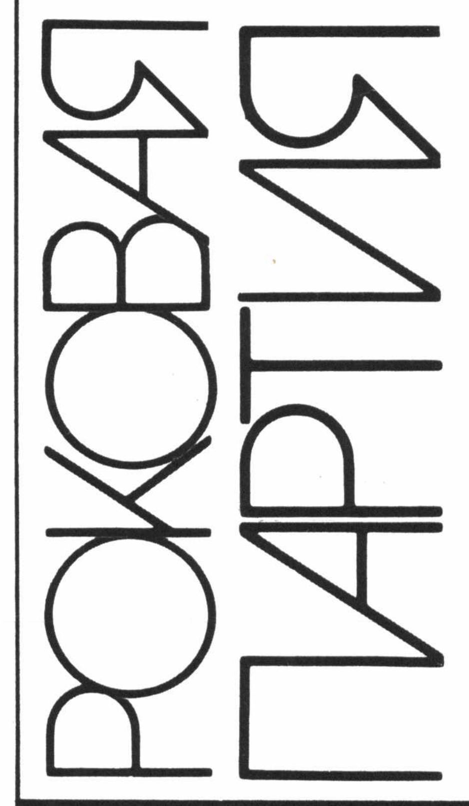
Некуда? Но в этом ли только суть и загвоздка? Не станем лукавить. Если все конторы покинут центр (а рано или поздно это все же случится!), что прикажете делать самому нежилому отделу? Ныне он занимает особняк на самом юру — на Кузнецком, центрее быть не может. В этом доме ресторан бы открыть. Или видеосалон. Или кафе. Или две-три кооперативные мастерские. Или магазин... Прежде отдел находился в скромном помещении, а едва выехала из особняка Академия коммунального хозяйства, вселился сюда. Может, начать отделу с себя и перевестись в Строгино или, позвольте предложить, в Медведково? Едва ли поднимется на это рука у самого отдела. А у Моссовета? Не знаю, но отмечено, что ныне именно мосгорисполкомовские организации показывают пример того, как не надо использовать первые этажи центра.

...А поесть тут негде. Переполненные рестораны, к дверям которых прикреплены таблички: «Мест нет». И когда я насчитал пять таких «приглашений», то подумал вот о чем. Отчего это многие ведомственные «точки общепита» прекращают свою работу, едва отобедают сотрудники, к примеру, министерства? Пять-шесть часов — и уже замок.

Распахните эти двери. Откройте здесь вечернее кафе. Докажите, что вкусно и недорого можно кормить не только «своих» едоков. И экономика за такое решение, и житейской логике оно не перечит. Сейчас ведомственная столовая ходит в неприкасаемых, вычеркнута из вечернего списка общедоступной едоцкой сети. Он, городской общепит, да и Минторг в целом бьются за каждое новое место в столовой. И при этом не замечают: рядом, в своем же ведомстве, вечерами пустуют тысячи очень чистых столиков и десятки вовсе не алюминиевых приборов. Промышленность переходит на двухсменку, так отчего же такую практику не перенять ведомственным столовым? Ведь здешнее оборудование используется ныне только на треть...

— Функциональное, оправданное с точки зрения интересов города и горожан использование первых этажей — одно из направлений нашей работы,— ответил на мой вопрос начальник Главного архитектурно-планировочного управления столицы Л. Вавакин.

И начать бы с центра. Но не с направления, а с конкретного дела.



Марк ТАЙМАНОВ, международный гроссмейстер, шахматный обозреватель «Огонька»

В Севилье теплая осень. Необычно ласково греет солнце, местные старожилы не помнят еще такого безмятежно-теплого ноября. И лишь в центре города, где расположен ставший всемирно знаменитым театр Лопе де Вега, воцарился свой микроклимат. Стрелка барометра страстей в единоборстве непримиримых соперников Гарри Каспарова и Анатолия Карпова неизменно колеблется от «переменно» — то к штилю, то к грозам. Драматической кульминацией матчевого «миттельшпиля» стала 11-я партия.

К этому моменту счет был равным — 5:5, и партнеры вели напряженную борьбу за лидерство, чрезвычайно важное накануне решающей половины баталии. А. Карпов играл белыми, и по опыту предыдущих четных партий можно было ожидать бескомпромиссной дуэли. Так и случилось. Стремительно, словно желая смутить соперника убежденностью в правоте своих теоретических изысканий, партнеры уже в шестой раз разыграли один из сложнейших дебютных вариантов, ставший предметом их принципиального диспута еще с прошлогодней «сессии». Не прошло и нескольких минут, как на доске возникло окончание, где, как и обычно в этой схеме, чемпион мира владел инициативой, а Карпов располагал минимальным материальным преимуществом. Диалектический мотив соотношения количества и качества, ставший одним из главных в творческом конфликте двух великих шахматных стратегов, проходил в тот памятный день новую апробацию. Отдадим должное экс-чемпиону мира,— воспользовавшись кратковременной заминкой своего партнера при перегруппировке сил, он сумел перехватить инициативу и шаг за шагом стал теснить позицию соперника.

Преимущество Карпова вырисовывалось все отчетливее, и казалось, поражение чемпиона мира неотвратимо. Корреспонденты уже готовили броские заголовки, когда случилось нечто совершенно непредсказуемое. Уверенный в близкой победе и, как объяснял потом он сам, оттого преждевременно расслабившийся, экс-чемпион мира совершил непостижимую ошибку, не только лишившую его плодов глубокой стратегии, но и приведшую к неизбежному проигрышу. Это было как гром среди ясного севильского неба. Трудно представить, что творилось в зале! История знает подобные казусы, но каждый раз они воспринимаются как чрезвычайные. Нужно было видеть в этот момент соперников. В считанные секунды кризиса на их лицах, как в стоп-кадрах, с предельной экспрессией отразилось не только потрясение, но проявились и характер, и темперамент. С поразительным стоицизмом перенес этот тяжелый удар А. Карпов. Невозмутимо бросил он взгляд на вдруг преобразившуюся картину боя и, лишь автоматически записывая роковой ход, чуть помедлил, словно еще можно было что-то исправить...

А Каспаров, напротив, со свойственной ему импульсивностью не мог справиться с нахлынувшими эмоциями. После всего пережитого он не скрывал ни удивления от внезапной счастливой метаморфозы, ни радостного чувства избавления от неотвратимой опасности, ни, наконец, торжества в предвкушении такой важной и желанной победы! Несчетно повторяло потом испанское телевидение эти исполненные психологизма впечатляющие кадры. «Исторической» назовут назавтра газеты ошибку А. Карпова, и самым драматичным единодушно признают этот поединок эксперты. Но, быть может, роковой исход имел свою психологическую подоплеку? Великим шахматистам ничто человеческое не чуждо. И, видимо, не случайно в своем интервью А. Карпов не преминул упомянуть, что и сама 11-я партия, и день, когда она игралась, связаны для него с горькими параллелями. Два года назад на московском матче в 11-м поединке, также при счете 5:5, он допустил грубейшую ошибку и уступил Каспарову лидерство. А 9 ноября 1985 года он проиграл решающую партию и потерял звание чемпиона мира...

Так или иначе, но после этого драматического события на матче чуть ли не на десять дней воцарился штиль. По характеру ближайших коротких и бесконфликтных партий нетрудно было разглядеть, что оба соперника, пусть и по разным мотивам, но в равной степени нуждались в передышке. Разочарование и нежданная удача одинаково сильно бьют по нервам. И пережитое требовало сначала разрядки, а затем внутренней мобилизации сил. Только так можно было преодолеть охватившую партнеров творческую апатию. В те дни происходило и осмысление вновь сложившейся матчевой ситуации.

Чемпион мира впервые в этом единоборстве перехватил лидерство и не скрывал, что готов придерживаться выжидательной тактики.

— Матч длинный, спортивные задачи превалируют,— объяснил Каспаров,— и сейчас трудно играть с предельным напряжением сил. Мы и так уже потратили много энергии.— И добавил: — Но все зависит в большей степени от Карпова. У него свои проблемы. По собственному опыту знаю, что шахматисту, который проигрывает по очкам, трудно прийти в себя и видеть картину в позитивном свете. И я жду, когда Карпов решится атаковать.

Для Карпова такая позиция не была откровением:

— Если бы я в 11-й партии получил такой же подарок, как получил Каспаров, то держался бы за него так же, как и сейчас он.— Но добавил:— Выйти на одно очко вперед — это еще не так много и не гарантирует сопернику спокойной жизни.

А в другом интервью со сдержанным оптимизмом разъяснил и свою программу:

— Настоящий счет в матче не отражает реального положения сил. Инициатива по-прежнему принадлежит мне. Как Каспаров сумел в короткий период изменить счет в свою пользу, так и я в оставшихся поединках имею хорошие возможности, чтобы выйти в лидеры.

Затишье не могло продолжаться долго. У соперников вновь проснулся вкус к борьбе, они блеснули поистине выдающимся мастерством. 15-й поединок вознаградил всех за долгое терпение. Это был парад глубоких замыслов, искрометных идей, фантазии. Уже не только А. Карпов, которому наступил срок выполнять провозглашенную программу, но и Г. Каспаров, памятуя замечательный афоризм Л. Кэролла: чтобы стоять на месте, надо бежать,— бросились в бой с открытым забралом. И хотя и на этот раз исход был мирным, но содержание поединка свидетельствовало о счастливом возрождении боевого духа соперников.

— Любители шахмат жаждут крови,— подчеркнул корреспондентам Гарри Каспаров.— Впереди еще немало партий, и она будет пролита.

г. Севилья.

Прогнозы нашего обозревателя сбываются. В 16-й партии Карпов сравнял счет.

БУКРИНСКИЙ ПЬЕДЕСТАЛ

СКУЛЬПТУРНАЯ ГРУППА «АТАКА» СТОИТ НА ТОМ САМОМ МЕСТЕ, ГДЕ СОРОК ЧЕТЫРЕ ГОДА НАЗАД НАШИ ВОИНЫ ШТУРМОВАЛИ ДНЕПРОВСКИЕ КРУЧИ.

Борис **СМИРНОВ**, фото Николая **КОЗЛОВСКОГО** и Геннадия **КОПОСОВА**

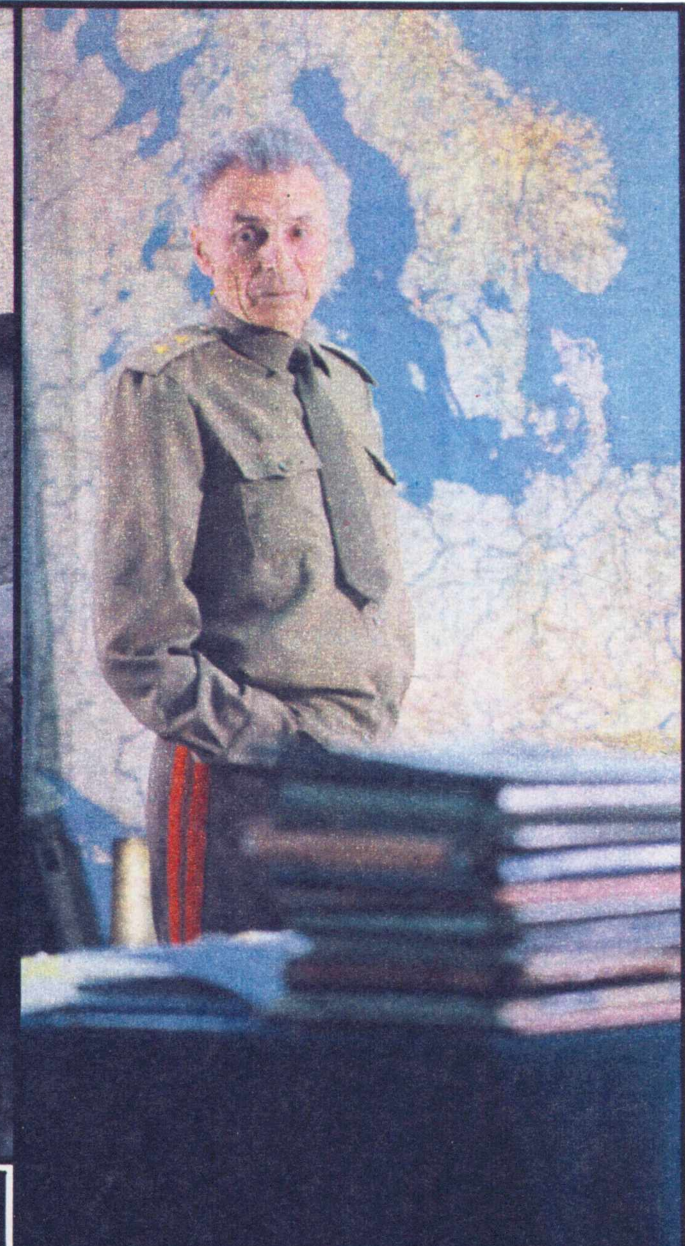
НА МЕСТЕ ВСЕХ СРАЖЕНИЙ МИНУВШЕЙ ВОЙНЫ ПАМЯТНИКОВ НЕ ПОСТАВИШЬ: НЕГДЕ БУДЕТ ПАХАТЬ, НЕГДЕ СТРОИТЬ... НО ЕСТЬ, ОСТАЛИСЬ ЕЩЕ НА НАШЕЙ ЗЕМЛЕ ТАКИЕ НЕЗАЖИВШИЕ РАНЫ, ЧТО КАЖДАЯ ТРАВИНКА С НИХ, КАЖДЫЙ ЛЕПЕСТОК СЛОВНО ВЗЫВАЮТ К ТВОЕЙ ПАМЯТИ И К СОВЕСТИ: НЕ ЗАБУДЬ О ПРОЛИТОЙ ЗДЕСЬ РАДИ ТЕБЯ КРОВИ! И ВСТАЮТ ПАМЯТНИКИ — ПУСТЬ ДАЛЕКО ЕЩЕ НЕ ВЕЗДЕ, ПУСТЬ С ЗАПОЗДАНИЕМ, НО И НА ТОМ, КАК ГОВОРИТСЯ, СПАСИБО. ОДИН ИЗ МЕМОРИАЛОВ ВОЗНИК НЕДАВНО НА КРУТОМ ДНЕПРОВСКОМ БЕРЕГУ, НАЗВАННОМ В ГОДЫ ВОЙНЫ БУКРИНСКИМ ПЛАЦДАРМОМ.

Мастерские скульпторов почему-то всегда производят очень таинственное впечатление: творческая лаборатория — вся на виду, замысел на любой его стадии можно не только увидеть, но и потрогать руками, как бы прикоснуться к процес-

МЕДСЕСТРА МАРИЯ ЩЕРБАЧЕНКО СПАСЛА В БУКРИНСКОЙ БИТВЕ 137 РАНЕНЫХ СОЛДАТ...



КАПИТАН ПЕТРОВ ИЗОБРАЖЕН НА ГОРЕЛЬЕФЕ [СЛЕВА] ТАКИМ, КАКИМ ОН БЫЛ В СОРОК ТРЕТЬЕМ ГОДУ; НА СОСЕДНЕМ ФОТОСНИМКЕ — ДВАЖДЫ ГЕРОЙ СОВЕТСКОГО СОЮЗА ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТ ВАСИЛИЙ СТЕПАНОВИЧ ПЕТРОВ [ОКТЯБРЬ, 1987 год].



АВТОР МЕМОРИАЛЬНОГО КОМПЛЕКСА — НАРОДНЫЙ ХУДОЖНИК УССР, ДЕПУТАТ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА УССР ВАЛЕНТИН ИВАНОВИЧ ЗНОБА — В СВОЕЙ МАСТЕРСКОЙ.



су... И вот, пытаясь разгадать, что хотел сказать автор той или иной своей работой, я бродил по мастерской известного киевского скульптора, народного художника УССР Валентина Ивановича Знобы. Хозяина рядом не было — его постоянно отвлекали телефонные звонки,— и я довольно долго оставался один на один с гипсовыми и глиняными молчаливо-выразительными изваяниями. Вот лицо, в котором безошибочно читаются черты гения,— это модель памятника великому Мечникову, установленного в Париже, в Пастеровском институте; я знаю, эта работа заслужила во Франции много похвал. Вот бюст народного героя Украины Кармелюка: таблички не надо, сразу видно — бунтарь! Вот эта работа стоит неподалеку отсюда, в Дарницком лесу, — там в годы войны был концлагерь, фашисты расстреляли в нем шестьдесят восемь тысяч красноармейцев, в основном политработников,— нельзя спокойно смотреть на эти окаменевшие, слитые в тисках колючей проволоки фигуры... А это, конечно, прародитель на-

шей культуры — летописец Нестор: величие и мудрость в жесте, в позе, во взгляде. Скульптура не окончена — наверное, Зноба торопится с ней к тысячелетию христианства на Руси...

У одного из бюстов что-то меня остановило. Поражал заряд энергии, ощущавшийся в подчеркнуто спокойных чертах волевого лица. Не человек, а шаровая молния, вдруг застывшая и принявшая человеческое обличье... Но какая-то аритмия была в этом образе, чего-то не хватало для полной гармонии — нет, не в прорисовке характера, а во внешности изображенного человека. Я сказал об этом подошедшему Валентину Ивановичу, и скульптор поглядел на меня с изумлением.

— Да ведь это Петров! Петров... Разве не знаете? Дважды герой, штурмовал Днепр... Да он же без рук! — вдруг понял мои сомнения скульптор.— Он без рук, потому и поза у Петрова несколько странная, необычная, видите, складки на рукаве какие глубокие... Пустые рукава! Правильно, это не сразу бросается в глаза, ведь Петров и в жизни старается не подчеркивать свою — как бы назвать — особенность. В этом суть моей работы: мысль человека, его воля преодолевают любые преграды, даже такие страшные, как у Петрова... Вы не представляете, каких трудов стоило ему выжить, сколько мук ему пришлось перенести... да и сейчас... Каждодневный подвиг! Неужели вы ничего о нем не знаете?

Вот тут я, к счастью, вспомнил о генерале Петрове, и этим в какой-то мере реабилитировал себя в глазах Знобы: стыдно не знать таких героев, это все равно что забыть, например, о подвиге Маресьева... Но Валентин Иванович со свойственной ему деликатностью поспешил меня утешить: в том-то все и дело, что и о подвиге Петрова, и о том, Букринском плацдарме, где герой получил свою первую Золотую Звезду, у нас вообще до последнего времени говорилось очень мало. Неоправданно мало!

Тут же, в мастерской, я принялся заполнять с помощью ее хозяина свои пробелы в военной истории — благо, что у Валентина Ивановича хранились и книги, и карты, да и сам он изучил этот эпизод войны с дотошностью специалиста. Например, перечислял мне не только названия участвовавших в битве воинских подразделений, но и их военачальников — позже оказалось, со многими он успел перезнакомиться... Мне придется вкратце передать здесь суть происходивших тогда на Днепре событий, иначе непонятным будет то, о чем я хочу рассказать дальше.

Фашисты создали здесь мощную линию обороны — неприступный, как они считали, «Восточный вал». Части наших войск форсировали Днепр в районе Великого Букрина, заняли берег, но встретили жестокое сопротивление, и тогда советское командование изменило тактику: основной удар перенесли в район севернее Киева. Это удалось сделать скрытно, и гитлеровцы всеми средствами продолжали атаковывать узкую прибрежную полосу, пытаясь сбросить наших солдат в воду и тем самым лишить наступавших очень важного Букринского плацдарма. Обычный, в общем-то, для войны маневр, но здесь он дался ценой десятков тысяч жизней. Бои длились больше месяца... Наши солдаты с огромным трудом удерживали Букринский плацдарм, отвлекли на себя основные силы врага, а потом Красная Армия ударила одновременно и с севера, и с юга, и Киев был освобожден.

Здесь, на плацдарме, в течение сорока пяти дней сражались части нескольких армий, в боях участвовали танки, авиация, партизаны, парашютисты-десантники. Битву на плацдарме по ее накалу, по значимости вполне можно выделять в истории войны. Но почему-то так случилось, что букринская эпопея до последнего времени оставалась как бы в тени других решающих операций — может, потому, что победа была здесь не столь наглядной, далась ценой слишком больших жертв?

К такому выводу приходишь после очень простого эксперимента: берем Большую Советскую Энциклопедию, ищем статью «Букринский плацдарм». Таковой нет... Есть два упоминания в статье «Киевская наступательная операция»: «Наступление советских войск... 21—23 октября с Букринского плацдарма... успеха не имело». И еще: «1 ноября войска 40-й и 27-й армий перешли в наступление с Букринского плацдарма, что отвлекло резервы противника». Не многим больше удается узнать из Военного энциклопедического словаря, изданного в 1986 году. Может быть, специалисты знают, где надо искать подробные сведения, но как быть «неспециалистам», то есть большинству из нас? Ведь уже выросло целое поколение, которое только и знает о страшной битве, что она «...особ. успеха не имела». Не знаю, не берусь судить, какой из моментов войны больше достоин внимания, какой меньше и почему отдельные операции в угоду кому-то вдруг раздуваются до небес, другие остаются как бы в забвении... Нет, есть в таком волевом восприятии что-то оскорбительное для памяти великого прошлого нашего народа!

Наверное, это прозвучит слишком громко, но мне показалось: историческая справедливость была восстановлена в значительной части вот здесь, в мастерской Валентина Ивановича Знобы.

— Я тоже знал о тех событиях довольно поверхностно, хоть часто бывал в районе Щучинки: моя жена, Татьяна Николаевна Голембиевская, ездила туда на этюды, ею написана картина о букринском сражении «Бессмертие». Вот тогда мы и подружились с местными жителями. Они рассказывали о жестоких боях на правобережье Днепра. Это было в шестидесятых годах, всюду еще встречались следы сражений. Даже на деревенских огородах остались могилы солдат — их тогда, в сорок третьем, многие подбирали на поле боя и сами хоронили. Мы видели дощечки, фанерные таблички с полустертыми именами. Старушки так и говорили об этих могилах: «Мои солдатики». Вспоминали, что в дни боев из ручья нельзя было напиться: текла сплошная кровь. А на высоком холме, где шли особо упорные сражения, земля была просто выложена осколками и гильзами. Потом каждый год в День Победы там собирались люди со всех окрестных сел, выстилали землю рушниками, поминали погибших. И там я познакомился с интересным человеком, участником Букринской битвы, полковником Белодедом. Вернее, он сам меня нашел...

Валентин Иванович, рассказывая, перевел меня в крохотную комнатку рядом с мастерской. Хлопотал, сняв пиджак с депутатским значком, у кофеварки — и постоянно отвлекался на какие-то деловые телефонные звонки. Но рассказ скульптора уж никак нельзя было назвать «разговором между делом» — нет, он словно вновь переживал моменты своего приближения к букринской теме.

— Виктор Владимирович Белодед был преподавателем в Киевском высшем военном авиационном инженерном училище,— продолжал Зноба,— он часто привозил курсантов на эти холмы, проводил занятия. Приказывал, например, «взять штурмом» чуть ли не отвесный склон холма, а потом, дав курсантам отдышаться, говорил: «А теперь представьте, что в сорок третьем мы здесь же наступали, а сверху нас поливали из пулеметов и автоматов. Прикрывались телами погибших...» У курсантов пробудился интерес, возникло почитание этих святых мест, они стали искать документы, собирать факты. Бережно перезахоронили погибших в братскую могилу... Курсанты сдавали, как доноры, кровь, деньги перечислялись в общественный фонд, и на эти, в основном, средства поставили на холме, на братской могиле, небольшой обелиск в виде штыка. Училище взяло что-то вроде шефства над теми местами, но все понимали, что Букринский плацдарм требует другой, более громкой славы. Вместе с местными властями решили, что здесь должен стоять мемориал... Вот тогда Белодед нашел меня и предложил работать над проектом, я, конечно, загорелся — такое предложение было бы честью для любого скульптора! Что касается архитекторов, то их мне долго искать не пришлось: уже много лет я работаю вместе с талантливыми москвичами Юрием Павловичем Платоновым и Сергеем Анатольевичем Захаровым; их, как и меня, наш творческий контакт тоже, кажется, давно уже устраивает — иначе они не разрывались бы в постоянных разъездах между Москвой и Киевом. Дополнил наш союз и киевский архитектор Владимир Александрович Корнеев. Как видите, возник целый интернациональный коллектив.

Валентин Иванович достает большой лист ватмана. Вот они, холмы над Днепром — я почему-то и не сомневался, что зодчие не захотят кромсать землю в угоду замыслу, а оставят все, как было: ведь лучшего памятника, чем сама земля, создать просто невозможно... Добавить, выделить, усилить, но не разрушать! Валентин Иванович уточнил: здесь заслуга принадлежит в основном архитекторам проекта.

— Основную деталь композиции я нашел как-то сразу, словно увидел: это должна быть фигура воина-победителя. Но не в горделивой позе, а тяжело раненного, истомленного битвой, как бы опирающегося на древко знамени, которое стоит прямо и гордо... Да вот она, модель, посмотрите! — указал Зноба на небольшую фигурку у стены мастерской.— Многим этот первоначальный вариант понравился, но, так сказать, в официальных кругах возникли сомнения: можно ли совмещать пафос победы с образом раненого солдата? Мол, потомки нам этого не простят! Пришлось после долгих споров «распрямить» фигуру... Но претензии на этом не закончились. Почему у солдата поза слишком свободная, не «уставная»? Почему у него нет оружия: что он, из плена? Почему нет головного убора? Заметьте, все это говорили люди невоенные... Пришлось доказывать с документами в руках, что знаменосец может обходиться и без оружия. Убеждать, что непокрытая перевязанная голова воина — это символ скорби о павших товарищах, а в свободной композиции фигуры не расхлябанность, а отражение трудной победы, характерность позы раненого человека. А сколько было споров по поводу знамени! Хорошо ли, что оно пробито? Здесь на мою защиту встали ученые: продувка макета в аэродинамической трубе показала, что отверстия необходимы, иначе у скульптуры возникает опасная парусность. Потом, пробитое знамя — это тоже символ... Но, сами понимаете, трудно убедить в чем-то того, кому важен только собственный взгляд. Пришлось сделать несколько вариантов, прежде чем Совет решил, что я в своих доводах прав.

— А мнение ветеранов?

— Вы уже догадались, наверное, что мы, авторы, работали как бы от их имени. Трудно перечислить всех, кто нам помогал: и ветераны войны, и местные, и республиканские власти, и сотни добровольцев — огромное им спасибо. Мне теперь кажется, что я за те годы, что ушли на создание мемориала, приобрел больше, чем отдал. Почти четырнадцать лет... Но скольких я узнал прекрасных людей, сколько получил сведений, жизненного опыта и, если хотите, человеческой мудрости!.. Я теперь просто не представляю, как можно было бы жить, не зная, например, того же Петрова, с которым мы с женой теперь стали друзьями...

Стоит ли говорить, как мне захотелось теперь попасть на Букринский плацдарм — ну и, конечно, к генералу Петрову. Тем более что он живет здесь, в Киеве! Но попасть к нему, как выяснилось, не так уж легко, и не только потому, что этот человек, мягко говоря, не ищет встреч с журналистами: вся жизнь генерал-лейтенанта на много дней вперед расписана им самим буквально по часам, по минутам. Он до сих пор в строю — в должности заместителя командующего военным округом. И пишет уже третий том своих воспоминаний о войне, выводя каллиграфически четкие строки специальной шариковой ручкой, зажатой двумя протезами. Пишет не руками, которых нет совсем, а движениями плеч... Я непрестанно ощущал груз этих строк, когда, вернувшись в гостиницу, весь вечер и всю ночь читал два толстых тома воспоминаний Петрова, названных им «Прошлое с нами». И иначе нельзя было читать эту удивительную книгу, где такими строками можно говорить только правду.

...Зеленая «Волга» с армейским номером стояла у подъезда дома на тихой Десятинной улице. «Все в порядке, Василий Степанович у себя»,— определил Зноба, и мы, спеша не опоздать к назначенному сроку, поднялись на пятый этаж Политиздата Украины — здесь генералу Петрову предоставлено специальное помещение для работы над книгами. «Генерал переодевается, просит подождать пять минут здесь»,— доложил нам ординарец и открыл дверь кабинета. Большая комната, два широких рабочих стола, стены увешаны разномасштабными картами. На столах стопки папок с бумагами, много книг — на ближайшей ко мне обложке я прочел фамилию Жукова. Ничего лишнего вокруг, во всем — строгий армейский порядок. Сумка-планшетка прикреплена к стене аккуратными крючками. На вешалке — генеральский китель.

— Здравствуйте. Прошу садиться.

В дверях, распахнутых ординарцем, стоял невысокий, легкого сложения человек в тренировочном костюме, в простой куртке, словно бы накинутой на плечи... Обостренные, уже изученные мною в скульптуре черты лица сохраняли суховатую официальность.

Петров пересек комнату слегка припадающей походкой, ногой пододвинул стул, сел, поднял к нам взгляд строгих спокойных глаз... Этот холодноватый прием казался мне почему-то совершенно естественным, именно таким я представил себе этого человека там, в мастерской.

— Я вас слушаю.

Разговор тоже складывался именно так, как я ожидал. Петров терпеливо выслушал мою просьбу вспомнить букринские события, кивнул головой.

— Я вас понял. Беседы у нас не будет, я сейчас дам вам рукопись моей новой книги, вы прочитаете все, что нужно, о Букринском плацдарме...

Но беседа все же состоялась, вернее сказать, монолог Василия Степановича о главной теме своей жизни, ведь я был уверен, что у такого человека обязательно найдутся новые слова, новые мысли для оценки былого — никакой самой подробной книгой, несколькими повторениями ему не исчерпать себя в этой теме!

Тогда, в сорок третьем, когда наши войска подошли к рубежу Днепра, он был уже очень опытным артиллеристом и очень храбрым бойцом — это читается между строк, хотя автор нигде и ни в чем не пытается как-то похвалить себя. Он был так называемым противотанкистом, и любой, наверное, поймет, что за этим словом стояло: быть специалистом по дуэлям с танками... Можно лишь добавить, что артиллеристам-противотанкистам полагалось носить на рукаве специальную нашивку в знак особого отличия, что им даже в тех условиях выплачивался тройной оклад денежного содержания, хотя дело было, конечно, не в деньгах.

...Они с трудом перетащили свои тяжелые орудия на Яшкин остров, что напротив деревни Щучинка, потом ночью на понтонах форсировали Днепр. Сверху, с бугров, немцы поливали их свинцом из крупнокалиберных «эрликонов». С рассветом на горсточки зацепившихся за правый берег бойцов пошли танки, и если бы их не встретили пушки капитана Петрова... Можно понять, как хотелось немцам столкнуть наши части в воду. Схватка была насмерть.

Петров руководил огнем пушек со своего наблюдательного пункта и увидел, что одна из его батарей почти полностью разбита. Он бросился туда, в самое пекло (в книге это описано так: «Я прибыл на 2-ю батарею...»), занял место убитого наводчика. Танки шли на них лоб в лоб, это был равный поединок — кто выстрелит первым... Атака отбита, затем вторая, третья. И вот в какой-то момент рядом с Петровым взорвался тяжелый немецкий снаряд...

Он очнулся на секунду в каком-то сарае, в луже крови, под грудой трупов, увидел луч солнца и снова надолго впал в забытье. Он не знал, что его долго искали на поле боя, чтобы «похоронить с почестями», и с большим трудом обнаружили в том самом сарае. Сочли за мертвого, и лишь случайно его товарищ, несший его, почувствовал слабые толчки сердца... Хирург отказался было его оперировать: надо, мол, спасать лишь тех, кого можно еще спасти,— но под угрозой пистолета взялся за искромсанное тело Петрова и сотворил чудо — вдохнул в него жизнь. Долгую, славную и страшную жизнь.

— Василий Степанович, расскажите, как вам удалось вернуться в строй после такого ранения? Я слышал, вы обращались с просьбой к Сталину, но он не ответил, тогда вы, уже со Звездой Героя, отправились в Москву, сели прямо на брусчатку Красной площади, чтобы добиться приема...

Петров смеется, в глазах его так и прыгают веселые лучики.

— Ничего этого не было. Ничего! Никогда я Сталину не писал и не видел его. Меня вернуло в строй не чье-то позволение, а воля моих друзей, моих однополчан. Когда я через год после ранения вышел из госпиталя, у меня только и было, что два вещмешка писем — в них знакомые и незнакомые мне люди из моего полка просили меня вернуться на фронт. Я им нужен был, наверное, как символ того, что они тоже могут уцелеть в этой войне, пусть даже такой ценой, но еще больше они все нужны были мне. У меня никого и ничего, кроме них, в жизни не оставалось... А они... Целый год мое место в строю ждало меня. Вот что надо считать настоящим нравственным подвигом — веру в человека! И разве я мог не вернуться... А вот сейчас находятся люди, которые заявляют, что я тогда «самовольно вернулся на фронт», что меня приняли там из сострадания. Что им ответить... Они ведь не знают, что у меня сохранилось лучшее из доказательств — те самые письма. Вот они!

Василий Степанович торопливо зашагал к сейфу, на стол легли солдатские «треугольники», выпали из конвертов истертые на сгибах странички. Лучшее его лекарство, лучшая поддержка в его судьбе. Вот в чем он видел и видит свой долг — рассказывать о тех людях правду.

— Я просто получил предписание — прибыть после ранения в часть. И прибыл. Только в конце пятидесятых годов я случайно узнал, что было постановление оставить меня в Вооруженных Силах страны пожизненно. Кстати, я до сих пор так и не видел этого постановления...

Передо мной стоял человек-легенда, я хорошо понимал это. И понимал, почему он потом, на Эльбе, за несколько дней до конца войны встал и пошел под пулями врага вперед, когда уже никому не хотелось умирать и нужен был пример. Он снова был тяжело ранен, и снова этот эпизод оброс легендами, и живая легенда обрела свою материальную сущность — Петров стал дважды Героем Советского Союза... Я вспомнил еще, как Валентин Иванович Зноба рассказывал про образ бойца, из последних сил сжимающего знамя Победы, и чьи-то там слова: «Потомки нам этого не простят». Подумать только, ведь это и за меня кто-то брался осмысливать историю!

Мне, конечно, очень хотелось бы, чтобы Петров поехал вместе с нами к мемориалу Букринского плацдарма, но у Василия Степановича был иной распорядок.

— Очень много работы,— говорил он, прощаясь,— мои читатели, наверное, и так считают меня бездельником: вторая книга воспоминаний вышла в семьдесят девятом году, а третьей все нет и нет! И они правы, не могу же я оправдываться тем, что мне поручаются и другие дела, порой совершенно лишние... Я был недавно на Букринском плацдарме и обязательно поеду еще, когда позволит работа. Этот мемориал нужен не только для ветеранов — наша память не в монументах, а в рубцах на сердце; мемориалы важнее для тех, кто идет следом!

Поездка — правда, без Петрова — состоялась на следующий день, и даже расширенная — мы примкнули к очередной экскурсионной группе. Мемориал на Букринском плацдарме, открытый всего два года назад, стал заметной на Украине достопримечательностью.

Впрочем, слово «достопримечательность» звучит здесь неуместно и даже кощунственно. Трудно представить, что к этому месту кто-то может приехать просто так — посмотреть и развлечься. Говорят, что с годами земля сама собой выжимает, выдавливает на поверхность попавший в нее металл,— так и букринский мемориал словно возрос из политого кровью днепровского правобережья.

От Киева ехать сюда километров восемьдесят. Еще издали замечаешь над горизонтом фигуру солдата, четко прорисовывается его рука, поднятая к знамени, и ждешь встречи с огромным, величественным монументом. Но — странное дело! — чем ближе к нему, тем меньше, естественнее кажется фигура воина, размеры ее словно поглощаются холмистым рельефом и бескрайней, вдруг распахнувшейся здесь ширью... От шоссе ответвляется дорога, доводит нас до самой днепровской воды — и мы по плавным маршам деревянной лестницы идем куда-то вверх, сквозь чащу кустарника и деревьев. Аллея ведет все время прямо, потом круглая мощеная площадка, вписав в себя поворот, словно разворачивает нас — и вот он, мемориал, неожиданно близко и как-то сразу встающий перед глазами. Что говорить, выход к мемориалу разыгран зодчими, как спектакль,— просто, эффектно и выразительно. Впечатления как бы нарастают с каждым шагом, с каждой архитектурной деталью, и даже одинокая березка, оставленная расти на своем месте у самого подножия монумента, приобретает какой-то особый, легко постигаемый символический смысл.

— Обратите внимание, ничто здесь не пострадало от вторжения гранита: холмы не потеряли своих очертаний, ландшафт не разрушен, можно в деталях вообразить всю картину боевых действий,— говорит идущий рядом генерал-лейтенант Челышев, начальник того самого высшего военного училища, которое второй десяток лет шефствует над Букринским плацдармом. А сегодня, конечно, Зноба позаботился о том, чтобы Константин Борисович приехал сюда,— они вместе должны идти к секретарю здешнего Кагарлыкского райкома партии В. Р. Швецу по вопросам, касающимся мемориала,— рядом с ним будет строиться музей.

— Часто, к сожалению, бывает, что монументы подавляют природу, а здесь она не вступает в противоречие с комплексом,— продолжал Константин Борисович.— Наоборот, ландшафт стал важной частью мемориала. Вы не заметили, что мы сейчас находимся как бы в центре звезды? А сверху ее очень хорошо видно: как раз над этими местами проходят самолеты перед посадкой в киевском аэропорту, я каждый раз, когда прилетаю, стараюсь эту звезду разглядеть — она словно орден, лежащий на земле!

Действительно, весь этот мемориальный комплекс необычен — он состоит из вроде бы разрозненных частей, которые связаны между собой не традиционными, чисто архитектурными решениями, а самой логикой когда-то происходивших здесь событий. Вот скульптурная группа «Атака»: четверка солдат словно вырвалась вперед, штурмуя высоту, в каждой из фигур — своя, так сказать, сольная партия, но друг от друга их не оторвать, они, как в бою, едины... А следующая деталь уже в совершенно другом стилистическом ритме. Это огромная рельефная схема боевых действий на Букринском плацдарме осенью сорок третьего со всеми атрибутами военной картографии: стрелками, линиями обороны и наступления, названиями действующих воинских частей... И вот мы видим как бы ту же схему, воссозданную в скульптурных группах и передающую смысл основных моментов многодневной битвы: форсирования Днепра, обороны захваченного плацдарма, трагизма потерь...

Здесь надо сказать об одной из важнейших сторон творчества Валентина Ивановича З允обы: многие его работы и символичны и одновременно реалистично-документальны, скульптор ищет образ не только в своем воображении, но и отталкивается от жизненной ситуации. Вот и сейчас, казалось бы, в монументе, посвященном букринской битве, должны быть обобщенные образы пехотинца, танкиста, артиллериста, но Зноба идет в решении этой темы другим, гораздо более сложным, на мой взгляд, путем: он досконально изучает историю битвы, находит оставшихся в живых ее героев и воссоздает их образы в скульптуре. Может, похожесть героев Знобы кому-то покажется несовременной, но надо еще доказать, что важнее для истории — обобщенная условность или документальная достоверность. Главное, чтобы художник был правдив, а Зноба здесь искренен и верен себе.

— Это Михаил Иванович Белоиваненко, сейчас он подполковник в отставке, работает в стройуправлении,— останавливается Валентин Иванович у горельефа, где в переполненной десантной лодке изображен солдат-связной.— Ему тогда было восемнадцать лет... Здесь, у плацдарма, в их десантную лодку попал снаряд, и телефон, конечно, не уцелел. Сам Белоиваненко был взят в плен, но, убив конвоира, сумел убежать. В траншее нашел исправный немецкий аппарат, потом нырнул в ледяную воду, нашел конец оборванного провода — и связь заработала вновь... А вот медсестра Мария Щербаченко. У солдат считалось, что того, кому она сделает перевязку, больше пуля не возьмет, но и без всякой мистики эта молоденькая сестричка вынесла из-под огня 137 раненых... Дважды Герой Советского Союза летчик Владимир Дмитриевич Лавриненков. Здесь он с пулеметом, в партизанской одежде, его самолет был сбит, Лавриненков попал к партизанам, вместе с ними удерживал Букринский плацдарм... А это — узнаете?— Василий Степанович Петров. Вот танкист Сагайдачный, вот Болбас — он выступал как ветеран битвы на открытии мемориала... Полковник Белодед. Я вам о нем тоже рассказывал — был военным консультантом на строительстве мемориала, но не дожил до его открытия в мае восемьдесят пятого всего двух месяцев...

Я оглянулся: вокруг, тоже слушая рассказ скульптора, стояла уже почти что толпа — и молодые совсем ребята, и ветераны с орденскими планками, и люди средних лет, стояли так тихо, что мы не заметили, когда они собрались. Что было в глазах у каждого, говорить, наверное, и не стоит. И я не уверен, что кто-то из них предпочел бы сейчас увидеть на месте горельефа условно-обобщенные, искаженные фантазией скульптора фигуры.

И вот мы подходим к главной части мемориального ансамбля... Да нет, тут трудно что-либо назвать главенствующим; скорее, одна из вершин восприятия — это длинный ряд братской могилы. Зеленая трава, чуть шероховатые гранитные плиты, бронза табличек — имена, имена... Здесь лежат останки тех, кого удалось найти и чьи имена удалось установить, здесь захоронения самой битвы и перенесенные с деревенских огородов могилки «своих» солдат, здесь еще чистая, специально оставленная свободной поверхность бронзовых табличек — для тех имен, что будут найдены, установлены и сегодня, и завтра... Полная простота, предельная лаконичность, но какая же мощная сила воздействия в этих недописанных строчках!

...— А при чем здесь археология?— спросил я, увидев остатки какой-то древней стены, но тут же осекся, опять удивившись оригинальности замысла. Оказывается, в этом самом месте, буквально метр в метр, восемь веков назад уже стояла линия обороны Древней Руси: здесь был город-крепость Чучин, отсюда и название современного села Балыко-Щучинки... Когда на строительстве мемориала велись земляные работы, ковш экскаватора однажды обнажил деревянную кладку древнего вала. Археологи, узнав об этом, очень возмутились небрежностью строителей, и было за что. Зодчие стали обсуждать положение с Петром Петровичем Толочко, профессором археологии, и нашли компромиссное решение, как оказалось, очень удачное: надо делать памятник и древним защитникам Руси, и героям Днепровской битвы — символы этих эпох неразделимы... Археологи блестяще выполнили свою часть работы, и вскоре появилась мемориальная доска с рисунком древнего Чучина, с кратким текстом, поясняющим преемственность таких далеких, казалось бы, один от другого исторических периодов... Дубовую кладку оголили, очистили, пропитали бревна специальным фиксирующим раствором, теперь каждый может представить планировку крепости, увидеть,

какие стены в XI—XII веках защищали наших предков от набегов кочевников. Правда, торец одного бревна археологи оставили открытым — для наглядности,— но сейчас от него и щепочки не сохранилось после «набегов» любителей сувениров.

— Это сейчас все кажется логичным и ясным, а тогда, когда проект монумента только лишь утверждался, пришлось преодолеть столько всяческих препятствий!— рассказывал Валентин Иванович. Мы, обойдя комплекс, присели на скамейку у среза чучинской стены. Перед глазами над крутым склоном до самого горизонта разливалась синь Днепра — нет, вернее, уже не того Днепра, над которым веками возвышалась эта круча, а Каневского водохранилища, вода которого совсем недавно затопила и великолепные дубравы левобережья и подступилась вплотную к чучинскому холму, создав дополнительные проблемы оползневой защиты.

— Наступил, казалось, критический момент для всего комплекса — не переносить же его на другой берег, что, кстати, мне не раз предлагали сделать,— продолжал Валентин Иванович.— Но ведь место для исторических событий выбирает сама история, и не нам ее подправлять. Короче говоря, чтобы спасти и строящийся мемориал, и древний Чучин, надо было укреплять берег водохранилища... Вот такая битва снова разыгралась на этих холмах!— смеется скульптор, но оба мы понимаем, что дело было совсем нешуточное и славный чучинский холм, выдержавший множество набегов, мог пасть под давлением формализма и равнодушия.

— Все обошлось, руководители области нас поддержали, Совет Министров дал согласие, и речники построили защитную набережную. Мемориал был уже почти готов, но я где-то в глубине души ощущал: надо еще, еще подумать... Решение пришло почти в последний момент, когда еще что-то можно было доделать; я буквально на одном дыхании, почти не отрываясь, вылепил фигуру Бояна, играющего на гуслях,— хотел этим создать поэтический образ народного певца, славящего защитников Русской земли. Этот образ, мне кажется, венчает весь комплекс, и место Бояну выбрано над кручей Днепра, говоря условно, в конце экспозиции. Как вы считаете — получилось?

В глазах у скульптора я увидел тревогу и даже по-детски наивное желание услышать в ответ — да, конечно, получилось! И в который раз подивился парадоксу больших, настоящих художников: быть создателем такого вот громадного дела, что стоит сейчас за его спиной, и все еще сомневаться, все еще опасливо опробовать ногой тот пьедестал, на который он вознесен своим творчеством... Нет, по-другому и быть не может, иначе своего пьедестала художник уже недостоин.





Фото Владимира ДОЗОРЦЕВА

СЕГОДНЯШНЕЕ ТЕЛЕВИДЕНИЕ ДАЛЕКО УШЛО ОТ СЕБЯ, ВЧЕРАШНЕГО. НО ОЖИДАНИЯ ЗРИТЕЛЕЙ ИДУТ ДАЛЬШЕ — ВЕДЬ И МЫ ИЗМЕНИЛИСЬ. ВМЕСТО ПРЕДЧУВСТВИЯ ПЕРЕМЕН, КОТОРЫЕ ДОЛЖНЫ СОВЕРШАТЬСЯ КЕМ-ТО, МЫ ВСЕ БОЛЕЕ ПРОНИКАЕМСЯ ОСОЗНАНИЕМ СОБСТВЕННОЙ СОПРИЧАСТНОСТИ К ПЕРЕМЕНАМ. ТЕЛЕВИДЕНИЕ В ЭТОМ ПРОЦЕССЕ ИГРАЕТ НЕ ПОСЛЕДНЮЮ РОЛЬ. НО ОНО ЛИШЬ В НАЧАЛЕ ПУТИ...

ВРЕМЯ ЗАДАВАТЬ ВОПРОСЫ

ТВ: ПЕРЕДАЧИ, КОТОРЫЕ МЫ ВЫБИРАЕМ

Сергей МУРАТОВ

В биографии телевидения не было «немого» периода — вроде того, что составил славу кинематографу. Изображение в нашем доме появилось сразу вместе со звуком. Другое дело — периоды «общественной немоты», когда документальный экран довольствовался функцией парадного информатора, а в арсенале его журналистских средств преобладали главным образом ударные инструменты.

Это благочинное состояние было поколеблено в середине шестидесятых годов. На волне тогдашнего общественного подъема рождались многие рубрики, своей популярностью обязанные личности их ведущих, открывались дискуссионные клубы (экономистов, студентов, любителей музыки и кино), набирала силу телевизионная публицистика. В семидесятых, однако, «окно в мир» в нашем доме снова подернулось инеем. («Сначала завизируй, потом импровизируй»,— пропели однажды участники «КВН».) Волевым решением телевизионного руководства были сняты с эфира «Рассказы о героизме» Сергея Смирнова, «Эстафета новостей» Юрия Фокина, распрощались со зрителем участники «КВН». Из «Кинопанорамы» вынужден был уйти ее лучший ведущий Алексей Каплер. Проблемы, порождавшие споры и обсуждения, удаляли с экрана. Интервью и дискуссии вытеснялись имитациями «под интервью» или «под дискуссию», пока совсем не сошли на нет.

Не случайно эти акции совпали с тотальным переходом вещания на видеозапись — отныне все передачи подвергались предварительной консервации, а прямое телевидение некоторыми критиками было поспешно объявлено атавистическим пережитком. Экранные диалоги напоминали учтивый классический менуэт. Предупредительными вопросами и ответами их участники словно бы обменивались «по договоренности». Телезрителям предлагали как бы решать кроссворд, все буквы в котором давно проставлены. Да и о самом понятии «диалог» здесь можно было говорить скорее метафорически.

Перед новым поколением зрителей, за полтора десятка лет приученным к тому, что на экране ЦТ ничего не меняется, внезапно появившиеся публицистические программы предстали как острова в океане после землетрясения. Космические телемосты, вечера в Останкине, передачи в открытом эфире с участием зрителей...

Но, пожалуй, наиболее ощутимо церемонная обходительность прежних лет была взорвана «лестницей» — подростками «12-го этажа».

ЛУГА ПОД АСФАЛЬТОМ

«Она похожа на жирафу: раз увидишь — ни с чем не спутаешь». «Скажем прямо, без околичностей: таких передач мы еще не видели, ни к чему подобному не привыкли».

Это — из первых рецензий в прессе.

В непарадном подъезде Дворца культуры амфитеатром расположилась стайка ребят, для которых лестничная площадка — наиболее привычное местопребывание. Это был перископ в неизведанную среду. В ближайших выпусках лестница из места действия вообще превратилась в действующее лицо. О чем бы ни говорили участники передачи, во всем звучала поправка на нее: «Как бы мы ни гневались на лестницу...», «Независимо от того, какого мнения о нас лестница...», «Лестница, вы слышите нас? Нам интересно узнать, какие вы».— «А вы какие?» — «Мы хотим вас понять».— «Мы тоже».— «Мы вас любим, это состояние нашей души».

Но лестница не спешила ответить взаимностью. («Лестница нужна нам больше, чем мы ей»,— заметил на одном из выпусков С. Образцов.) По существу, передача впервые позволила нам взглянуть на мир глазами подростка. «Нас в школе постоянно оценивают. Где бы ты ни был... Это угнетает, это просто невыносимо». «Наши учебники беспроблемны. У учеников никаких вопросов не возникает».

В самом деле, в школьных стенах пытливость ученика так планомерно и жестко искореняется, что угасает от года к году. А если и выживает, то похожа не на луг, где цветы распускаются, а скорей на травинку, пробивающую пресловутый асфальт.

И вдруг — о, подарок! Оказывается, наши дети способны спрашивать! Да еще как. Кусочек отколупнули и сразу... Асфальт пошел звездными трещинами! Есть надежда, несите скорее лом: там, под асфальтом,— невиданные луга. Вопросы сыплются градом, невзирая на ранги: «А товарищ замминистра сам в школе когда-нибудь работал?.. А когда вы провели свой последний урок?», «А что вы сделали лично для метода учителя Щетинина?».

Связывая популярность передачи с явлением лестницы, мы подчас забываем о втором — не менее важном — полюсе действия. Речь идет о фигуре «ответчика» — в нашем случае представителях ведомств, виновных в сложившейся ситуации. Вопросы адресуются тем, кто приучен спрашивать, но — увы! — не очень привык отвечать.

Вспомните, сколько раз на глазах многомиллионной аудитории задавали в эфире прямые вопросы руководителям крупных ведомств, директорам комбинатов, заведующим автохо-



зяйствами. Приводили факты, показывали отснятую кинопленку. А они начинали беззастенчиво изворачиваться, лавировать. Или даже просто заявляли в глаза: «А этого не было. Вы перепутали. Вы неправильно сосчитали». («Если бы те руководители городского транспорта, которые здесь присутствуют, оставили свои машины, и поехали на автобусе, и наверняка опоздали...»— мечтала участница передачи «Для всех и для каждого».)

Вы им о недостатках работы, за которую они отвечают, а они — о не названных вами достоинствах и объективных условиях. Это все равно, как если бы на жалобы пациента по поводу болей в желудке говорить, что у него прекрасное зрение, здоровые легкие, а еще поведать о сложном труде врача. А что же ведущие? Почему они-то позволяют себе мириться с этими расплывчатыми оценками и эластичными формулировками? Ведущий не говорит собеседнику: «Ай-яй-яй». Не говорит: «Ухóдите от ответа». Он говорит: «Большое спасибо. А теперь наш следующий вопрос...»

И тут откуда-то с лестницы: «Ответьте нам твердо — да или нет? Будут препятствовать методу Щетинина или нет?» В отличие от великодушного ведущего лестница вела себя некультурно, требовала конкретных и незамедлительных действий. Ах, какое это мучение — отвечать за пределами своего кабинета, в котором и стены помогают. Да не пригласишь же всю лестницу в кабинет, вот если бы по отдельности...

Как бы ни шокировали нас поначалу эти неблаговоспитанные подростки, бесспорно одно — своей неукротимостью и дотошностью они обезоруживали любых имитаторов дела. Это им мы обязаны тем, что мало-помалу стали освобождаться от слащавой учтивости и неумеренного лицеприятия в присутствии ответственного лица, решительно не способного отвечать ни на что и ни за что, но зато очень кстати ссылающегося на объективные обстоятельства.

Лестница в этом процессе сыграла роль детонатора.

Вот идет репортаж из универмага. «Мы устали входить в ваше положение,— волнуется покупательница после очередных объяснений директора.— Мы долго слушали вас, сочувствовали вашим трудностям. Но разве не для того вы поставлены на ваши руководящие должности, чтобы с этими трудностями справляться, а не объяснять долго и нудно, откуда они взялись?»

ВЗГЛЯНИТЕ НА ЛИЦО

Человек, задающий вопрос,— едва ли не самая типическая фигура на сегодняшнем телеэкране.

Телевизор в квартире все больше теряет характер «домашности». Приобщая к общественной жизни, он предоставляет возможность не только выступать заочным интервьюером («Проблемы — поиски — решения», «Диалог», «Родительский день — суббота»), но и завязывать непосредственный разговор — в репортажах с улиц и магазинов, на «12-м этаже», в «Музыкальном ринге» (где право участия получает приславший наиболее интересный вопрос к предстоящей встрече).

Герои ринга сразу же попадают в ситуацию не столько перекрестного, сколько кругового допроса («Повернитесь налево, пожалуйста, сектор Б»). Таких фехтовальных выпадов, которыми здесь обмениваются партнеры, прежнее телевидение не знало. «В анкете журнала «Смена»,— встречают на ринге В. Леонтьева,— вас назвали самым популярным певцом года. Вы с этим согласны?» — «А вы?» — «От моего мнения ничего не зависит».— «От моего тоже». «Почему в своем творчестве вы отказались от острых тем?» — вопрос к А. Макаревичу. «Дело в том, что изменился сам мир вокруг. То, что казалось острым десять лет назад, теперь никого не удивляет. Сейчас в газетах пишут смелее».

А космические телемосты, завладевшие эфиром почти триумфально... Результат совершенствования техники? Но подобная техника была и в шестидесятых. Нет, эти уникальные встречи «рядовых граждан на высшем уровне» — результат все того же развития гласности. Публичность общения требует качеств, без которых вчера еще мы легко обходились. Умение внятно сформулировать свои мысли, не оробеть при неприятии твоей точки зрения, не бояться оплошать, ответив «не так, как надо».

Камертон изменений на телевидении — лица людей. Не только тех, кто выступает, но и тех, кто просто присутствует. Как недавно сочувственно или ехидно наблюдали мы за тоскующими глазами и унылыми позами участников ритуальных встреч. И вот аудитория пробудилась, лица обрели индивидуальность. Какое несходство в способах сопереживания, какое красноречие жестов и мимики — нетерпение взгляда, «взведенность» позы.

Концертная студия Останкино, где когда-то родилась традиция поэтических вечеров, превратилась в общественное ристалище. Откуда же такая раскованность? Не оттого ли, что идет разговор о главном? «Что такое порядочность?» «Согласны ли вы, что люди стали образованней, но не лучше?» «Что необходимо для нравственного здоровья общества?»

Возможно, будущего историка заинтересует эта сформированная периодом перестройки фигура группового интервьюера. Считается, что каков вопрос — таков и ответ. Но каков вопрос — таков и спрашивающий. Все чаще на останкинских телевстречах звучат вопросы исповедальные (то есть в равной мере обращенные и к самим себе). «Как научиться побеждать обстоятельства?» «Что бóльшая школа — счастье или несчастье?» «Что такое душа?» «Согласны ли вы с тем, что сомнения движут творчеством?» «Культура личности — что вы вкладываете в это понятие?»

Ответы пересказывают друг другу еще долгое время спустя после передачи. Стенограммы встреч перепечатывают в журналах. Все более возрастающая потребность в общении с собеседником, которому не дает покоя то же самое, что и тебе, позволяет говорить не только о коллективном интервьюере, но и коллективном ответчике. Ученые, писатели, строители, министры, вдохновенные новаторы-педагоги...

НАЕДИНЕ СО ВСЕМИ

Оказалось, атмосфера самой публичности ничуть не противоречит выявлению индивидуальности. Именно в такой — взбудораженной и разгоряченной — среде за полтора-два часа экранного (или даже прямого) времени личность раскрывается иной раз куда полнее, чем в длительных кинобеседах. Многоликий зал Останкина заставляет мобилизовать все духовные силы. За высказанными в полемике мнениями встает натура, обнаруживаются неожиданные стороны темперамента. Даже отдельная фраза высвечивает характер («Не могу я работать в вузе,— признается школьный учитель труда И. Волков.— Скучно. Никто не безобразничает, не стреляет из рогатки. Я профнепригоден для вуза»).

В дореволюционной гимназии, где учился Д. Лихачев, несмотря на большую имущественную и сословную разницу, задаваться было не принято. Он так и не научился задаваться, этот академик. Никакой вопрос его не удивляет и не коробит — кажется обо всем на свете успел подумать и составить свое суждение. И только деликатность вынуждает его иногда искать подходящее слово (от сознания, что если уж кого-то осудит — это будет «тяжелая артиллерия»). Даже популярный сатирик отложил ядовитые стрелы, после передачи заметив: теперь я понял, как должен ходить, сидеть, стоять, разговаривать интеллигентный человек.

Юрий Власов, несгибаемый рыцарь. Одновременно надежный и беззащитный, благородный и ранимый. Казалось, он облачен в помятые в боях доспехи. Собственно, он и не выходил из боя. Его раны кровоточат, его враги не прощены и не обессилены. «Какие поступки вызывают у вас чувство боли?» — «Меня глубоко оскорбляет, когда вдруг наступает коллективное прозрение: то его не было, и вдруг все начинают все понимать».

Секрет публичной интимности в Концертном зале Останкина не только в откровенности разговора, но и в том, что разговор этот как бы происходит наедине. Диалог партнеров. Один — стоящий на авансцене, не успевающий следить за блуждающим микрофоном, второй — многоликий и одновременно единый зал, мгновенно реагирующий на удачный ответ (и на вопрос — тоже). Аплодисменты тут словно бы заменяют одобрительный кивок головы.

Этот зал не наблюдает, он соучаствует — соглашаясь, отвергая, настаивая и провоцируя («А вы не боитесь стать модным писателем?», «Если всех детей развить, как вы предлагаете, до уровня Эйнштейна, кто будет работать на плодоовощной базе?»).

Впрочем, иногда он раскалывается на противоборствующие группы, как это было, например, при встрече с учителем Е. Ильиным. «Мы все очень хорошо понимаем, что литература — открытие мира великой личности писателя для ученика...— сурово обращалась к нему коллега из зала.— Так вот, не кажется ли уважаемому Евгению Николаевичу, что свой собственный мир ему важнее, чем мир Толстого, Пушкина, Достоевского?» Саркастический вопрос, прозвучавший скорее как приговор, был встречен сочувственными аплодисментами, как бы подтверждавшими справедливость укора. Но Ильин и не думал капитулировать: «Отвечу коротко. Я никогда не пошел бы в школу, если бы занимался только миром писателя. Я еще и сам себе интересен». И этот тон, и мгновенность ответа, утонувшего в шквале аплодисментов, сразу выявили и расстановку сил, и достоинство каждой позиции.

Методисты на его занятиях недовольны: дескать, посдержанней, посолиднее, посерьезнее, вы — учитель. «Я словесник, я артист»,— отвечает Ильин. Признает: телевизор на уроке ему не нужен. Да мы и верим: не нужен. Зачем? Если каждое его занятие — это урок-концерт. Если его не пугает собственная неординарность.

Ильин не нуждается в телевидении. Зато телевидение в нем нуждается.

Перефразируя Толстого, можно сказать, что все посредственные учителя похожи, а каждый талантливый — талантлив по-своему. В первом нас убеждает жизнь, во втором — телевстречи в Останкине.

ЧЕГО МЫ СТОИМ

Когда-то Пушкин писал, что драма родилась на площади. Он говорил о драме шекспировской и античной. Драма изначально демократична. Но справедливо и обратное утверждение. Нет более захватывающего зрелища, чем демократия в действии. И какая же площадь подходит для этого больше, чем телевидение?

На наших глазах происходит спор (дебаты? полемика?), который бурлит, доходит до точки кипения, вовлекает в водоворот все больше участников, развивается по каким-то своим законам, пока еще неведомым даже хорошему драматургу или политику. Да что там, даже операторы, оторвавшись от прямых обязанностей, азартно включаются в разговор, приводя свои доводы.

Ни «малоэкранное кино», ни «интимность контактов», ни «театр с доставкой на дом» — ни один из терминов, которыми награждали телевидение в разные годы, несоизмерим с возможностями этого резонатора политической жизни и ускорителя общественного самосознания.

«Не сломает ли бюрократический аппарат тот курс на перестройку, который выдвинут партией, не съест ли его?» — звучит вопрос на всесоюзной читательской телеконференции с активом журнала «Дружба народов».— «Нет,— отвечает писатель А. Рыбаков.— У каждого человека есть инстинкт самосохранения, но у нации, у народа тоже — инстинкт национального самосохранения. И никакие чиновники не сумеют ему противостоять».

«Может ли избиратель отозвать депутата, который нарушает закон об охране памятников культуры?» Два года назад подобный вопрос был на экране немыслим, да и некому было его задавать. Но по мере того, как меняется характер экранных встреч, меняется и характер самих вопросов. (Почему бы тележурналистам не сделать еще один шаг и не показать, как отзывают такого не оправдавшего надежд депутата,— подобный репортаж мог бы стать уроком государственного мышления.) Осознание социалистической демократии как «народного самодержавия» заставляет заново переосмысливать социальные функции телевидения.

Не потому ли на смену пресс-конференциям все чаще приходят круглые столы («Лицом к проблеме», «Позиция») и телереферендумы с участием социологов, вооруженных компьютерной техникой («Общественное мнение»).

От бунтующей и дотошной лестницы к полемическому азарту «Музыкального ринга», от исповедальности останкинских телевстреч к всенародным телефорумам в открытом эфире.

Какой там театр с доставкой на дом! Это мы сами вытряхнуты из домашнего благодушия и доставлены в центр события. Жаль того, у кого в этот час в телевизоре полетела лампа, сел кинескоп, замолк динамик.

Пришло время вопросов.

Наступает время ответов.

Как далеко ушло сегодняшнее ТВ от себя вчерашнего! Но ожидания зрителей идут еще дальше — ведь изменились мы сами.

Вместо предчувствия безотлагательных перемен, которые должны совершаться кем-то, мы все более проникаемся осознанием своей собственной сопричастности к переменам. Телевидение в этом процессе играет не последнюю роль. Но оно лишь в начале пути. При его возможностях эта роль может стать решающей.

Восемь лет своей жизни отдает телевидению «средний» зритель. Что это будут за годы — вычтенные из жизни или умножающие ее? Годы социальной изоляции или социального пробуждения?

Телевидение как общественная трибуна не только результат демократизации, но ее условие. А может быть, и гарантия.

Перед нами — небывалая сценическая площадка, где самотипизируется действительность. Все мы здесь — действующие лица. Включая экран, мы вглядываемся в себя и своих соседей на всех этажах общественной лестницы.

И оцениваем, чего мы стóим.

16-ЫЙ КАЛИБР

Константин БАРЫКИН,
Дм. БАЛЬТЕРМАНЦ (фото)

ВРЕМЯ ДОРОГО, А ЧАСЫ ДЕШЕВЕЮТ... О ТЕХ, ЧТО С ЦИФРАМИ, ИЗ-ПОД ЭЛЕКТРОННОГО ШТАМПА, ДАЖЕ ШУТЯТ: СТО РУБЛЕЙ ЗА ВЕДРО...

На Первом часовом таких часов не делают. Здешние «Полеты» отмеряют время стрелками. И очень ответственно отмеряют. В инструкции, сопровождающей каждую выходящую с завода штуку часов, так и написано: допустимые отклонения — плюс-минус секунда за сутки. Неверно это! Часы заметно аккуратнее...

Главный инженер Юрий Сергеевич Жильцов показал участок механических часов и тот конвейер, с которого сходят часы кварцевые, уже отвоевавшие заводу место на тесном иностранном прилавке.

— Посмотреть бы экспортную сборку,— прошу я Жильцова.

— А у нас ее нет,— отвечает он.

Именно так: на одном и том же потоке собирают часы, которые продаются на Сретенке и на Елисейских Полях. Главный инженер берет коробку с часами.

— Не возьмусь определить, какие из них попадут на внешний рынок, скажем, фирме «Тайм-продекс», а какие — в наши магазины.

...Мы привыкли, да нет, приучили себя к комплексу «часовой неполноценности», к тому, что наш товар непременно должен быть похуже тамошнего, импортного. И никак не решимся оценить этот факт: три четверти изготовляемых здесь часов на корню закуплены заграницей. «Просили бы увеличить поставку часов модели...» — читаю я телетайпную строку. Как достигли такого? Помню, и напоминаю о ней Жильцову, «большую пробуксовку», наметившуюся на заводе лет пятнадцать назад. Никак, ну никак не могли наладить дело. То вкривь, то вкось, то по обычине. Сравнивали свою продукцию с какой-нибудь заморской, лишь руками разводили: могут же там, «мэйд ин...».

А когда поняли, что при том множестве моделей и конструкций, чем одно время даже гордились, ничего путного не выйдет, тогда и начали создание базового, четкого, вписывающегося в современную технологию механизма. Успех пришел, когда вышли на унификацию. В заводском обиходе конструкция известна как «26-й калибр». Продумана она ответственно и отлажена ответственно; заработали часы — как часы.

Но торговля в ту пору испытывала некий шок: всего вроде бы много, и все не то... Часовой товар заполнял все подсобки, склады и складики. Покупали немного, вот и откладывались часы «на потом», а они долгой лежке не подлежат. Через считанные годы, если не поверять часы ежедневной службой, механизм надо отдавать на репассаж, на чистку, обновление: недешевое это удовольствие, более двух рублей за штуку. Да и не для того часы делают, чтобы они на складах красовались. Вот и создалось впечатление: затоварились. И шла чехарда: одни делают, другие отказываются принимать. Запасы растут. Покупателей все меньше. В подвальчиках «Ремонт часов» удовлетворенно потирали руки: от клиентуры отбоя нет.

И вдруг врываются в этот хаос новые часы Первого часового завода. Еще не обремененные особой элегантностью, но все же отмеченные своим стилем, главное же — надежные, хорошие, точные часы. И рынок неспешно, с оглядкой, но начал стабилизироваться, и можно было вздохнуть повольнее. И посмотреть вперед.

— Мы видели — механические часы должны потесниться, уступить место кварцевым,— замечает Ю. С. Жильцов.— Конструкторы уже выдали первые предложения. Работал в ту пору на заводе дизайнером талантливый художник С. Неведров. Он задал тон во внешнем облике, помог выйти на фирменный стиль оформления.

Когда все просчитали, выверили, постучались заводчане в двери торгового ведомства: готовьтесь, скоро заменим механические часы кварцевыми.

— Да что вы торопитесь?— благожелательно спросили оптовики.— Ваши новые механические продаются так, что завозить не успеваем.

— И все же,— настаивали производственники,— технический прогресс не остановить.

— Прогресс прогрессом. А спрос спросом.

Сейчас, забежав чуть вперед, надо сказать, что не появились бы так скоро в магазинах кварцевые часы, не «помоги» в этом заграница. Тамошние купцы знали перспективы именно «кварцевого» рынка. Убедились они и в другом: изделия московского завода не уступают, а чем-то и превосходят товар именитых западных фирм. А закупить их в ту пору можно было дешевле, заметно дешевле.

— Не будь такого понятия, как «коммерческая тайна», назвали бы имена коммерсантов, наживших на продаже советских часов огромные барыши,— сказали мне в одной из заводских финансовых служб.

Теперь на предприятии создана внешнеторговая фирма. Самостоятельная, солидная. Заводской внешторг укомплектован людьми знающими, деловыми, легкими на подъем и основательными в ту же пору. Провели в Центре международной торговли презентацию.

— «Полет» — динамичный, надежный партнер,— сказал мне один из западных коммерсантов.

Своя внешнеторговая фирма ласкает самолюбие, дает право убедиться: не лыком шиты наши часы. Можно немного погарцевать, покрасоваться. Но времени на это нет. Дополнительно согласованы поставки в нынешнем году 200 тысяч штук часовых механизмов в Гонконг и 35 тысяч часов в Канаду. Я выписываю эти строки из заводской многотиражки и в продолжение этой информации узнаю, что заключены контракты с фирмами еще пяти зарубежных стран.

С «Полетом» хотят водить компанию.

Самые престижные прилавки мира готовы принять продукцию Первого Московского часового завода, а в нашем представлении она, эта продукция, все еще уступает иным западным часам. И я сравниваю: уступает. Оформлением. Ремешок груб, такой изуродует что угодно. От корпуса хотелось бы чуть большей элегантности. Механизм же весьма совершенен. В чем же дело? Отчего мы так настороженно относимся к «кварцу»? Проще наладить выпуск часов высокого класса, чем убедить в их достоинствах? Причины тому можно найти. Рекламы нужной нет. Сервиса нет. Батарейку сразу не найдешь... Да и торговля, наша, внутренняя, с которой каждый день сталкиваемся, все еще сопротивляется новинкам: то ли побаивается, то ли не верит в них.

— С зарубежными фирмами нам работать проще, легче, чем с нашими оптовиками, все еще опирающимися на спрос, отражающий вчерашние потребности. Опираются на усредненность, на привычки, а не на перспективу.

Говорят и приводят в подтверждение две цифры: при общезаводской программе 1988 года в 4 миллиона 900 тысяч часов заграница закупит 4 миллиона. «Готовы взять все, что будет сделано, до последней штуки».

Щекотливая, доложу я вам, ситуация. И валюта нужна. И магазины наши не следует оголять. И торговля, напомним, все еще никак не поймет, что поезд экспортных запродаж набирает ход, еще год-второй...

Начинают вроде бы к этому прислушиваться, Минторг возражает, не хочет, чтобы вся продукция уплывала в другие страны. Но не поздно ли хватились? Уходить с иностранного рынка, с уже освоенного прилавка, нельзя: там такая конкуренция, что, если чуть зазевался, отвлекся, уже не вернешься, место будет занято конкурентом. Наращивать же производство до бесконечности завод не может. А выход искать придется. Ведомственные баталии, недомолвки, нечеткие заказы, разного рода несогласованности да и тот примитив, которым отмечены наши часовые магазины, могут привести к тому, что через какое-то время не окажется у покупателя такого выбора часов, какой есть сегодня. «Перепроизводство? Не берут?» Многолетние мои наблюдения за разными группами товаров, анализ статистики и покупательской психологии позволяют вывести невеселую формулу: дефицит не исчезает. Он ходит — то по кругу, то по спирали. Примеров тому уйма. Казалось одно время: утюгов наштамповали столько, что хоть гвозди ими заколачивай. «Сворачивай производство!» Свернули. И начали выстаивать свое очереди за утюгами. Подольчане монополизировали выпуск швейных машин: «Закидаем!» Но не найти сейчас машинку: ни днем с огнем, ни при вечернем свете торгового зала. По записи только, по заказам — ветеранам, еще кому-то. Затоварились простынями, наволочками, пододеяльниками. Пустили их сейчас в уценку, продают вполцены, а то и дешевле. Не хочу быть пророком, но через два-три года иссякнет, похоже, это полотняное изобилие. Снова очереди?

...Однако выйдем из отдела тканей, вернемся к часовому прилавку, он у нас настолько неорганизован, что невозможно по нему судить о конъюнктуре, о сбыте, о спросе, о предложении. Торговля часами расположилась на порядок ниже ватерлинии, которую отмерила себе часовая промышленность, становящаяся все более серьезной подотраслью приборостроения. Особенно в последние годы хорошо заработали часовщики, входят в перестройку не словом — делом.

Загляденье?

Перелистываю, вчитываюсь в диплом, а по принятой в Академии народного хозяйства терминологии — в выпускную работу, которую защищал в этой академии директор завода Александр Сергеевич Самсонов. До того я просмотрел ворох справок и документов, планов и отчетов, финансовых сводок и прочей бумажной премудрости и убедился: благополучный завод. Дает стране многомиллионные прибыли. А весь диплом не подтверждение достигнутого, а полемика, стремление раздвинуть имеющиеся рамки. Словно пишет не директор завода, а его оппонент. Не скажу, что перо автора недовольное, но ершистое — сомнений в том нет. Директор анализирует, критикует («На заводе сложилась жесткая, негибкая система управления, пришедшая в серьезное противоречие с новыми принципами хозяйственного механизма»). Основной запал, реконструкцию он метит в структуру управления. Забыл Самсонов, что сам во главе этой управленческой пирамиды? Свое же кресло раскачивает?

Я сказал об этом, такой поворот Самсонов не поддержал, но заметил:

— Необходимые новшества и перемены рабочие осознали быстрее, чем многие из нас.

Заговорили мы о качестве. Привел я факт из соцобязательств: уменьшить брак на один процент.

— Так и будет. Строго говоря, можно выпускать вообще почти идеальные часы. Но тогда стоить они будут не тридцать (это средняя цена часов) рублей, а в пять, а то и в десять раз дороже.

Качество всегда категория экономическая. И надо исходить из реалий. Сейчас допустимая погрешность хода в часах — секунда за сутки. Это жестче, чем общеотраслевой стандарт, строже и гостовских требований. Но не они ориентир для заводчан. Они выбрали самые лучшие иностранные часы (очень, к слову, дорогие) и подходят к их показателям: за месяц отклонение хода будет составлять не более 15 секунд. Когда массовые часы имеют такие параметры, это говорит прежде всего о возможностях предприятия.

За качеством тут следят не только созданные для того службы, а прежде всего сами рабочие. И премии выплачивают не за перевыполнение плана, а за его выполнение при непременном качестве.

Поэтому с открытым забралом ждут прихода представителей госприемки. Такому масштабному производству полагается, кажется, шестьдесят контролеров, но, здраво рассудив и все взвесив, стороны сходятся на том, что и двадцати двух человек достаточно.

— Случается ли брак?

— Конечно,— спокойно сказали мне.— Не может быть стопроцентного попадания. Причин тому много. Да и нет такой величины, как единица надежности. Любой механизм может отказать.

Заводчане полагают, что не было бы проблемы с теми немногими штуками часов, которые не вписались в строгие нормативы. Если покупатель недоволен часами, он должен прийти в магазин, и там, принеся ему извинения, без мороки заменят часы. Давно предлагается такая схема, но пока не встречает она понимания у заводских партнеров.

Капиталисты делают так: часы, не уложившиеся в стандарт, не пускают под пресс, не списывают на брак. Посылают их в магазин, но не дают им тех привилегий и гарантий, что получают часы фирменные, классные. Их можно купить задешево и... под другими, нефирменными названиями.

— Мы получили большую самостоятельность,— говорит директор.— Она развязала заводчанам руки. Но нередко еще подходим к новому положению вроде бы с опаской, словно примеряясь, будто в ожидании: кто-то явится и подскажет, как ею, самостоятельностью, пользоваться. Справимся и с этим. Пройдет какой-то срок, пока наберет она обороты, выйдет на предписанный ей экономикой режим. Я убежден, что одно из основных направлений, где следует самостоятельность применять,— Закон о государственном предприятии. Значение его велико, мы еще не осознали всю глубину этого документа. Надо отстаивать гарантированные этим законом права на всех уровнях.

Завод — в движении. Подумывают об особо престижных, заказных часах. На предприятии 1500 роботов и автоматических манипуляторов. В штатном расписании объявились наладчики оборудования с числовым программным управлением, операторы ЭВМ. Разработан и уже выпускается механизм 16-го калибра, очень точный, конструктивно изящный. Прежде на заводе делали только мужские наручные часы. Сейчас готовятся к тому, чтобы начать производство и женских моделей. В ряду новых разработок элегантная модель «2964Н». Стрелочная индикация. Красивый циферблат с черточкой дисплея — на него можно вызвать второе время; скажем, города, в который вы приехали в командировку. Сигнал-напоминание, секундомер, календарь. Намечены эти часы к производству в будущем году, но ведь до нового-то года осталось совсем немного времени...

Часы 1-го МЧЗ отсчитают его — час за часом, минута за минутой.



КЛЮЧИ

Олег ШМЕЛЕВ

ПОВЕСТЬ

Рисунки М. ПЕТРОВОЙ

Возвратившись домой, Татьяна Никитина увидела лежащего на полу мертвого мужчину. Это был ее первый муж Анатолий Никитин. Татьяна уже живет с другим мужем, Александром Кузьмичевым, который накануне уехал в Харьков к внезапно заболевшему отцу. Осматривая стоящую во дворе машину Кузьмичева, старший оперуполномоченный МУРа майор Басков и следователь прокуратуры Степанов нашли завернутый во вчерашнюю газету молоток и рядом с ним золотую монету. Еще одну золотую монету оперативная группа обнаружила у сделанного в шкафу тайника, когда осматривала обворованную квартиру убитого.

Анатолий Никитин — врач по образованию. Но в последние годы он числился продавцом в табачном киоске — за него работала мать. Сам же он постоянно находился в разъездах.

5

Утром в понедельник Басков получил по телетайпу телеграмму из Харькова. В ней сообщался адрес Кузьмичева Михаила Ивановича — он жил не в городе, а в пригородном поселке, в собственном доме. В больницу его не положили: отказался. А дальше такой текст:

«Его сын Кузьмичев Александр Михайлович прибыл в Харьков вечером в субботу. У него предплечье левой руки в гипсе, руку носит на перевязи. В настоящее время находится в доме отца».

Текст этот все путал.

Во-первых, если Александр Кузьмичев уехал из Москвы вечером в пятницу, то в Харьков должен был приехать в субботу не вечером, а утром. Харьковский поезд № 19 (не проходной, а специально харьковский) отправляется из Москвы в 21.05 — в девять с чем-то, как сказала Никитина,— и прибывает к месту назначения в 8.33.

Во-вторых, откуда гипс? Татьяна Никитина ни словом не обмолвилась о сломанной руке. Более того, она сказала, что Кузьмичев не захотел ехать на своей машине. Одно дело — «не захотел», совсем другое — «не мог». Какая уж тут езда со сломанной рукой! Из разговора с Никитиной можно понять, что она не видела Кузьмичева с гипсом, а расстались они утром в пятницу, когда Никитина ушла на работу. Значит, что же получается? Кузьмичев повредил руку в промежутке между утром пятницы и субботним вечером. Где это произошло?

Басков узнал в справочной Аэрофлота расписание самолетов на Харьков и позвонил Степанову.

— Здорово, Иваныч. Лечу в Харьков. Ближайший рейс в пятнадцать сорок пять, времени много, надо бы встретиться. У меня кое-что новенькое есть.

— У меня тоже. Приезжай. Я Никитину вызвал.

Через час Басков был на Новокузнецкой. Степанов сидел в кабинете один, что-то писал.

— Уже отпустил? — удивился Басков, имея в виду Никитину.

— Задерживается немного. Ну что?

Басков сел, закурил и слово в слово изложил ту часть телеграммы из Харькова, которая относилась к Кузьмичеву-младшему.

— Где ж он руку-то сломал? — сказал Степанов.

— С качелей упал, наверно,— мрачно пошутил Басков.

— Может, все-таки не подбросили молоток?

— А я разве говорил — подбросили?

— Ну, не говорил, а намекал. Или думал.

— Ладно, не подначивай, Иваныч. Как у тебя?

Степанов не торопясь открыл сейф, взял две золотые монеты, запечатанные в маленьких прозрачных пластиковых пакетиках, помеченных цифрами 1 и 2, и небрежно бросил их на стол перед Басковым.

Басков показал на сейф.

— Инкубатор?

— Они размножаются методом почкования.

— У тебя такой вид, словно ты каждый день находишь золотые монеты.

— А чего особенного? Вот ты еще бриться не начинал, а в Москве был случай. На улице Горького один скромный смуглый человечек арбузами торговал, знаешь, прямо на тротуаре, из плетеного железного сундука. А потом пригляделись к нему, пощупали — у него пятьсот монет оказалось, и такие же были, по пятнадцать фунтов, целая коробка из-под шоколадного набора.

— А вторая откуда?

Степанов взял пакетик с цифрой 2.

— Лежала прямо у тайника. У Никитина в квартире. Чтобы тот, кто будет делать осмотр, не тратил время зря.

— Вот видишь. А подначиваешь...

— И я тут же решил: в машину Кузьмичева и молоток, и монету подбросили.

— Чего ж меня критикуешь?

— Тебя не я, а телеграмма критикует. Кузьмичев-то в Харьков субботним вечером приехал. А надо бы утром.

— Мать при осмотре была?

— Да.

— Что взяли?

— Только ковырнули тайник.

— Подбор? Взлом?

— Какой подбор! Там секрет и три таких запора — почище любого сейфа.

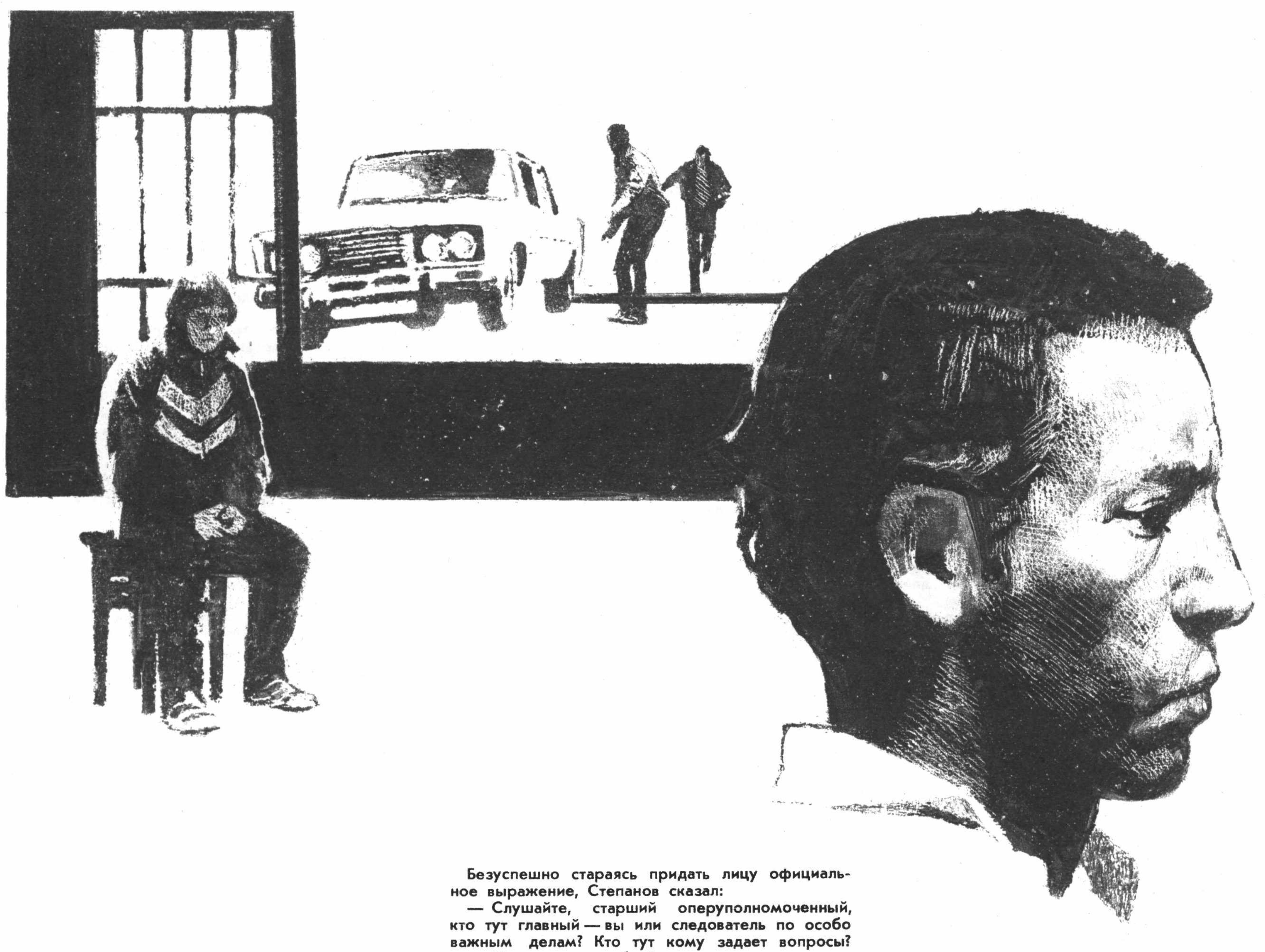
— Значит, еще одна монета, и больше...

— Подожди,— перебил Степанов.— Есть еще кое-что...

Степанов рассказал о разговоре с Клавдией Николаевной. Окончив рассказ, он достал из сейфа пакет с молотком, показал Баскову.

— И еще вот это.

Продолжение. См. «Огонек» № 47.



— Молоток, что ли?
— Пакет.
— При чем здесь пакет? — не понял Басков.
— Точно такой же я видел у Клавдии Николаевны.
— Ну и что? Никитин принес... Мать и бывшая жена. Кому ж еще и нести?
— А у самого Никитина в доме ни одного такого пакета я не нашел.
— Зачем они мужчине?
— Но ты помнишь, что сказала Никитина?
— Она много чего говорила.
— Пакеты не фирменные, не настоящие.
— Ну и что?
— Где их брал Никитин? Кто их делал?
— Думаешь, есть связь?
— А черт его знает... Меня, видишь, почему-то удивляет, что у Никитина в доме ни одного пакета... И потом вот какая вещь. Никитин все время катался по стране. У него «Жигули». За два года накрутил девяносто восемь тысяч. Представляешь?
— Тебе с монетами забот хватит... Может, он ради них и катался...
— Не спорю. И еще вот что: почему Никитин приехал на Профсоюзную не на своей машине?
— А почему обязательно не на своей?
— Она перед его домом стоит.
— Разве трудно было перегнать?
— Время, время нужно. А где у Кузьмичева лишнее время? — возразил Степанов.
— Было время, раз он в Харьков приехал не утром в субботу, а вечером.
— В общем, пока сплошная каша.
— А что с братом? — спросил Басков.
— Следователь райуправления допрашивал, проверял. Инженер. Работает в строительно-монтажном управлении. Отец семьи, двое детей. Насчет обоев все верно. В пятницу вечером у него были гости. Он развез их по домам в двенадцатом часу ночи.
— А обои где?

Безуспешно стараясь придать лицу официальное выражение, Степанов сказал:
— Слушайте, старший оперуполномоченный, кто тут главный — вы или следователь по особо важным делам? Кто тут кому задает вопросы?
— Но все же где обои?
— У Никитиной дома.
Дверь приоткрылась, и женский голос спросил:
— Можно?
Это была Татьяна Никитина. Басков уступил ей место у стола, сам сел на стул в углу.
Никитина выглядела неважно, испуг до сих пор не исчез из ее глаз.
Степанов не готовился к встрече с нею специально, как он обычно готовился к допросам, не вырабатывал тактику, поэтому сказал первое, что пришло в голову:
— Татьяна Васильевна, я разговаривал с Клавдией Николаевной. Она была вполне откровенна, но... как бы это сказать?.. В общем, чаще всего матери знают о своих сыновьях меньше, чем жены их сыновей. А нам в интересах дела надо знать об Анатолии Никитине как можно больше. Вы долго были за ним замужем?
— Шесть лет.
— Дружно жили?
— Не пьянствовал, не гулял.
— Клавдия Николаевна говорит, он вас любил.
— Я в этом никогда не сомневалась.
— Почему же разошлись?
— В последние три года он сильно изменился.
— С тех пор как ушел из поликлиники?
— Да.
— В чем это выражалось?
— Мне трудно объяснить...
— Стал часто уезжать из дому?
— И это тоже. Но это не главное.
— А куда он ездил?
— Больше на юг... Иногда в Прибалтику...
— А зачем?
— Он все время что-нибудь придумывал. Врал.
— Это и есть главное?
— Для меня — да.
Необходимость отвечать на вопросы ослабила напряжение, которое сковывало Никитину, когда она только вошла.
Басков сказал:
— Один мой приятель утверждает, будто женщина может простить человеку что угодно, если он ее любит.

— За других женщин не ручаюсь. По-моему, нельзя жить с человеком, который тебе все время лжет.
— Татьяна Васильевна, у него были друзья? — спросил Степанов.
— Когда работал врачом, была дружная компания.
— Собирались?
— Даже отдыхать вместе ездили.— Она замолкла, словно припоминая.— А потом он всех как-то отвадил. Новые интересы появились.
— А именно?
— Деньги зарабатывать начал.
— Ну, лишние деньги никогда не мешают.
— Какие лишние? В табачном киоске? Да он там и не сидел.— Было такое впечатление, что она заново переживает давний спор.— Ну ладно, в конце концов я решила — твое дело, киоск так киоск, хотя это же патология какая-то — здоровый молодой мужчина с дипломом врача пошел в киоскеры... Но я же не девчонка. По две тысячи в месяц честно зарабатывать нельзя.
— Почему именно по две?
— Он так говорил.
— Каким же образом он их зарабатывал?
— Не имею ни малейшего представления. Не интересовалась, а он тем более не докладывал.
— А из новых друзей его никого не знаете?
— Он мне их не показывал.
Степанов достал из сейфа толстый конверт с фотографиями, вынул их.
— Это мне Клавдия Николаевна дала. А ей передали вы. Посмотрим вместе. Расскажите, кто здесь кто.
Никитина взяла пачку карточек из рук Степанова, перевернула три или четыре и сказала:
— Я вас понимаю. Эти фото я знаю наизусть. Последнее сделано года четыре назад. Так что новых его друзей здесь быть не может.
Степанов улыбнулся.
— Хорошо, когда люди понимают друг друга с полуслова.

Он убрал фотографии в сейф и попросил:
— Теперь, будьте добры, расскажите об Александре Кузьмичеве.
Она вся как-то подобралась.
— Что вас интересует?
— Буквально все.
— Биография?
— И биография.
Никитина замялась, опустила глаза и спросила:
— Скажите, та монета... Это серьезно?
— Забудьте про монету. Будем говорить о Кузьмичеве.
— Вы знаете, он имеет судимость.
— За что?
— Подрался. Это давно было, лет пятнадцать назад. Саша очень сильный. Кого-то больно ударил. Но он не сидел, приговорили условно.
— Это в Харькове было?
— Да.
— Ну и потом?
— В армии служил, в десантных войсках. Но почему-то на танке. Разве бывают у десантников танки?
— Конечно, бывают,— улыбнулся Степанов.— Ну и дальше?
— После армии поступил на завод Лихачева. У него несколько грамот есть, я видела. Комнату дали. А потом перешел в шоферы.
— Как он по характеру?
— Очень спокойный. Он вообще простой человек.
— Но ревнивый?
Она немного смутилась.
— Сцен не устраивает. Так, помолчит денек и отойдет.
— Вы говорили, Саша и Толя знали друг друга. Вы их сами познакомили?
— Толя пришел однажды, принес цветы, а у меня сидел Саша. Толя о нем еще не знал.
— А на стороне они встречаться не могли?
— Ну что вы!
Вмешался Басков:
— А у вашего брата с вашим бывшим мужем как отношения были?
Вопрос оказался неприятным. Опустив глаза, она ответила:
— Они не дружили.
— Почему?
— Интересы разные.
— В каком смысле?
— Ну... Брат, например, не признает левых дел.
— А муж признавал?
— Я же вам объясняла: Толя пошел в киоскеры, а сам...— Она не докончила — не нашлась, как выразиться лучше.
— Понятно,— сказал Степанов.— Брат ваш, стало быть, не любил Толю?
Она слегка поморщилась.
— Это неверно. Он просто считал, что мы не пара.
— Прямо так и говорил вам? — Степанов хотел прибавить, что это, мол, было бы со стороны брата бестактно и бездушно, но воздержался от нравоучительных изречений.
Однако Никитина словно услышала не произнесенные им слова и, кажется, обиделась за брата.
— Леня мне как отец... Наши родители умерли двадцать лет назад... Он меня вырастил...
Степанов пожалел, что задал свой неуместный в общем-то вопрос, и даже выругал себя, потому что вопрос этот положа руку на сердце тоже можно посчитать проявлением бестактности и бездушия, хотя следствию в интересах дела полезно до тонкостей знать взаимоотношения людей, вовлеченных в круг, очерченный преступлением.
Басков развеял возникшую неловкость, резко переменив направление:
— Скажите, Татьяна Васильевна, Саша был здоров перед отъездом?
— Он вообще ни разу не болел.
— И руки-ноги целые? — Степанов как бы шутил.
Она встревожилась.
— Конечно. А что случилось?
— Нет-нет, все в порядке. Спасибо вам, Татьяна Васильевна, за помощь.
— Я могу идти?
— Да. Всего доброго,— сказал Степанов.
Когда она вышла, Басков сказал меланхолично:
— Вполне приличная женщина. Расчетливая.
Будь на месте Степанова кто-нибудь иной, он бы совсем не понял Баскова, он бы решил, что Басков сам себе противоречит. Как же так: приличная и расчетливая? Не вяжется...
Степанов все понял, но они с Басковым даже в посторонних вопросах строго придерживались всеобщего профессионального рабочего обычая: если один выдвигал какой-то довод в доказательство своей правоты, другой старался всеми доступными способами этот довод разбить. У них это называлось проверкой на прочность. Потому Степанов возразил:
— Конечно, приличная, но почему расчетливая? Не терпит лжи, не желает пользоваться нечистыми деньгами.
— А ты никогда не думал, что приличие тоже может быть расчетливым? Толю она из болота не очень-то тащила, а деньгами его не соблазнилась потому, что боялась — сама завязнет. А Саша на твердой почве стоит, и деньги чистые.
— Если. Если на твердой.
— Она считала — да. Но заметь: к услугам Толи она все-таки прибегала.
— Знаешь, Леша, я плохой моралист. Ты лучше скажи: как тебе это нравится — Саша-то судимость имеет.
— Пока все одно к одному.
Они договорились, что при надобности будут держать связь через харьковский угрозыск.

6

В харьковском аэропорту Баскова встретили товарищи из угрозыска, оба помоложе его. Они были на машине.
— Заедем к нам? — предложил один из них, с усиками, когда тронулись.
— Младший Кузьмичев дома?—спросил Басков.
— Был дома.
— Тогда прямо туда.
— Будем брать?
— Пока нет оснований. Поговорить надо,— сказал Басков и, подумав, прибавил: — Отца тревожить не хочется. Как-нибудь вызвать бы Кузьмичева на улицу...
— Устроим.
...Они остановились, не доезжая метров пятьдесят до дома Кузьмичевых. Оперуполномоченный с усиками вышел и открыл калитку в низком заборе, за которым старик вскапывал палисадник. Они коротко поговорили, старик воткнул лопату в землю и пошел к дому Кузьмичевых.
Через несколько минут он появился на улице в сопровождении крупного черноволосого молодого человека в пиджаке внакидку. Левая рука его покоилась в цветастом женском платке, треугольником свисавшем с шеи.
Когда он приблизился, Басков увидел, что скуластое лицо его невесело, брови сдвинуты, глаза прищурены — в общем-то то же лицо, что и на фотографии, незлое, спокойное, но как будто постаревшее.
Басков вышел из машины. Подойдя, Кузьмичев поздоровался первым и протянул правую руку. Басков пожал ее.
— Неохота в Тулу,— сказал Кузьмичев.— Верней, не ко времени. Батю ломает.
— Почему в Тулу?
— Ну вы ж из милиции?
— Но не из Тулы.— Басков показал удостоверение.
— Уже перевели этого обормота? — спросил Кузьмичев.
Они говорили на разных языках, и Басков предложил:
— Давайте, Александр Михайлович, съездим на час в город, там потолкуем в спокойной обстановке.
На лице Кузьмичева появилось озабоченное выражение.
— Вас обратно доставят,— сказал Басков.
— Ну давайте,— согласился Кузьмичев.
Басков открыл ему переднюю дверцу, а сам потеснил своих товарищей на заднем сиденье.
— Что с рукой? — спросил Басков.
— Сегодня второй рентген делали. Лучевая раздроблена. Но осколки вроде правильно уложены.
— Болит?
— Терпимо.
...Оперативник с усиками предоставил в их распоряжение свой кабинет.
— Вас в Тулу хотели вызвать? — спросил Басков.
Он уже решил, что не станет трогать московское дело, пока не поймет, при чем здесь Тула. Все повернулось неожиданно. Чувствовал он себя как впотьмах.
— Ну да. Сказали, может, придется,— ответил Кузьмичев.
— Расскажите мне, пожалуйста, как все это произошло,— попросил Басков.
В общих чертах это выглядело так.
В поезде на Кузьмичева напали трое — двое молодых, но здоровенных парней, а третий гораздо старше, тот, что ехал с ним в одном купе. Это было в тамбуре, куда Кузьмичев вышел покурить вместе с соседом. Парни появились чуть позже. Хотели ограбить. Старший ударил Кузьмичева финкой. Он метил в живот, но Кузьмичев успел подставить левую руку, а правой дернул стоп-кран. Старший и один из малолеток спрыгнули и убежали, а другого малолетку Кузьмичев сумел задержать. Его забрала в Туле милиция. Он оказался москвичом.
Вот, собственно, и все.
— Как выглядел ваш сосед по купе?
Кузьмичев пожал плечом.
— Симпатичный. На спортсмена похож.
— А у вас было что грабить? — спросил Басков.
— Да ну! — махнул здоровой рукой Кузьмичев.— Две сотни каких-то. А они, гады, с финкой.
— Бывают и такие — за червонец пырнут.
— Встречал,— мрачно сказал Кузьмичев.
— Билет случайно не сохранился?
— Я же его проводнице отдал.
Басков соображал, как поступить. Ему было совершенно ясно, что не следует сейчас заводить речь об убийстве Никитина. Кузьмичев думает, что он приехал по делу о разбойном нападении в поезде, и пусть себе думает.
Малолетка, задержанный Кузьмичевым, судя по всему, должен находиться в руках отдела милиции на транспорте. Значит, надо ехать в Тулу. Там ему сообщат и подробности, и суть происшедшего более исчерпывающе, чем это может сделать Кузьмичев, ибо он видит событие только со своей точки зрения, а ведь существует и другая сторона.
Но один каверзный вопрос, касавшийся Москвы, надо было задать — для того, чтобы посмотреть, как среагирует Кузьмичев.
— Вы никаких ключей не теряли? — спросил Басков. Он думал при этом о ключах от квартиры Никитина, которых не обнаружили при убитом.
Кузьмичев не смутился, не насторожился.
— Я всю связку Семеновым оставил. Как Таня просила. Чтобы не потерять в дороге.
Ну что ж, капканчик был поставлен не на той тропе. Надо будет только проверить, правду ли сказал Кузьмичев и в котором часу он отдал ключи Семеновым.
— У вас какие планы? — спросил Басков.
— Отпуск взял до двенадцатого. Тринадцатого буду в Москве. Врач сказал, батя вынырнет. Не скоро, но поправится.
— Я вас в Москве найду. А сейчас езжайте домой.
...Ему подобрали такой поезд, чтобы Басков приехал в Тулу утром, но не слишком рано. По дороге он долго подвергал сомнению свои действия, но в конце концов пришел к убеждению, что все в порядке.
Кузьмичев, как сказала о нем Никитина, был и правда простым человеком, но не производил впечатления простачка. Скорее всего он ничего не выдумывал в своем рассказе о происшествии в поезде. Но у Баскова сразу возник и уже не отпускал его один вопрос: что такое это нападение, совершенное в тот же вечер, когда был убит Никитин? Случайное совпадение или два события, связанные друг с другом?
Если случайность, это ничего не прибавит. Если есть какая-то связь, можно считать, что розыск вышел на главную магистраль, ведущую прямо к раскрытию преступления. Графически Басков представлял себе это так: имеются две точки — убийство на Профсоюзной и нападение на Кузьмичева; если соединить их линией и мысленно продолжить ее, то где-то дальше, на ее конце, обнаружится убийца Никитина. Этому графику не хватает самой малости — неизвестно, где кончается воображаемая линия.
Роль Кузьмичева остается неясной, и подозрения с него снимать никто не имеет права, но Басков был уверен, что действует правильно. Во всяком случае, риска нет: Кузьмичев никуда не денется. И к тому же в пользу Кузьмичева говорил неоспоримый, но пока не поддающийся объяснению факт: он задержал одного из нападавших.
...В отделе милиции на транспорте Басков представился начальнику, объяснил, зачем приехал, а тот вызвал оперативного уполномоченного Лосева, занимавшегося Андреем Брошиным, тем самым малолеткой, которого задержал Кузьмичев.
По дороге в кабинет Басков спросил, как успехи, не удалось ли выйти через Брошина на когонибудь еще.
— Мы вчера второго взяли, Брошин адрес дал,— сказал Лосев.
— Тоже малолетка?
— Да. Касимов Борис. Но путей к «Тренеру», сдается мне, малолетки не дадут. Там связь была односторонняя.
— А тренер — это кто?
— Старшой их.
Зашли в кабинет, Басков попросил протоколы



Ф. С. РОКОТОВ (?)1735(?) — 1808. ПОРТРЕТ КНЯЗЯ ИВАНА БОРИСОВИЧА КУРАКИНА. 2-я пол. 1770-х.

В КАЛИНИНСКОЙ ГАЛЕРЕЕ

БОЛЕЕ ДЕСЯТИ ТЫСЯЧ ЭКСПОНАТОВ — ПРОИЗВЕДЕНИЙ ЖИВОПИСИ, ГРАФИКИ, СКУЛЬПТУРЫ, ДЕКОРАТИВНО-ПРИКЛАДНОГО ИСКУССТВА ХРАНИТСЯ В КАЛИНИНСКОЙ ОБЛАСТНОЙ КАРТИННОЙ ГАЛЕРЕЕ.

ПАЛИТРА

Недавно в залах Академии художеств СССР в Москве прошла юбилейная выставка Калининской галереи, отметившей свое пятидесятилетие.

Конечно, невозможно подробно рассказать здесь обо всех произведениях, представленных на этой выставке. Поэтому обратимся к работам, что репродуцируются в журнале.

Среди них самый ранний памятник — своеобразная картина-икона. Она относится к тому периоду развития русской иконописи, когда вместо регламентированных сюжетов утверждаются более свободные, по выбору художника или заказчика, композиции, близкие к жизненным пропорции фигур, цветового решения. На иконе изображен сын Ивана Грозного царевич Дмитрий. Живописное полотно и рама в целом привлекают нарядностью, декоративной красочностью. Это было характерно для отечественного искусства XVII столетия — мажорность, особая торжественность, пластика и богатство декора.

Портретная коллекция XVIII века представлена в журнале произведениями крупных мастеров того периода А. П. Антропова и Ф. С. Рокотова. Антроповский «Портрет тверского архиепископа Платона Левшина» запечатлел автора богословских и литературных сочинений, чья деятельность была связана вначале с Московской Славяно-греко-латинской академией. До окончания курса за отличия в науках он был назначен там же преподавателем «русского и латинского стихотворства», был ректором в семинарии Троице-Сергиевой Лавры. Молодой ректор (а стал он им в 25-летнем возрасте), выделявшийся ученостью, светскими манерами, красноречием, по повелению Екатерины II был переведен в Петербург.

Творчество крупных портретистов второй половины XVIII века приобретает мировое значение, обогащая известные европейские школы портрета. Среди таких художников — Ф. С. Рокотов. Из четырех живописных портретов мастера в гале-



Г. В. СОРОКА. 1823—1864.
ВИД В ИМЕНИИ СПАССКОЕ
ТАМБОВСКОЙ ГУБЕРНИИ.



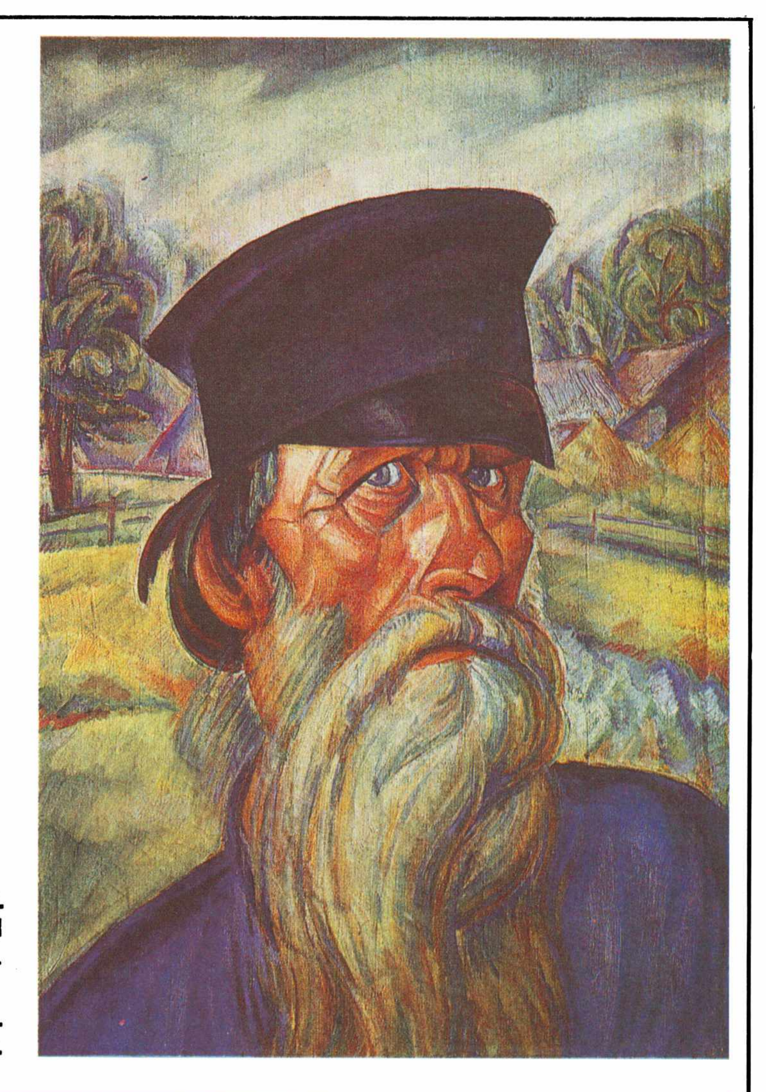
Ф. Я. АЛЕКСЕЕВ. 1753 (4!) — 1824.
ВИД НА БИРЖУ
И АДМИРАЛТЕЙСТВО
ОТ ПЕТРОПАВЛОВСКОЙ
КРЕПОСТИ. 1810.

рее два — «Портрет А. А. Куракиной» и «Портрет И. Б. Куракина» — поступали в собрание из знаменитой коллекции князей Куракиных.

«Портрет И. Б. Куракина» поступил как работа неизвестного автора и находился в запаснике галереи. Холст был сильно деформирован, прорван, живопись загрязнена, местами осыпался красочный слой. Реставрирован А. И. Садиковой в 1978 году.

Большая живописная свобода в передаче форм лица молодого человека, пластическая фактура, характер решения светотени, манера нанесения красочных мазков имеют явные аналогии в творчестве Ф. С. Рокотова. С почерком мастера согласуется и художественный образ, полный глубокого лиризма, особой мечтательности, что сочетается с правдивой передачей своеобразных, далеких от идеала красоты, черт молодого князя Ивана Куракина. Его лицо на портрете полно живого дыхания жизни, какого-то особого движения, порыва; легкая улыбка, просветленный взгляд передают переменчивость настроений, беспечность молодости, веру в свершение надежд, в будущее...

Особенным в творчестве известного русского



С. Я. ШЛЕЙФЕР. 1881—1942 (?).
КРЕСТЬЯНИН
В СИНЕЙ РУБАХЕ. 1920.

А. А. ВЕНЕЦИАНОВА. 1816—1882.
ПОЧТОВАЯ СТАНЦИЯ. 1842(?).







А. П. АНТРОПОВ. 1716—1795. ПОРТРЕТ ТВЕРСКОГО АРХИЕПИСКОПА ПЛАТОНА ЛЕВШИНА.

пейзажиста Ф. Я. Алексеева, считающегося основоположником русского лирического городского пейзажа, является большое панорамное полотно «Вид на Биржу и Адмиралтейство от Петропавловской крепости». В нем воссоздан образ «северной Венеции» — Петербурга, воспета величавая торжественность архитектурного ансамбля новой русской столицы. Особое очарование пейзажу придает тонкая отрисовка архитектуры, выдержанный в серебристых тонах колорит.

Из интереснейшей коллекции работ знаменитой школы А. Г. Венецианова и круга близких к ней мастеров читатели журнала видят две работы. С творчеством этих художников связано утверждение и развитие бытового жанра, особенно сцен крестьянской или городской жизни, развитие национального пейзажа, натюрморта, интерьерных видов.

Среди талантливых учеников Венецианова — крепостной помещика Милюкова Григорий Васильевич Сорока. Его творчество не нашло признания и не было известно при жизни автора, картины оставались лишь украшением барских усадеб. Интерес к художнику проявился в начале XX века, но только в советское время его живопись, полная поэзии и правды, была по-настоящему изучена и оценена. Судьба Григория Сороки в отличие от многих одаренных учеников Венецианова трагична. Стараниями своего учителя многие из них были спасены от крепостной зависимости, получили возможность занятий в Петербургской Академии художеств. Для Сороки же обернулось все иначе — помещик отказался дать ему вольную и назначил садовником в имении. Сорока писал портреты, изображения интерьеров, но с особой силой его проникновенный талант раскрылся в пейзажах, национальные мотивы и лиризм которых предвосхищают открытия русской пейзажной живописи второй половины XIX века. Пейзажи у него, как правило, населены людьми. Это почти всегда крестьяне. Переходя из картины в картину, степенно разговаривая или занимаясь сельскими делами, они привносят в пейзажи особую одухотворенность...

Григорий Сорока оставался «движимым имуществом» барина вплоть до реформы 1861 года. Но справедливость не восторжествовала и после освобождения. Из-за тяжелых условий выкупа земли Сорока стал жаловаться на помещика, защищая крестьян. Он был признан зачинщиком смуты и приговорен к телесному наказанию. До свершения несправедливого приговора, 10 апреля 1864 года художник покончил с собой.

Еще одно произведение венециановской школы поступило в галерею из Ленинградской закупочной комиссии в 1938 году. В левом нижнем углу на нем есть подпись: «А. Венециановъ», на обороте надпись: «Почтовая станция. 1842». Авторство А. Г. Венецианова сразу было отвергнуто — картина написана искренне, но несколько робко и скованно. Полотно было отнесено к творчеству старшей дочери художника Александры, которая также брала у отца уроки живописи.

Отечественное искусство советского периода представлено полотном «Крестьянин в синей рубахе», созданным малоизвестным широкому зрителю художником С. Я. Шлейфером, активно работавшим в 1920-е годы в Весьегонске Тверской губернии. Он стал первым учителем видного советского мастера В. А. Серова, занимавшегося в художественной студии у Шлейфера. Так сложилась судьба его творческого наследия, что оно оказалось вне поля зрения исследователей и музейных работников, и его имя и творчество постепенно забылись. Открытием этого мастера, возвращению его зрителям мы обязаны искусствоведу нашей галереи Т. С. Куюкиной, разыскавшей произведения художника, уточнившей его биографию. Ею собрана в галерее коллекция работ С. Я. Шлейфера, насчитывающая два десятка живописных произведений.

Читатели «Огонька» впервые могут познакомиться с этим оригинальным автором, творчество которого обогащает наше представление об искусстве послереволюционных лет.

Валерия ГЕРШФЕЛЬД,
заместитель директора
Калининской галереи по науке.



ИКОНА «ЦАРЕВИЧ ДМИТРИЙ». XVII ВЕК.

допросов. Он искал ответ на вопрос: когда Брошина пригласили участвовать в ограблении пассажира? Ответ был, но это не ответ: «Не помню». Оперативник, допрашивавший Брошина, не настаивал на точности, потому что не имел времени на доскональные допросы, поскольку дело было горячее, а допросы никуда не уйдут, а главное, он не ведал о московском деле.

Басков прочел протоколы, и они пошли в изолятор.

Брошин и Касимов содержались в разных камерах. Басков начал с Брошина.

Лосев привел в маленькую комнату высокого белобрысого парня, не по возрасту рыхлого, с мясистым лицом. Глядел он как-то безразлично, будто все это его не касалось. Синяя стеганая куртка из болоньи была без единой пуговицы.

— Садись, Брошин,— пригласил Басков, показав на табуретку.

Он сел на нее, как в седло, верхом.

— Ну, давай по порядку.

— Уже два раза рассказывал,— хрипловатым баском недовольно пробурчал Брошин.

— Ничего, и в пятый расскажешь. Начинай с того дня, когда с тренером познакомились.

— Ну что? Ну сидели мы с Мирзой, с Борькой Касимовым то есть, в Измайловском, на траве отдыхали. Мирза на гитаре играл. Идет мимо тренер Кость. Здорово-здорово. Тоска? Тоска. Выпьем? Выпьем.

— Подожди. Почему вы его тренером Костью зовете?

— На спортсмена похож или на тренера. Мы его еще играющим тренером звали. И одет-обут в «Адидас». А Кость, потому что он Костя, Константин.

— Раньше не встречались?

— В глаза не видали.

— Это когда было?

— В прошлом году, в сентябре.

— Сколько ему лет?

— А я знаю?

— Ну вот твоему отцу сколько?

— Сорок.

— А тренер старше или моложе?

— Ясно, моложе.

— Дальше.

— Он дает два червонца, говорит: возьмите пару водки и чего-нибудь зажевать. Ну мы пошли, он на траве остался. Там в винном тетка Зина водку всем отпускает. Взяли две бутылки, ну и посидели.

— А что «Тренер» про себя говорил?

— Жизнь не задалась. Играл в футбол в команде мастеров. Нарушал режим. Отчислили. Сейчас зато на хлебном деле, в торговле, а где — не уточнял.

— Дальше.

— А что дальше? Мирза ему свой телефон дал. Он зимой звонил, встречались, в шашлычную ходили.

— За что же он вас угощал?

— А просто так.

— Ничего не предлагал?

Брошин поглядел на зарешеченное окно.

— Вот предложил.

— Вспомни, Брошин, когда «Тренер» позвал тебя съездить в поезде,— сказал Басков.— Я протоколы допросов читал. Ты говоришь — не помню. Но это ж не в прошлом году было. Сегодня десятое апреля, вторник. Арестовали тебя ночью в пятницу, с пятницы на субботу. Неужели забыл, как тебя «Тренер» приглашал?

Брошин не представлял себе, какую важность имеет этот вопрос для сидевшего за столом напротив него дяденьки, чем-то похожего на его отца, только без пьяной ухмылки и чуть помоложе.

— Сегодня десятое? — не поверил Брошин.

— Нет, тридцать девятое.

Брошин счел усмешку обидной для себя. Он казался Баскову немного заторможенным, но тут ответил быстро:

— Пятого было.

Пятое апреля — четверг. Толя принес билет на поезд для Кузьмичева в среду.

— Это точно? — спросил Басков.

— Чего мне врать,— сказал Брошин.

— А ты этого, на кого нападали, раньше видел?

В первый раз за весь разговор Брошин проявил какой-то интерес к собственной судьбе.

— Не нападал я! Мы двери держали, чтобы кто в тамбур не зашел.

— Но знал ты его или нет?

— Откуда?! Его нам Кость показал. У поезда.

Если Брошин не врал, нападение на Кузьмичева этот «Тренер» готовил еще за день. И главное, у него был билет в то же купе. Но тогда что же получается?

Баскову представились очень явственно его недавние рассуждения о деле, и он должен был признаться себе, что его мысленный график никуда не годится. События связаны. Но как теперь отвечать на вопрос, от которого не уйдешь: зачем было Кузьмичеву задерживать Брошина, если он, Кузьмичев, сам замешан в убийстве на Профсоюзной? И почему «Тренер» хотел убить Кузьмичева? В том, что это была не попытка ограбления, а покушение на убийство, сомневаться не приходилось. И как объяснить связь двух событий, если «Тренер» знал Кузьмичева, а Кузьмичев «Тренера» не знал? Кто-то хотел свалить на Кузьмичева убийство Никитина? Но когда они приехали на вокзал, Никитин был еще жив. Значит, «Тренеру» было известно о том, что произойдет с Никитиным, еще в четверг, когда он предложил Брошину и Касимову совершить поездку?

Но что толку строить графики... Чем больше думаешь об этих связях и узлах, тем сильнее все запутывается...

Басков отправил Брошина в камеру и попросил привести Бориса Касимова — Мирзу, как звал его Брошин.

Этот семнадцатилетний парень внешне резко отличался от своего дружка — сухой, быстроглазый; прямой, смелый взгляд и непринужденная осанка. Скорее всего он был заводилой в этом содружестве начинающих собутыльников.

Историю знакомства с «Тренером» и их дальнейшие отношения Касимов изложил точно, как Брошин. Развитие событий в поезде — тоже. Он подтвердил, что «Тренер» предложил им поездку в четверг, 5 апреля.

Но между дружками имелось важное различие: Касимов сумел убежать вместе с «Тренером». О том, что произошло дальше, записано в протоколе допроса, однако Баскову нужно было услышать все от самого Касимова.

— Машина ждала вас в Туле? — спросил он.

— У автовокзала,— живо уточнил Касимов.

— Вы спрыгнули с поезда километров за десять до Тулы. На что надеялся «Тренер»?

— Побежали к шоссе, потом пошли на Москву. Кость сказал, он нас нагонит.

— Кто — он?

— Который на машине.

— Что говорил «Тренер»? Какие планы?

— Сказал — ша, долго не увидимся. Он мне позвонит, когда можно будет. И чтоб ни гугу.

— Вот что, Касимов: вы с Брошиным считали «Тренера» человеком денежным, он на вас не жалел. Зачем же ему грабить, рисковать? Он ведь в торговле работает.

— Это Тюфяк верит про торговлю, а я нет. Может, Кость всегда так деньги добывал.

— Кто такой Тюфяк?

— Брошин.

— Ну, хорошо, идете вы на Москву...

— Нагнал белый «Жигуль», Кость поднял руку, сели.

— Та самая машина?

— Да.

— Как выглядел водитель?

— Я сзади сидел... В машине темно... Чего увидишь?

— Машина какого цвета?

— Белая.

— О чем они говорили? — без надежды спросил Басков.

— А ни о чем. Тот спросил, почему к автовокзалу не пришли, а Кость говорит, спроси у петуха, почему он не несется.

— Тот, значит, не в курсе был?

— Вроде так.

— Ну, а потом?

— Потом я уснул. Кость меня разбудил на Добрынинской площади, еще метро не ходило. Сунул деньги, целый стольник червонцами, сказал — пока, как-нибудь свидимся. И высадил.

...Касимова увели. Басков отправился к Лосеву. Тот ждал его.

— Спасибо, Володя, побеседовал,— сказал Басков.— Слушай, этот пострадавший Кузьмичев когда от вас выехал?

— Утром. В травматологию возили, потом допрашивали. Всю ночь канителились. Я сам его и отправил. Могу уточнить.

— Не надо.— И, закурив, Басков добавил: — Этих мальцов надо к нам в Москву перевозить. Я завтра оформлю. На поезд меня устроишь?

— О чем речь!

— Еще вот что. Если проводников с того поезда разыскать, билетов уж у них, наверное, нет?

— Командированным они возвращают, остальные выбрасывают.

— Ну, конечно, наивный вопрос. Но все-таки не в службу, а в дружбу: разыщи проводников девятого вагона, вдруг у них билеты сохранились?

— Сделаем.

Поколебавшись, Басков сказал извиняющимся тоном:

— В протоколах записано: «Тренер» где-то между Подольском и Серпуховом сумку выбросил... Вдруг найдется? Хотя это из области фантастики...

— Попробуем.

В скором на Москву, в который посадил Баскова расторопный Лосев, имелся вагон-ресторан. В нем Басков и доехал.

Из того, что он услышал от Кузьмичева и от двух злополучных друзей, если все трое говорили правду, складывалась цельная картина происшествия в поезде.

7

Телеграмму от сестры о том, что у отца инсульт, Александр Кузьмичев получил утром в среду — она пришла на адрес Татьяны. Он тут же решил, что поедет в Харьков. Но ему нужно было на базу — посмотреть, как идет дело: его грузовик стоял на профилактике. Поэтому он позвонил Татьяне на работу, попросил купить билет на поезд, объяснив про отца. Это не было трудно: курортный сезон еще не наступил, да к тому же ходит специальный харьковский поезд № 19. Татьяна спросила, на какое число, и он, прикинув, что с оформлением отпуска за свой счет можно в один день и не уложиться, сказал: на пятницу. Вечером она принесла билет.

В четверг ему отпуск оформили.

В пятницу утром он отвез Татьяну на работу, они попрощались до тринадцатого апреля, так как вечером она шла в театр, а сам поехал в ГУМ — купить кое-что из вещей для сестры и двух младших братишек. В продовольственном магазине ГУМа он купил колбасы двух сортов, ветчины и несколько банок сгущенного кофе с молоком, который братишки очень любили.

Потом он заехал на базу, посмотрел, как идет ремонт, и отправился домой, на Профсоюзную. Поставил во дворе машину на обычное место, недалеко от мусорных баков, сходил за сумками, уложил покупки, запер машину и, вынув из почтового ящика газету «Советская Россия», поднялся в квартиру.

В прихожей возле трюмо лежали на полу, как охапка дров, связанные бечевкой обои.

В кухне на столе он увидел записку от Тани: «Положи обои на антресоли. Не забудь оставить свои ключи Марье Николаевне, а то еще потеряешь. Целую. Т.».

Было уже четыре часа. Он убрал обои, разогрел обед, плотно поел и упаковал чемодан, который получился порядочно тяжелым. Потом прилег на диван-кровать...

Проснулся в семь, умылся, надел плащ, взял чемодан, запер квартиру и отдал ключи Семеновым.

Ему повезло быстро поймать такси, на Курский вокзал он приехал даже с запасом. Он не обратил внимания, покуривая сигарету на перроне в ожидании, когда подадут состав, как мимо него прошел мужчина лет тридцати с сумкой на плечевом ремне в сопровождении двух парней и как все трое внимательно посмотрели на него.

И тем более не мог он услышать, о чем они говорили, отойдя подальше.

А разговор происходил такой.

— Видели лба? — сказал «Тренер».

— Так что? — сказал Тюфяк лениво.— Чемодан большой.

— У него и деньги большие.

— Откуда ты знаешь? — спросил Мирза.

— Не имеет значения. У вас коленки не дрожат?

— А чего, чемодан отбирать будем? — спросил Тюфяк.

— Думаю, деньги не в чемодане.

— А что мы должны делать? — осторожно поинтересовался Мирза.

Парни храбрились, но «Тренер» отлично, должно быть, видел, что все предстоящее не кажется им завлекательным.

— Посмотрим, как сложится, но у вас судьба — позавидовать можно. Действовать буду я, а вы — смотреть.

— Как это? — не поверил Тюфяк.

— Имей терпение.

«Тренер» достал из кармана два билета.

— Вот, возьмите. Поедете в одиннадцатом вагоне. Я буду в девятом. Ждите, приду, когда надо. Расходимся.

Тюфяк и Мирза побрели в один конец платформы, «Тренер» — в другой.

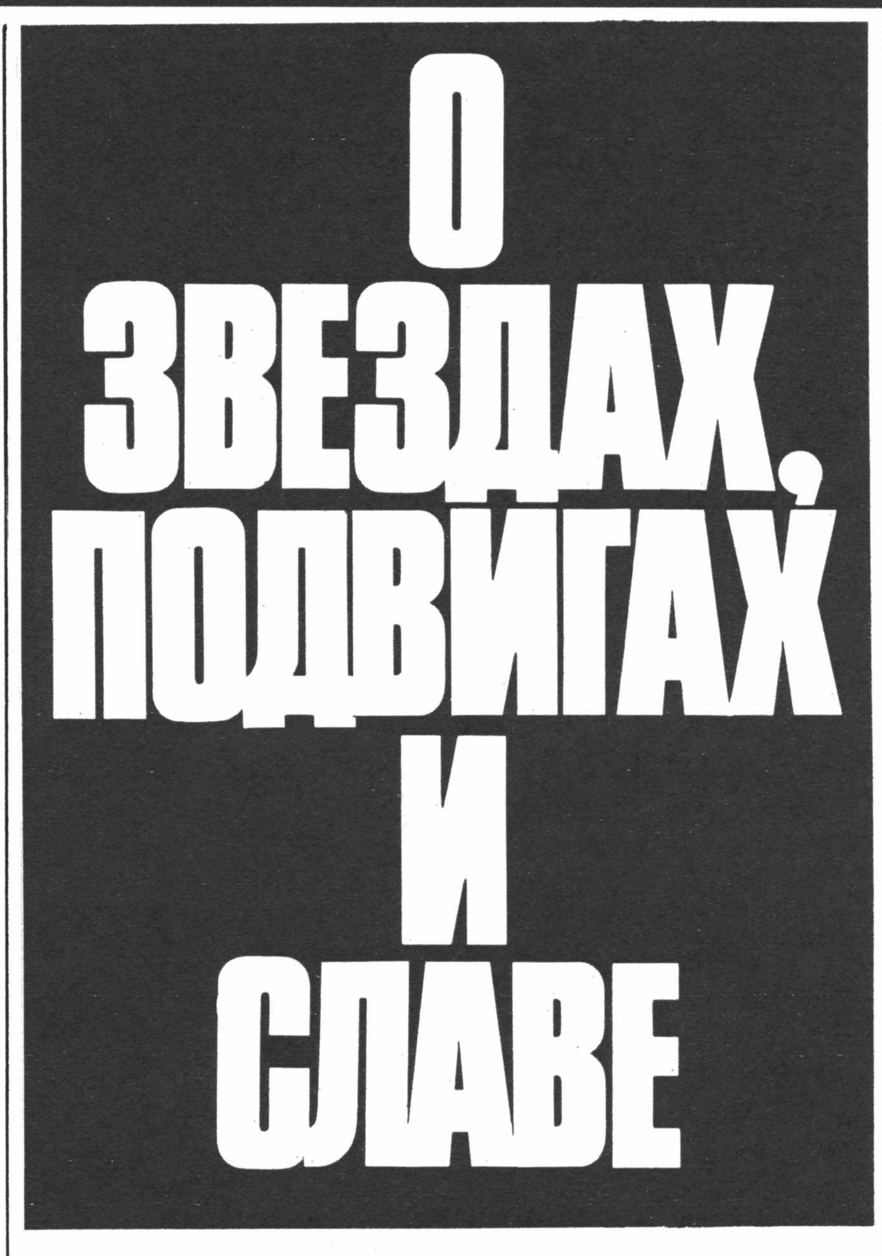
Подали состав. Кузьмичев не торопился войти в свой девятый вагон. Он пропустил всех, поговорил с проводницей, поинтересовался, какая погода в Харькове, а потом уж подал ей билет.

— Место пять, второе купе,— сказала она.

Продолжение следует.



МАНИПУЛИРОВАТЬ ЧИТАТЕЛЬСКИМИ ПИСЬМАМИ, ОТРАЖАЯ УГОДНОЕ РЕДАКЦИИ «ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ», К СОЖАЛЕНИЮ, ОЧЕНЬ ПРОСТО. ПРОЩЕ ПАРЕНОЙ РЕПЫ. ПРИХОДИТ, ПОЛОЖИМ, ДВЕСТИ ОТКЛИКОВ ПРОТИВ ОПУБЛИКОВАННОГО МАТЕРИАЛА И ПЯТЬ — ЗА, ТАК ВОТ, МОЖНО ВСЮ ЭТУ ПЯТЕРКУ ПЕЧАТАТЬ В ОЧЕРЕДНОМ НОМЕРЕ, ДОБАВИВ ДЛЯ «ОБЪЕКТИВНОСТИ» ОДНО ПИСЬМО ПРОТИВ. ПОДИ ПРОВЕРЬ СЕЙ «ГЛАС НАРОДА». А ПОЧЕМУ БЫ, СОБСТВЕННО ГОВОРЯ, НЕ ПРОВЕРИТЬ? ПРИШЛА, ПО-ВИДИМОМУ, ПОРА СОЗДАВАТЬ ПРИ КАЖДОМ УВАЖАЮЩЕМ СЕБЯ ПЕЧАТНОМ ОРГАНЕ ОБЩЕСТВЕННЫЕ ГРУППЫ (НА МАНЕР СЧЕТНЫХ КОМИССИЙ), ВОЗГЛАВЛЯЕМЫЕ ЧИТАТЕЛЯМИ И СОЦИОЛОГАМИ, КОТОРЫЕ МОГЛИ БЫ, ПРОАНАЛИЗИРОВАВ ПОЧТУ, ВИЗИРОВАТЬ ПУБЛИКУЕМЫЕ ОБЗОРЫ ПИСЕМ ПО СПОРНЫМ ВОПРОСАМ: «ПРОВЕРЕНО: ЛЖИ НЕТ!»



О звездах, подвигах и славе

Валерий АГРАНОВСКИЙ

Из предисловия вытекает, что подборку писем, поступивших на статью «О почестях и наградах» (№ 25), я готовил, рассчитывая всего лишь на доверие читателя к моей персоне. Всего поступило на момент, когда пишутся эти строки, 525 писем, 521 из которых в поддержку статьи и 4 против. Одно сердитое письмо профессора Ю. Шафера из Якутска уже напечатано в № 36 «Огонька», а с другого, написанного В. Свириненко из Днепропетровской области и отражающего остальные против, я, пожалуй, и начну:

«Этот, с позволения сказать, журналист Аграновский написал статью, прочитав которую люди будут считать, что ордена и медали на груди советского человека — фикция, фальшь, полученная по разнарядке. Гласность, конечно, есть гласность, но порочить наши ордена никому не позволено».

Итак, зачин сделан, и пришла пора обратиться к основной массе откликов, сделав одну оговорку: ни в статье, ни сейчас я не касаюсь орденов Отечественной войны, которыми были награждены ветераны в честь 40-летия Победы.

ЧИТАТЕЛЬ ПОДДЕРЖИВАЕТ

«Ваша публикация попала в самую больную точку огромного большинства. У нас в стране процветает буквально наградная стихия, форменный потоп наград, а если это соотнести с развалом или застоем во многих сферах нашей жизни, особенно духовной, впечатление получается очень горькое...» Письмо подписано так: семья А. Левченко, семья П. Репина, семья Л. Алексеева и семья Чистякова, г. Ленинград.

«Когда и почему произошло обесценение наград?» — задает вопрос В. Валяльщиков из города Лыткарино Московской области и сам отвечает:

«Этот период начался лет 15—20 назад, когда снизились требования к награждаемым. Именно тогда появились у нас, как я их называю, «герои места», то есть люди, должность и работа которых почти автоматически обеспечиваются званием Героя, когда оно спущено сверху вниз по разнарядке, когда нужна «липа» и приписки, чтобы оправдать выдачу званий. Падает уважение к таким почетным наградам, а самое страшное, что под сомнение попадают люди, честно заслужившие ордена. И вправду, как отличить орден, за который отдана часть жизни, от ордена, полученного из-за расположения начальства? «Липовые» награды еще долго будут оказывать разлагающее влияние на наше общество».

С. Якимкин из Старой Руссы вспоминает Ленина, «который был велик и скромен. Скромно было и окружение Ленина. Вождь никогда не принял бы незаслуженной награды — вот в чем корень!»

Б. Румянцев из Ленинграда пишет о Л. Брежневе:

«Автор статьи почему-то решил его «всуе не поминать», а напрасно! Не может быть успеха ни в каком деле, если им руководит нескромная личность. Говорят, Брежнев имел более 150 советских и иностранных орденов. За тот застой, который мы с таким трудом теперь перевариваем? Мне 82 года, я пенсионер, имею правительственные награды, причем первую, орден Красной Звезды, получил еще в 1938 году. Во время войны мне вручали другие награды, а после войны уже не «вручали», а «давали». Орден Трудового Красного Знамени «давал» уже не президент страны, а один из заместителей председателя Ленгорсовета».

О существующем порядке вручения наград, «который не только не способствует поощрению отличившихся,— цитирую письмо Ю. Иванова из Рязани,— но как-то опошляет и искажает положение», пишут многие читатели, и о том еще пишут, что вместо нормального термина НАГРАДИЛИ появился неприличный термин ДАЛИ, «как дают дефицит в магазине».

Из письма Г. Ратина из Москвы: «Если в 1942 году мне вручали орден в Кремле, то в последние годы два ордена Трудового Красного Знамени уже в Моссовете, а орден Ленина и орден Октябрьской Революции и вовсе в стенах Министерства путей сообщения. Вспоминаю, как в 1939 году я проколол винтом своего первого ордена единственную шелковую сорочку и пошел по городу с гордо поднятой головой. К сожалению, в наше время никакой разницы между орденоносцами и ненагражденными нет: никто не удивляется, что у тебя нет ни одного ордена, и никому не интересно, что у тебя два десятка орденов и медалей, кровью и потом заработанных».

По мнению Н. Ковригина из Пензы, «когда-то орден ценился выше автомашины, а нынче награждение орденами приняло характер эпидемии». «Все теряет в цене, если делается без меры. Боже,— в сердцах восклицает пенсионер П. Евсеев из Латвии,— где мы только не набезобразничали без гласности!»

Вот что пишет москвич А. Чухаров: «Вероятно, положение о Ленинских и Государственных премиях имеет такой широкий «вход», что через него идет постоянно растущий поток людей, а это приводит не только к разбазариванию больших денег, но еще используется лауреатами для получения других званий и наград».

Читатели, конечно, правы: у нас действительно принято так, что орден идет к ордену, звание к званию: пришла радость — открывай ворота! В щелочку, проделанную премией Ленинского комсомола, пролезает потом Государственная премия, а там, смотришь, и для Ленинской дорога становится шире, а от Ленинской до Героя Социалистического Труда и вовсе рукой подать. Получается так, что человек, притом действительно достойный, получает не только награду, но вместе с ней силу, необходимую для того, чтобы претендовать на новые ордена, которые, в свою очередь, еще более увеличивают его «проходимость» и «проверенность» для очередных наград.

ЧИТАТЕЛЬ ПРИВОДИТ ПРИМЕРЫ

«Выдвижение на награды происходит келейно, в узком кругу и секретно, а мы узнаем о награждениях из Указов и «потока приветствий», печатаемых в газетах недавних времен,— пишет К. Рудник из Владимира.— Редко когда есть полное удовлетворение: вот этому дали справедливо, он заслужил! Пример: на одном из Пленумов ЦК Генеральный секретарь публично и нелицеприятно критиковал областного руководителя, а через некоторое время мы вдруг читаем Указ о награждении его в связи с юбилеем орденом Трудового Красного Знамени. Может, его так наказали, а не наградили? Не критиковался бы на Пленуме, получил бы Героя или орден Ленина?»

Пишет Ю. Федоров из Харькова: «У нас был случай недавно, когда по разнарядке награждали военнослужащих, отличившихся в овладении новой техникой. Включили в список замполита части и дали ему медаль «За боевые заслуги». А какой «техникой» он овладел, позвольте спросить? Новой конструкцией шариковой ручки?..»

«За всю войну,— пишет ленинградец Г. Будкин,— я был награжден медалью «За победу над Германией». И, представьте, когда служить было несоизмеримо легче, еще награждаюсь: орденами Красной Звезды, Отечественной войны 2-й степени, медалью «За боевые заслуги» и еще восемью медалями, вплоть до «Ветерана труда». Что ж вы думаете? Мне всех дороже та первая награда, потому что она была вручена за дело и вовремя. А все остальные ордена и медали я, честно признаться, даже не знаю, за что мне дали».

Вот какой случай вспоминает М. Бронников из поселка Шира Красноярского края: «У меня есть награды, ношу их с гордостью, потому что мои ордена омыты кровью и получены в боях: так случилось, что я, лишившись ног, выручил родную дивизию. Но чем, к примеру, моя Красная Звезда отличается от звездочки октябренка, если не вызывает никакого уважения в глазах окружающих, если не дает мне решительно никаких льгот? Да ничем не отличается! И это обидно до слез. Мне так и сказал однажды соседский малыш: «Дядя, ты большой октябренок, а я пока маленький!» И у него, и у меня были на груди почти одинаковые «звездочки». Я улыбнулся...»

ЧИТАТЕЛЬ ПРЕДЛАГАЕТ

«Пока не будет решен вопрос о почестях и наградах,— пишет кандидат технических наук Л. Безрукий из Минска,— о социальной справедливости в широком смысле слова (я имею в виду оплату по труду, распределение квартир, искоренение протекционизма, успешную борьбу с бюрократией и стяжательством и так далее) говорить будет бессмысленно. Уж слишком много значат для людей ордена и звания, причем независимо от того, честно или бесчестно они получены! И еще: до каких пор будет существовать порочная практика, узаконивающая «награждабельные» и «ненаграждабель-

ные» должности? Я в принципе считаю, что следует воздерживаться от обильного награждения орденами руководителей высшего ранга, определяющих в огромной степени путь и судьбы страны: их положение само по себе выше всяких наград».

В. Колмаков из Свердловска: «Уж если мы решили наводить порядок в нашем большом доме, то следует начать с комнаты, в которой лежит в беспорядке наградное имущество. Лично для меня безусловно, что пора прекратить награждения людей в дни рождений и по общим знаменательным датам: конец пятилетки, годовщина Октября, майские праздники...»

Ленинградец В. Зверев: «Исходя из положений Конституции СССР и духа нашего времени, следует разработать и принять новые Основы наградного законодательства».

В. Еремин из Москвы:

«В статусе почти всех наград содержатся одни и те же общие фразы: «за самоотверженный труд» (где, спрашивается, критерий самоотверженности?), «за большие заслуги» (где граница между выдающимися, большими, средними и менее средними заслугами?). Эти обтекаемые формулировки и замутили чистоту правительственных наград».

«Не могу понять,— пишет Л. Безрукий, письмо которого я уже цитировал,— как можно быть дважды или трижды Героем? Потому что Герой — понятие нравственное, символ мужества, пример гражданской зрелости. Нельзя быть примером в квадрате или помноженным на самого себя».

Надо сказать, что «проблема Героев» взволновала многих читателей. Несколько с другой стороны подходит к этому же вопросу москвич В. Еремин:

«Считаю, что решение о присвоении высшей награды должно приниматься Президиумом Верховного Совета СССР с «подачи» Совета Героев Советского Союза и Героев Социалистического Труда, то есть после того, как Совет утвердит кандидатов на эти звания. Когда-то, между прочим, так и было в России; Георгиевская дума, специально созданная и состоящая из георгиевских кавалеров, фильтровала кандидатов на почетную награду. Известно, что Николай II, не имея военных заслуг, однажды претендовал на Георгиевский крест, так вот Дума перекрыла ему награду. Нам тоже следует перекрывать поток почетных званий, вручаемых в качестве подарков ко дню рождения или по случаю общих юбилеев».

Не могу не напомнить читателю легенду, связанную с именем Голицына, того самого, который основал в России производство шампанского «Новый свет». Жил Голицын, рассказывают, отшельником в Судаке, стало быть, в Крыму, в обыкновенном глинобитном доме, носил мохнатую шапку, кирзовые сапоги, армяк, подпоясанный простой веревкой, и никогда не выезжал из Судака. Зато вино его получало из года в год на всемирном конкурсе шампанских вин в Париже Гран-при. И вот однажды, говорят, приехали в Судак корреспонденты брать интервью после очередной победы его «Новосветского». Кто-то из журналистов спросил отшельника: «Скажите, в каких отношениях вы находитесь с царем?» На что Голицын будто бы ответил: «Слава богу, царю покуда не удалось унизить меня почестями и наградами». Каково сказано! Человек был занят делом, и дело определяло авторитет его и место в обществе.

Ветеран войны В. Шефтолович из г. Жданова пишет:

«Мне не дает покоя мысль, которую я осмелюсь высказать в наше подходящее для высказываний время: не является ли ошибкой существующее положение о памятниках дважды Героям? Что будет с памятниками лет через двадцать — тридцать? Кто будет знать тогда Героев, если мы уже сегодня многих из них не знаем? Как отвечать родителям на вопросы детей?» Читатель А. Луханин из Ростовской области более категоричен: «Надо отменить установку бюстов при жизни Героев, а то оставим страну без бронзы!»

«Предлагаю, набравшись храбрости,— пишет М. Абдулин из Новотроицка Оренбургской области,— начать по всей стране ревизию: кому и за что были выданы ордена и другие награды, а главное, звание Героя».

Примерно о том же пишет симферополец, кавалер многих орденов С. Махортов:

«Надо провести тщательную и всестороннюю перерегистрацию всех наград и подтверждающих их документов, причем в случае отсутствия таковых награды изымать. И вообще, я считаю, достаточно орденов Ленина, Октябрьской Революции, Красного Знамени, Красной Звезды, Славы трех степеней и медалей «За доблестный труд» и «За боевые заслуги». Остальные ордена и медали, кто их имеет, пусть, разумеется, носит, но больше их не выдавать, и они сами по себе постепенно упразднятся. Замечу попутно, что в 30-х годах народных артистов можно было пересчитать по пальцам, а сейчас их ЭВМ вряд ли подсчитает, и это действующих! Нынче почти все артисты завершают свою карьеру народными и с персональными пенсиями. Денег мне, скажу откровенно, не жаль, а вот само слово «народный» говорит о том, что таковыми их признал народ. Может, кому и везло, но лично меня никто и никогда об этом не спрашивал. А зря! Отдавать кому-либо почести от имени безмолвствующего народа неприлично».

Многие читатели считают, что (цитирую строки из одного письма) «только гласным всенародным обсуждением надо отбирать кандидатов на высокие звания и награды, а резон такой: уж если мы директоров выбираем всем миром, то награды и почести само собой!». А вот какой неожиданный поворот получает тема в письме С. Кузнецова, г. Свердловск: «Зачем награждают орденами актеров и композиторов? За свою прекрасную музыку и талантливо исполненные роли они получают всеобщую известность, почет и уважение публики. Разве этого мало? А слабых актеров и музыкантов тем более не за что награждать!»

Полагаю, здесь мне, как автору очерка, вызвавшего столь категорические отклики, следует обнажить и свою позицию по одной из самых сложных и болезненных проблем восстановления справедливости. Скажу так: навести порядок в будущем мы, предположим, сумеем, но читатели справедливо ставят вопрос: как быть с безобразиями, творимыми в прошлом? Оставить их необратимыми? У кого-нибудь повернется язык утверждать такое? Мы все отлично помним: чем безнравственнее выглядела награда в глазах общественного мнения, тем громче кричали о ней и награжденные, и принимающие решение о награде; чем конъюнктурней был повод, тем с большей помпой вручался орден. В этом даже прослеживалась некая закономерность. За всю историю страны мы знаем всего лишь несколько случаев гласного восстановления социальной справедливости, когда публиковались Указы о лишении наград людей, неправедно их получивших. Короче говоря, я на стороне тех читателей, которые требуют всенародного обсуждения вопроса об отобрании почетных званий и привилегий у тех же «хлопковых героев» в связи с обнаружением в их «геройстве» подлогов. Сколько голов тогда поостудится, сколько аппетитов поумерится, сколько локтей поубавят прыти в бесчестном добывании «райской жизни» под нашим общим солнцем. Но только заикнись сегодня об этом, какой поднимется шабаш, какое будет организовано сопротивление! «А вы кто такие, вы на себя посмотрите!» — как будто от того, какие мы с вами, читатель, и как на нас посмотреть, проблема хоть на миллиметр сдвинется влево или вправо. Круговую оборону займут не только сами «липовые» герои и орденоносцы с лауреатами, к ним примкнут еще те, кто не оставляет надежду и завтра куснуть побольше от огромного наградного пирога.

И все же начало оздоровительному процессу положено. Это заметно и по тому, что наши дни отмечены умеренным бесфанфарным спокойствием, мы обходимся без бравурных вручений наград по поводу и без повода, без «потока приветствий», занимающих целые газетные полосы. Это видно и по тому, что уже есть «первые ласточки»: не так давно Молдавия была публично лишена Красного Знамени Совета Министров СССР, которым опрометчиво наградили республику за успехи, достигнутые в сельском хозяйстве, да — надо же! — вскрылись приписки. Как вы полагаете, читатель, руководители Молдавии знали об истинном положении дел? Скажем так: если знали, какие они, простите за выражение, руководители? А если не знали — тем более! Просто действовал старый принцип: дают — бери, а бьют — уноси ноги, и мог ли кто-нибудь отказаться от орденов, красных знамен или обыкновенных денежных премий, если он не был членом бригады Потапова из знакомой вам пьесы А. Гельмана и действовал не на сцене, а в реальной жизни?

Но вернемся к откликам.

Из письма В. Солоухина, г. Ильичевск:

«Борьба с парадностью и пустословием должна касаться и «парадного» ношения наград. Политбюро ЦК, следуя благому примеру Генерального секретаря, явно идет в авангарде этой борьбы: никто не надевает во время деловых заседаний орденов, в том числе Золотых Звезд. А почему этот благородный порыв не расширить на весь советский народ?»

«Подумать бы про все эти звания, награды и ордена, помня о том, что Владимир Ильич Ленин позволял себе на Октябрьские торжества всего-то навсего один красный бант в петлицу пиджака!» — решительно предлагает М. Абдулин.

Давайте вместе подумаем: награда — это, по сути дела, всего лишь производное от социально-экономических отношений, господствующих в обществе. Так? Если торжествует грубое администрирование в виде понукания и приказа, альтернативой ему может быть только «пряник» — награда. Но если наше общество в результате решительной перестройки откажется от административной системы, или, как ее называют иные наши экономисты и социологи, «приказного социализма», и перейдет к «социализму хозрасчетному», кому тогда понадобится кнут, а вместе с ним и пряник? Я, признаться, как и многие читатели, уже сегодня не понимаю, зачем и за что награждают, положим, творческих работников. Ведь писатель пишет не потому, что это его обязанность или долг или ему приказывают,— это его потребность, если он настоящий писатель. Давать орден за стихи равносильно тому, чтобы награждать человека за то, что он дышит, в то время как сама жизнь — награда. Вспомните М. Горького: «Знайте, быть писателем в наши дни — великое счастье, ибо — Вас будет читать народ!» Народ пел В. Высоцкого и будет петь, независимо от того, наградят его после смерти или нет, поэт был любим народом, «ненавидел почестей иглу» и был счастлив тем, что жил, творя. Что в принципе могут добавить к этой благодати ордена и звания? Таланта они не увеличат и не уменьшат. А про вдохновение я скажу так: вы можете представить себе прозаика, написавшего на орден повесть, а затем вдохновенно кидающегося к письменному столу, чтобы «делать» роман на звание Героя Социалистического Труда?

Служенье муз не терпит суеты! Как можно забывать эту великую заповедь?..

Разве иного смысла и значения у орденов и званий не бывает или они не нужны? Так спрашивается: за что давать людям награды? За что их отбирать? И, главное, как ими пользоваться? Не для супов же в самом деле вешают на шеи победителям лавровые венки!

Все это не простые вопросы...

ЧИТАТЕЛЬ СОМНЕВАЕТСЯ В ДЕЙСТВЕННОСТИ

«Ваш журнал без обиняков сказал о том, чего другие печатные органы касались лишь слегка,— пишет Е. Купчик из Томска.— Но теперь встает важный вопрос: способна ли статья и наши читательские отклики-мнения повлиять на общее состояние дел? Хотелось бы надеяться, но есть серьезные сомнения...»

«Пусть ваш очерк найдет конечную ЦЕЛЬ! — требует бывший пилот пикирующего бомбардировщика «Пе-2» А. Киселев из Новосибирска.— Пусть соответствующие организации разберутся в наиважнейшем вопросе о почестях и наградах, ведь дальше мириться с таким положением дел нельзя! Скажите по совести: вы сами-то верите, что будет принято правильное решение?»

Г. Эндзелин из Риги:

«Народ с горечью вспоминает период безудержных перенаграждений, который я называю периодом «звездной болезни», заразившей все наше общество. Неужели все эти безобразия не будут прекращены, неужели революционная рука перестройки не коснется этой области?»

Вы разделяете это мнение, читатель?

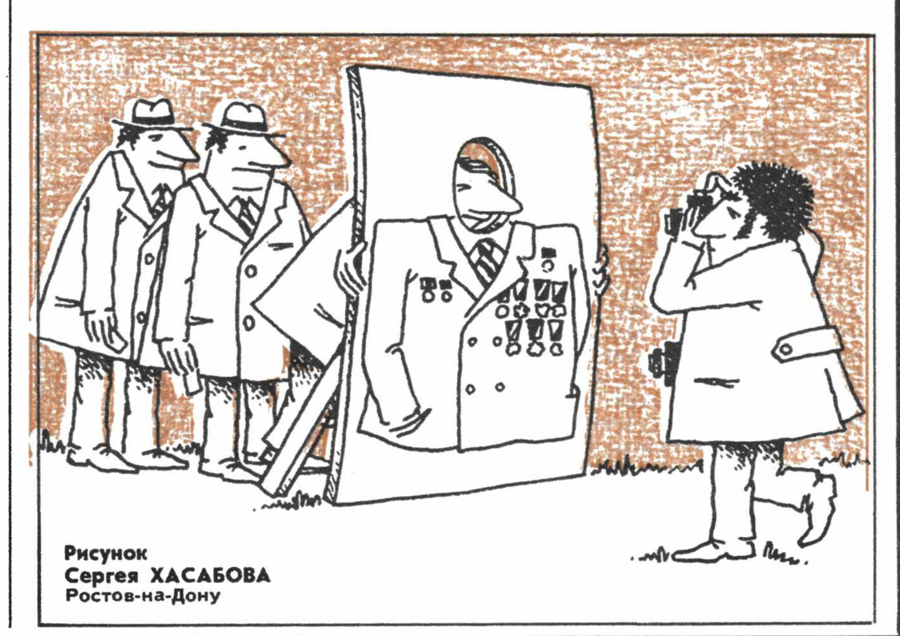


Рисунок
Сергея ХАСАБОВА
Ростов-на-Дону

ПОСЛЕДНЯЯ ВСТРЕЧА

Елена КАРАСЕВА



МЫ БЫЛИ ЗНАКОМЫ СОВСЕМ МАЛО. Я ПРОВЕЛА ПОЛТОРА ЧАСА В ЕГО ДОМЕ ПОД ПАРИЖЕМ... И ВОТ УЗНАЛА: ЛИНО ВЕНТУРЫ БОЛЬШЕ НЕТ, СЕРДЕЧНЫЙ ПРИСТУП ОБОРВАЛ ЖИЗНЬ ВЫДАЮЩЕГОСЯ АКТЕРА. НА ПАМЯТЬ ПРИШЛО СДЕЛАННОЕ ИМ ВО ВРЕМЯ НАШЕГО РАЗГОВОРА ПРИЗНАНИЕ. Я СПРАШИВАЛА, НЕ ДЕМОРАЛИЗУЕТ ЛИ ЕГО ЗАТЯНУВШИЙСЯ ПРОСТОЙ В РАБОТЕ, ВЫЗВАННЫЙ, КАК ОН САМ ОБЪЯСНЯЛ, ОТСУТСТВИЕМ ИНТЕРЕСНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ И НЕЖЕЛАНИЕМ ПРИНИМАТЬ НЕИНТЕРЕСНЫЕ. ОН ГОРЬКО УСМЕХНУЛСЯ И ПРОИЗНЕС: «НУ, ЭТОГО СЛИШКОМ МАЛО, ЧТОБЫ МЕНЯ ДЕМОРАЛИЗОВАТЬ. НО ЕСТЬ ДРУГОЕ, ЧТО ДЕЙСТВИТЕЛЬНО ПОДКАШИВАЕТ: ПРЕДАТЕЛЬСТВО, ЖЕСТОКОСТЬ, РАВНОДУШИЕ... НЕ ТЕРПЛЮ... ВЗРЫВАЮСЬ». МОЖЕТ, ЕСЛИ БЫ НЕ ВЗРЫВАЛСЯ, ПРОЖИЛ ЕЩЕ ДОЛГО. НО ТОЛЬКО ТОГДА ЭТО БЫЛ БЫ УЖЕ НЕ ЛИНО ВЕНТУРА, А КТО-ТО ДРУГОЙ. А ОН ИНАЧЕ НЕ УМЕЛ. СПОРТСМЕН, ПО ВОЛЕ СЛУЧАЯ В 34 ГОДА НАЧАВШИЙ КИНОКАРЬЕРУ КАСКАДОМ РОЛЕЙ МОШЕННИКОВ И ВОРОВ В НЕЗАТЕЙЛИВЫХ ГАНГСТЕРСКИХ БОЕВИКАХ, А ДЕСЯТЬ ЛЕТ СПУСТЯ ВЛАСТНО ПОВЕРНУВШИЙ ЕЕ В СТОРОНУ СОВСЕМ ИНОГО, АВТОРСКОГО КИНЕМАТОГРАФА, СОВСЕМ ИНЫХ ПЕРСОНАЖЕЙ... ДОБРОДУШНО ПОИГРЫВАЛ НА ЭКРАНЕ МУСКУЛИСТЫМИ ПЛЕЧАМИ, А ПОТОМ ЗАИГРАЛ ВДРУГ ТАК, ЧТО СТРОГИЙ ЗРИТЕЛЬ, РАНЕЕ ОБХОДИВШИЙ ЕГО ФИЛЬМЫ СТОРОНОЙ, ХЛЫНУЛ НА НИХ. «МОЛЧАЛЬНИК» — ТАК НАЗЫВАЛСЯ ОДИН ИЗ ЕГО ФИЛЬМОВ. ЕГО САМОГО ТОЖЕ ЧАСТО ТАК НАЗЫВАЛИ. НО ВО ВРЕМЯ НАШЕЙ ВСТРЕЧИ ЛИНО ВЕНТУРА ГОВОРИЛ. И ДАЖЕ МНОГО. СЛОВА, ПРАВДА, НЕ ТЕКЛИ РЕКОЙ, А СКОРЕЕ ПАДАЛИ ТЯЖЕЛЫМИ КАПЛЯМИ, И НАДО БЫЛО ИХ ТЕРПЕЛИВО ПОДЖИДАТЬ, НЕ ПЕРЕБИВАЯ. ЗАТО ОНИ БЫЛИ ОСНОВАТЕЛЬНЫ И ПРОЧНЫ. КАК И ОН САМ — МОЙ СУРОВО-ПРИВЕТЛИВЫЙ СОБЕСЕДНИК.

— На фоне всеобщего ажиотажа в киномире, когда вокруг каждой «звезды» задействовано столько активного и очень делового народа, когда сами «звезды» рвутся в рекламный бой — на телеэкран, на страницы газет,— позиция актера-отшельника не создает вам трудностей? Я привыкла к тому, что если хочешь получить интервью у «кинозвезды», надо обратиться к ее агенту — доверенному лицу. И удивилась, когда мне в центре кинематографии ответили: «У Вентуры нет агента. Связывайтесь непосредственно с ним самим».

— Нет ни агентов, ни импресарио, ни секретарей — никаких посредников между мной и остальным миром. Все свои дела и обязанности беру на себя. Не могу допустить, чтобы кто-то говорил, решал, действовал от моего имени.

Да, я одиночка, медведь, как иногда пишут, да, я не веду светской жизни, остаюсь верен старым дружбам и редко завожу новые, да и живу замкнуто, в кругу семьи. Но по какому праву мне это ставят в упрек? По-моему, я вышел из возраста, когда надо прыгать через веревочку по чьему-то указанию. Я прыгаю, только когда хочу... «Звездой» никогда, ни на секунду себя не ощущаю, не знаю, что это такое. До сих пор толком не знаю, что значу для публики, хотя вот это хотел бы знать. Зато хорошо отдаю себе отчет в том, кем являюсь для продюсеров: надежной лошадкой, на которую можно спокойно ставить, не боясь проиграть. Классическая борьба, которой я занимался в молодости, — особый, беспощадный спорт. Там нет никаких оправданий поражению: ни сломавшейся ракетки, ни встречного ветра, ни скользкой травы на поле. Если противник уложил тебя на обе лопатки, значит, он сильнее. Надо смиренно признать это и занять свое место.

Смиренность, понимание, что все относительно, что завтра ты можешь потерять то, что имел сегодня, и оказаться прижатым к земле, на обеих лопатках,— вот чувство, которого сегодня не хватает людям, чтобы оценивать ситуации, себя, свои жесты. А если это чувство у человека есть, если он не безумец, ну как, скажите, он может ощущать себя «звездой»?!

— Так как же все-таки это произошло: сын итальянских эмигрантов, перепробовавший с десяток случайных занятий, от грузчика в чреве Парижа до разносчика газет и коммивояжера, обожавший драку и ставший спортсменом — борцом высокого класса, вдруг в зрелом возрасте, когда уже была семья и дети, оказался на съемочной площадке? И не на какой-нибудь: съемками первого фильма, «Не тронь добычу», руководил знаменитый Жак Беккер, а главным исполнителем был... Жан Габен!

— Как произошло? Я и сам до сих пор не понимаю и не перестаю удивляться... К тому времени из-за травмы я бросил выступать в соревнованиях и занимался только организацией профессиональных матчей кэтчеров. Однажды приятель-киношник привел Беккера в зал «Ваграм», где шел матч, и, ткнув в меня пальцем, сказал ему: «Вот кто тебе нужен на роль итальянца-мафиози». И тот почему-то сразу согласился. Я ответил: «Нет». Но он не отступал, приходил еще и еще. И я в конце концов сдался...

— После «Добычи» вы снялись с Габеном еще в четырех фильмах подряд. Вас стали настойчиво сравнивать с ним, называть его двойником, наследником. Это помогало или мешало?

— На первых порах льстило. Он сильно влиял на меня, я внутренне перед ним рабски преклонялся и, конечно, невольно подражал. Это был период, когда Габен сделал для себя новый выбор — так называемый черный гангстерский жанр. И играть стал тоже по-новому: только самого себя, ни на миллиметр в сторону. Гениально, но монотонно. В нашем дуэте мне отводилось место врага или сообщника Габена, который непременно был слабее, глупее, посредственнее его и таким образом выгодно оттенял его собственное величие. Так мы и играли: он себя, а я, вторя ему, себя, то есть его бледное отражение. Утес против небольшой скалы... Потом 12 лет мы не встречались перед камерой. Сошлись вновь, уже на равных, в ленте Анри Вернея «Клан сицилийцев». Ирония судьбы: он теперь стал итальянским мафиози, а я — французским полицейским! Тогда вот я понял, сколько воды утекло со времени моего дебюта, как я изменился.

— Вы хотите сказать, что сумели избавиться от ярлыка, уйти от зависимости к самостоятельности?

— Скорее уйти от любования собой к потребности постичь роль, создать образ... Избавиться от ярлыков оказалось труднее. В 1958 году я сыграл в фильме "Горилла" приветствует вас». Это было что-то вроде французского «Джеймса Бонда», только без изощренности Флеминга и без элегантности Шона Коннери. Примитивный увалень, смесь секретного агента и наемного убийцы, с помощью кулаков-гирь выполняет спецзадания своих могущественных патронов... Пять, десять лет спустя я не мог выйти на улицу, чтобы кто-нибудь не крикнул: «Здорово, горилла!» На киностудиях раздавалось то же приветствие. В своем почтовом ящике я каждое утро находил сценарий, перепевающий на новый лад сюжет «Гориллы». Газеты рассказы-

вали о том, что я не могу открыть шкаф без того, чтобы его дверца не оказалась сорванной с петель. Продюсеры приятно поражались, когда я под контрактом ставил не крестик, а членораздельную подпись. И все поголовно почему-то считали, что «Горилл» снята целая серия! Я тогда не выдержал и, нарушив правило не выступать в прессе, публично обратился к зрителям с нелепыми оправданиями: так-то и так, я тихий отец семейства, не буяню, в свободное время слушаю Моцарта и Вивальди, хожу в синематеку на Бастера Китона... Нет худа без добра: «гориллопсихоз» стряхнул с меня дрему, я изменил свое отношение к выбору фильмов, стал искать спасения в других жанрах.

— В том числе и в жанре пародии, в фильмах, тонко и точно высмеивающих ваших давешних героев.

— О, это был настоящий реванш! Я с упоением пародировал самого себя. Но часть публики, привыкшая всегда принимать меня всерьез, была разочарована: в чем дело, Вентура играет комедию? И даже дулась. Люди вообще не любят, когда их заставляют пересматривать стереотипы, видеть человека в новом ракурсе. Раз тебе уготовано вот это амплуа, раз мы тебя в нем признали и утвердили, сиди и не двигайся...

— Какие персонажи больше всего привлекали вас в зрелую пору — я имею в виду пору, когда вы, по вашему собственному выражению, перестали «одалживать свою внешность»?

— Люди, которым выпадает трудная миссия в борьбе со злом, которые знают, что она смертельно опасна, но сознательно идут на ее выполнение, понимая, что другим она не под силу. Цельные, сдержанные люди, которые из соображений гордости и чести скрывают от других свои слабости, свой страх, свою нежность. Люди, которым мне хочется пожать руку.

— Когда я звонила вам домой, в ваше отсутствие мне отвечал ваш голос, записанный на пленку автоматаответчика: «По всем вопросам, касающимся ассоциации «Подснежник», просьба, пока я в отъезде, обращаться по такому-то телефону к такому-то человеку». «Подснежник» — это что такое?

— Фонд помощи детям-инвалидам, который я создал 25 лет назад. Из-за тяжелых обстоятельств личной жизни я тогда столкнулся с проблемой медицинского и прочего ухода за тяжелобольными, в том числе парализованными детьми. И увидел, в каком ужасном состоянии содержатся больницы, школы-интернаты для них. В стране почти ничего не делалось для того, чтобы эти девочки и мальчики, и без того жестоко обиженные судьбой, росли в условиях, не унижающих их достоинства, не усугубляющих горе родителей. Общество делало вид, что этих человечков нет: закрывало глаза и затыкало уши... С тех пор многое изменилось: создался ряд благотворительных фондов, подобных моему, сильное общественное движение заставило официальные власти действовать.

— Эти заботы берут много времени?

— Они съедают мою жизнь. Съедают. Вот, посмотрите, какая сегодня пришла почта по «Подснежнику». Надо отвечать на все письма, надо тормошить равнодушных, контролировать недобросовестных. Ведь мало просто дать свои деньги, допустим, на строительство интерната. Необходимо бдительно следить за тем, кто и как ими распоряжается, что и как строит... Труд большой, и конца-края ему не видно. Но по крайней мере его результаты вселяют надежду, что жизнь живу не напрасно...



Я старше тебя на мечту

Николай ЗИНОВЬЕВ



Николай Зиновьев, 1945 г. рождения. Первая публикация в 1961 году в журнале «Новый мир». Автор сборников — «Столкновение», «Вовремя», «Трава на орбите», «Бродячее дерево» и др. В издательстве «Советский писатель» готовится книга стихов «Портрет ветра».

ЛИСТЬЯ ЛЕТНЕГО САДА

Стрелка секундная мчится, шалея,
по циферблату...
Не по годам мы с тобою стареем,
а по утрам.
Наши сомненья рассудятся жизнью,
да непредвзято.
Я тебя старше на тысячи листьев
Летнего сада.
Скольких друзей моих канули лица
в вечном борении!
Стала утрата давно единицей
измерения времени.
Разницу лет нашу ты уменьшаешь,
ангел небесный.
Рядом по краю идешь и не знаешь —
это край бездны...
Думаешь, там на старинных аллеях
статуй прохлада?
Это утраты наши белеют
в сумерках сада.
В огненном горе листьев опавших, переселенных,
я потерял тебя там, как единственный лист мой
зеленый!
И не спастись от костра от того,
от осеннего гула.
Просто я старше тебя на мечту,
что меня обманула.

Памяти рядового Николая Демина, погибшего при исполнении интернационального долга.

АФГАНСКИЙ ВЕТЕР

Не в сорок первом под Калугой,
где холм высок,
в восьмидесятом под Кабулом —
ничком в песок.

Воронка... И еще воронка...
Сквозь лет разлом —
зачем стучишься, похоронка,
в панельный дом?

Не плачьте, мама, сын ваш Коля,
как все сыны,
был застрахован лишь от боли
былой войны.

Афганский ветер быстротечный,
как взрыв, горяч.
Вновь за звездой пятиконечной
следит басмач.

Не в сорок первом под Калугой,
не в тот виток,
Земля споткнулась под Кабулом,
взмыв из-под ног...

И вдалеке,
уже в паренье,
как нимб над ней,
туман — тяжелым испареньем
слез матерей...

О если бы в тревоге громкой
сквозь лет разлом
не билась больше похоронка
в панельный дом!

ПЕРЕСЕЧЕМСЯ

«Пересечемся
как-нибудь!»
Твой крик раздался.

«Пока!»
И раздвоился путь.
Наш крест распался...

Да что же это за напасть!
Разгадка в чем вся?
Встреч та поверхностная вязь.
Пересечемся.

В метро, в троллейбусе —
народ.
Из утра в день,
из года в год —
не обернемся.
Как будто знаем наперед,
жизнь обязательно столкнет...
Пересечемся.

«Привет!»
«Пока!»
«Да ты постой,
твой биопуть
прошел
сквозь
мой...
Вдруг никогда уже с тобой
мы не столкнемся?!»

Но есть безумный постулат:
две параллельные свистят
и вдруг коснутся на глазах
у солнца!

Пересечение судеб.
Грызем дорог мы звездный хлеб.
Не отречемся.
Живем вприглядку, вперехлест.
...С погостом встретится погост.
Пересечемся.

Но средь невидимых друзей,
там, в невесомости путей,
под звездным взглядом —
обломок линии моей
с обломком линии твоей
пройдет лишь рядом...

ЦВЕТЫ, ЗАВЕРНУТЫЕ В «ВЕЧЕРКУ»

В стихи мои как-то цветы завернули,
в стихи из газеты вчерашней.
В метро как чужие они промелькнули...
Пускай не прочли их. Не страшно.

Пускай в этот час даже кану я в Лету
(такая уж выпадет проза),
мой голос, останься в шуршанье газеты,
цветы защити от мороза...

* * *

Памяти Владимира Шленского.

Девочка плачет у гроба отца,
дочка поэта, не боле.
Мокрым осколком родного лица
лик ее светится в боли.

Восемь годков, превратившись в комок,
просят, бессильно уткнувшись в венок,
чтобы отец им ответил.
Но не откликнется на голосок
крепом молчанья оборванный срок.
Так уже было на свете.

Чистая тишь. Только голос навзрыд.
Замерли грязь и интриги.
В душах стоит очистительный стыд,
в душах — вселенские сдвиги...
Девочка плачет,
страничкой дрожит
из неоконченной книги.
Только все это на десять минут.
Ну, на пятнадцать от силы.
И поползут, поползут, поползут
хлад разобщенья и зависти зуд,—
каждый на дачу свою, в институт,
в свой однотомник красивый...
Всех бы вас, братья, на пушкинский суд
перед глазами России!
Рядом с повязкой поэзии враг,
анти-Твардовский и не-Пастернак —
вроде сейчас безобиден.
А под цветами, где холод и мрак,
хрупкого сердца
разжатый кулак
взгляду тому
не виден...

СВЕТОФОР ПОПРАВЛЯЮТ

Опасенья напрасны...
Бросьте уличный спор!
Да, зациклил на красном.
Да, устал светофор.

Ждут такси, и трамваи,
и транзит пропыленный.
Светофор поправляют.
Обещают зеленый.

Видно, спрашивать не с
кого.
Но в жестокий наш век
на углу Тухачевского
слишком ал белый снег...

Где толпа молодая —
тени лет оскорбленных...
Светофор исправляют.
Очищают зеленый.

Глаз кроваво налился.
Но он не запрещает.
Это стыд наш включился,
это правда пылает...

В ГОСТЯХ У ДЯДИ КОЛИ И ТЕТИ ДУСИ

Анатолий ПРИСТАВКИН







Рисунки Петра ПИНКИСЕВИЧА

Дневная электричка обычно свободна, не забита народом. Да я и выбрал такое ненапряженное время середины рабочего дня, когда без толкотни, без помех можно доехать, скажем, до Раменского, свободно вытянув ноги и глядя в окно, все видя и ничего отдельно не замечая, кроме разве какого-то лоскутка мелькнувшего пейзажа с высокой насыпью, где по яркой зелени белыми камешками аккуратно выложены слова «Миру мир!», а возле них пасется равнодушная коза и двое мужичков в робах расположились как у себя на даче: перед ними бутылка, стаканы, огурчики, а они полулежат, поглядывают на проходящие внизу поезда и пьют свою бормотуху у всех на виду, отчего-то исключительно для этого выбирая напоказ такие высокие травяные насыпи.

Закопанный по горло во всякие дела, как гово-

рят у нас, текущие, но они впрямь текущие, то есть утекающие, что ни день, как речка в пустыне, бесследно, в песок, я давненько не был на Рязанке, не ездил никуда по ней. А прежде, когда я жил по этой дороге, но не как дачник, а как человек пригорода, предместья с областной пропиской, именно Рязанка во многом определяла мою жизнь.

Три с половиной часа я тратил на поездку от Ухтомки до работы на станции Отдых и обратно. Как ни странно звучит, но я работал именно в Отдыхе! Часа три выходило у меня и до места учебы, это рядом с Отдыхом — Кратово. Сперва в техникуме, потом в институте. Еще по этой дороге я мотал по разным делам и за продуктами в Москву, навещал родню, разбросанную от Вешняков до Томилина, ездил в кино, к приятелям в гости, за грибами и на свидания тоже ездил: все мои девушки жили почему-то очень далеко, за сорок вторым километром. А еще я посещал литературное объединение на Фабричной. Это еще дальше, чем моя работа. Занимался в Кратове в драмкружке...

Да, господи, мало ли зачем было ездить! Она тут главная, эта дорога, и все рыночки, палатки, разные торговые точки, забегаловки и прочее, и прочее вместе с поселочками и городками нанизаны на эту дорогу, как у старьевщика тряпье на железный штырь!

Это сейчас, подобно разогнувшейся пружине, в живое мясо пригорода воткнулась двумя концами линия метро. И автобусы, и трамваи, и маршрутки ходят. Да и пригород медленно, но верно перешел в категорию города, на радость его жителям, то-то счастливцы, будут снабжаться по другой, более сытной категории, отличной от остальной России.

А прежде, сколько я себя помнил, только одна Рязанка и была. Но какая! Я даже не могу представить, как мы жили бы без нее.

Подобием несущейся в белом метельном облаке электрички, железной, гремящей на всю вселенную и особенно слышной по ночам, просквозила чугунными колесами эта дорога через мое детство, через юность... Через всю мою жизнь.

У каждого человека есть такой географический образ детства, выражающий что-то существенное в нем: озерко ли с леском, деревянный городишко с крестами, приморье, горы или, скажем, квартал Арбата... «Ах, Арбат, мой Арбат, ты моя религия...» И так далее, словом, живой слепок с натуры, которая, возможно, и не существует уже, но которая существует в нас и благодаря которой, возможно, еще существуем мы. Очищающая, осмысляющая полуреальность на весь остаток жизни.

И ничем, право, не хуже иного отрезок дороги — железка, как прежде емко звали: узкая полоса в два ряда (но потом и в четыре) серебристых рельсов, в ровных гребешках шпал, пахнущих мазутом, вечно замусоренная бумагой, банками-склянками и всенепременным вдоль насыпи бурьяном, седым от пепла и угля.

Но это еще стылые, продуваемые ветром платформы, прежде деревянные, а теперь бетонные: как бы мы, беспризорные, в войну под ними жили!

Под деревянными-то и жилось, и спалось, и спасалось от милиции совсем неплохо.

И свалки еще, и склады, и вагоны на путях, где кто-то живет, и пригородные домики, на задах которых уже не картошка, а прорастают белые зубы близняшек-домов.

Москва ими исподволь, но неотвратимо пережевывает и заглатывает малоэтажный пригород, как проглотила еще раньше и мои родные Люберцы.

Но он еще существует, этот странный полуобластной и полугородской мир, сливаясь на первых километрах в сплошную каменную вязь; в сторону от столицы — чем далее, тем свободнее — уже свалочки с лопухами, и просветы между гаражей и труб, и огородики, вскопанные впритык к насыпи на ничейной, на железнодорожной земле (такой и у нас с отцом был); а затем уже полянки и перелесочки, пусть разреженные, истоптанные, сплошь в электромачтах, но благодаря этим мачтам и сохранившиеся; а потом и вовсе простор: небо видать, и поймочка реки блеснет, и старухи появятся с букетом цветов и пучком редиски у входа с платформы.

И может вдруг померещиться, как отсвет чего-то дальнего, беспамятного, золотого в отдалении, на бугорке, деревня с колоколенкой, хоть всем понятно, что никаких деревенек уже не осталось в этом крае, отутюженном тяжелой гусеницей индустрии. Но пусть хоть какие, пусть вырождающиеся, выродившиеся, вымороченные, на себя самих не похожие, замордованные еще с тридцатых годов, но где-то внутри себя еще чуть-чуть живые, и то лишь потому, что в этом гигантском размахе, бардаке и бесхозности их как-то упустили, недосмотрели, недограбили, недобили этаких сук-подкулачников, гадов и мироедов, и тем они, деревеньки, живы не только для мимолетной из окна радости, но и для чего-то большего в нашей выхолощенной жизни.

Да что деревни, сама дорога эта странная, удивляющая всех своим левосторонним, единственным на всю Россию движением. А мы так с детства привыкли, что движемся против течения, если посмотреть от других дорог, но поскольку ездим мы, как родились, по своей и глядим на другие дороги, сравнивая с нашей, то все они кажутся нам непривычными, наоборотными, неестественными вроде для нормальной езды. Как бы показались они, скажем, англичанам.

Но это лишь говорит об относительности всего в нашем мире. Левая ли, правая сторона, и сколько нам ехать — два часа, а может, всю жизнь: не будем считать. Как не считает своих расстояний и своего времени едущий с нами пьяненький уже бесконечно счастливый дядька с картошкой в сеточке.

Я скользнул взглядом по надписи, что мелькнула в окне: «Плющево» — и тут же забыл про нее. Этой остановке как-то не случилось быть в моей жизни, она была проезжей остановкой, она меня не останавливала, бесцветная, ничем не запоминательная, с окраинным окологородским пейзажиком: столица сюда только тогда подбиралась.

В памяти остался дом, который тут, неподалеку за линией, возводили. Огромный, многоэтажный, он рос как по нашему железнодорожному расписанию от электрички к электричке, и, проезжая, я все считал в нем этажи, не переставая удивляться, что кто-то согласится в нем жить.

В ту пору я, типичный житель Подмосковья, очень подозрительно относился к самому городу: к его лифтам, улицам с потоками машин, квартирным соседям.

Разумеется, я наслышался о всяких очередях в коммунальный туалет, о чернилах, которые выливают соседям на кухне в щи, о балконах, которые сваливаются людям на головы.

Это было предубеждение подростка, знавшего лишь деревянный дом, колонку за палисадником и дощатый туалет в уголке сада, за малиной. Холодно зимой, но свой, без очереди.

Впрочем, в памяти засел один довоенный эпизод, как мы всей семьей ездили к папиному дружку, который получил комнату в Москве. Этот дружок, дядя Коля, был один из первых стахановцев в той же бригаде, где работал отец, на большом военном заводе.

...Мы долго тащимся трамваем, и я, заглядывая в окошко, все слежу, чтобы он не сошел с рельсов, особенно когда, пронзительно визжа, закругляет на поворотах. Рельсы у него плосковатые, с ложбинками, кажутся еще ниже мостовой, и мне становится страшно.

Но мы доезжаем и с непривычки долго топчемся в подъезде, не зная, как вызвать кабину с лифтом: жмем на кнопку, но бесполезно. Родители из-за этого громко ссорятся. Выходит женщина и поясняет, что лифт еще не работает, а нужно зайти в другой подъезд, там подняться на какой-то этаж, а потом по переходу выйти на эту площадку и спуститься в квартиру.

Мы поднимаемся на лифте, и мама испуганно держит меня за плечи, все время ожидая, что лифт вот-вот оборвется. К всеобщему удивлению, лифт не обрывается, а поднимает нас на точно назначенный этаж.

Потом мы пробираемся по балкону, на котором от высоты захватывает дух. «Трусишка! Не смотри вниз и иди быстрей!» — говорит мама, а сама-то ступает с оглядкой, хватаясь судорожно за перила. И мне ясно, что она боится еще пуще моего.

Мы опять идем куда-то по этажам и, наконец, застываем перед дверью, где сразу вывешено несколько почтовых ящиков и, заляпанные известью, торчат многочисленные звонки.

Дядя Коля и тетя Дуся (она тезка моей мамы) встречают нас по-праздничному, он — в сорочке и галстуке, она — в ярком бархатном платье, и ведут в свою комнату, где уже накрыт стол.

Но прежде, чем посадить нас за этот стол — я не свожу с него глаза и потому пропускаю какую-то взрослую историю с ордерами (для меня звучит: с орденами),— нам демонстрируют жилье, и я только запоминаю, что мама моя ахает и все пробует руками: стены, стекла (а окна-то в доме не такие маленькие, как снаружи!), ручки, мебель... Тетя Дуся хвалится новой люстрой: цветные ободки, а на них стеклянные трубочки на крючочках в два ряда, один ряд выше, чем другой. Такая и у нас висит, и я уже отцеплял стекляшки от крючочков, а одну нечаянно уронил и разбил.

И я говорю: «Такая и у нас есть!»

Тетя Дуся смотрит на меня растерянно, а мама кричит: «Помолчи! Дурачок!»

Потом тетя Дуся ведет нас в коридор и показывает остальное не меньшее, хоть и общее, то есть коммунальное, богатство: кухню, туалет, газ, горячую воду.

И везде мама более других замедляет шаг, смотрит многозначительно на отца и вздыхает. Мы ведь в сравнении с тетей Дусей и дядей Колей теперь провинциалы. У нас нет своей комнаты, а мы снимаем чужую в деревянном доме, который стоит среди многих других деревянных домов. У нас даже адрес — никакая не улица, а Куракинский переулок! А в переулке всего два домика: наш да Сютягиных, а потом идут огороды и поле с картошкой.

Мы снимаем в доме «угол», комнатушку семь квадратных метров. И туалет у нас на улице, а керосинка в прихожей, а вода так метров за сто, около большого, но тоже деревянного здания нарсуда, куда я хожу с бидончиком, ведро мне дотащить не по силам.

Мама смотрит на краны, на горелку с фитильком и опасливо спрашивает: не взрывается ли газ, такие страсти рассказывают?!

Тетя Дуся снисходительно улыбается: вот уж сразу видно, не москвичи. Газа боятся! А сама-то второй лишь месяц в Москве...

Мы — наконец-то!— садимся за стол, но моя мама еще не пришла в себя, она вздыхает, ей даже чужие вилки-ножики кажутся лучше, чем у нас в Люберцах.

Я прямо чувствую, вижу, что она завидует тете Дусе. Завидует, когда все щупает руками, когда вздыхает, когда произносит врастяжку: «Да, вот Николай-то молодец, что в стахановцы записался... А мой...»

— А что?— вскрикивает отец, он уже выпил, и теперь ему кажется, что он вовсе не хуже дяди Коли.— В цеху кто-то должен быть первым! Мой приятель! А мог быть я!

Дядя Коля по-доброму кивает: да, верно, мог быть, конечно, и мой отец... Если б повезло. А не повезло...

— Подожди!— кричит отец.— Дальше-то, ух, как будет! Мы такую комнату отхватим!

Дядя Коля кивает: ну да... Я, мол, отхватил, и вы отхватите! Не всем же сразу! По очереди нужно. А очередь — шутит — за выпивкой!

Отец у меня бойкий, умелый, это я и по дому знаю. Он может и ботинки подшить (колодочка

и деревянные гвоздики у него в шкафу), и доску обтесать рубанком на крыше туалета, и ведро залудить. Значит, может он по очереди и комнату в таком каменном доме отхватить, чтобы мама не вздыхала. Мне-то вовсе не хочется, чтобы он ее отхватил!

У нас в Люберцах лучше.

Но я молчу. Мне жалко маму, жалко, что она так больно вздыхает.

Она, наверное, чувствует, догадывается, и это правда, что никогда не будет у нас своей комнаты в каменном доме, и глаза ей закроют в той самой, ненавистной восьмиметровке, в Куракинском переулке. И точно. Отец мой, умелый отец, до смерти своей никогда ничего не получит по очереди, а будет проживать в своих, построенных своими руками развалюхах. Лишь за год до смерти моя сестренка, она родилась в тот год, когда мы ездили в гости, получила в свои сорок пять лет первую в жизни небольшую квартиру...

Вот такая оказалась та очередь — сорок пять лет.

Ох уж этот загляд вперед, как он может испортить такой замечательный праздник, как застолье в гостях, где все вкусно и нарядно! И где все, все, даже своя комната кажутся такими близкими и возможными.

А праздник между тем продолжается, и дядя Коля как бы ненароком надел красивый пиджак, и все увидели на нем ордена: две фигуры из серебра держат в руках серп и молот.

Это был первый орден, который я видел совсем близко, я даже осторожно потрогал, когда мне разрешили. На ощупь орден был тяжел, гладок и отливал серебром. Он даже пах по-особенному.

А может, потому и красив, что тяжел, в нем чувствовалась какая-то весомость, подтвержденная этой комнатой и этим столом.

И тут был нанесен последний удар по моей бедной маме: дядя Коля принес какую-то коробку, вынул из нее баян (я сразу закричал: «Гармошка!») с многими перламутровыми пуговицами, постелил себе на колени полотенце, поданное тетей Дусей, и стал играть.

Играл он медленно, немного путаясь, но все равно это было восхитительно. И мы затаив дыхание смотрели на блестящие кнопки баяна, а тетя Дуся прислонилась к плечу дяди Коли и так, прикрыв счастливо глаза, замерла.

Я сейчас подумал, что это и было в самом деле их счастье. И нас они для того и позвали в гости, чтобы мы увидели, как они фантастически счастливы. Без маминых охов, без папиной жалкой ухмылки это так много не стоило бы: кухня, туалет, вода...

Лифт? Ну выключили, это же редко... Можно и на соседнем доехать. Вода? Сейчас горячей нет, но это тоже пустяки, сколько ждали! Неделю еще подождем! А балкон! Какой вид!

Тут дядя Коля отложил баян, вскочил так, что полотенце упало на пол и он не заметил, потащил нас на балкон!

— Толик! Иди сюда! Дуся, Сергей! Да не бойтесь! Не отвалится, глянь, как красиво! Это выдумки буржуев, что балконы падают, не падают они!

И мы смотрели на Москву, но, однако, радости не получали потому, что все вслушивались, а мама особенно: не трещит ли под ногами, не начинает ли уже падать.

А у меня закружилась голова, и показалось, что мы летим... Я закричал, и мама от страха тоже закричала, и мужчины прогнали нас в комнату, а сами остались курить.

Я занялся конфетами, а тетя Дуся все объясняла и объясняла затихшей, побледневшей маме, как хорошо жить с газом, без керосинки, да и дров не надо... Батареи всю зиму греют. Тепло, светло, и мухи не кусают!

Через много лет подростком, мамы уже не было, а я работал учеником техника на аэродроме, мы поехали с отцом на Перовский рынок покупать мне часы.

Серьезная покупка по тем временам!

Часы не то что были большим богатством, но они свидетельствовали о достатке их хозяина. Часами похвалялись, обменивались, их можно было всегда продать за свою весьма немалую цену. И если человека останавливали ночью, чтобы у него что-то забрать, то прежде начинали не с бумажника, а именно с часов, такая это была ценность.

Долго, может быть, не один год, копил я на часы деньги, откладывая с получки: двести двадцать рублей, или двадцать два рубля на нынешние деньги, исключая налоги и подписку на заем.

Потом была реформа, и она все мои накопленные деньги превратила в кучу бумажек. О реформе говорили кругом, и какие-то жучки суетились по магазинам, скупая что можно, даже такие предметы, которые лежали еще с довойны.

Но я был наивный мальчик, я верил в справедливость сталинских указов и не мог себе представить, чтобы я годами скопленную сумму вдруг потерял. Потому вся эта шумная возня, слухи, перекупки вызывали у меня снисходительную улыбку: как же можно бояться, если газеты говорят, что слухи ложны и их распространяют враги народа. Я даже отцу нагрубил, когда он осторожненько предложил истратить мои деньги хоть на что-нибудь, хоть на пару буханок хлеба. Разговор произошел за два дня до реформы.

Вечером, накануне реформы я сидел в ожидании сеанса в фойе люберецкого кинотеатра, где торговали крюшоном. Люди брали сразу по нескольку бутылок, произнося со смешком, что это единственное, что можно на наши бумажки купить, завтра будет поздно. Воду не столько пили, сколько лили на пол, не жадничая и не сожалея. Я с осуждением глядел на эти забавы молодых парней, себе же не позволил из экономии истратиться на бутылку, хоть мне хотелось пить.

А на другой день вышел указ о денежной реформе и о том, что можно определенную сумму обменять на новые деньги один к десяти.

Я пересчитал свои сбережения и потом снова пересчитал, когда получил из кассы новенькие, хрустящие, непривычные по размеру и по цвету бумажки. Выходило: не только на часы, но и на бутылку газированной воды едва хватит.

Вот когда произошла со мной странная история: я не плакал и не ругался, а я замкнулся. Это был какой-то необычный, молчаливый шок... Как же могло получиться, что мне платили за работу, давали то есть зарплату, а потом как бы ее обратно забрали, выдав вместо нее совсем ничтожную часть?! Обманули? Но у нас же не могут обмануть! Это у них там, у буржуев, все всех обманывают, а у нас же призывают к честности! И я до конца, один, может быть, такой, честно верил, что меня никто никогда не обманет...

В эти дни «Крокодил» напечатал карикатуру: спекулянт и спекулянтка сидят за столом и тупо смотрят на деньги, которые валяются повсюду из разбитых кубышек. Пригорюнились в слезах, сморщив кривые рожицы, а внизу обличительные стишки про них: «Торговали — веселились, подсчитали — прослезились!»

Но у меня-то не было кубышки! Честно говоря, я и до сих пор не знаю, как она выглядит: в виде кувшина, а может быть, графина? Или горшка? А вот отец мой, посмеиваясь, говорил, что деньги вообще надо хранить в валенках: один засунут в другой, тогда, мол, и в огне не сгорят, и жулики не догадаются.

Но все это шутки, ибо мои деньги лежали под бельем в комоде, и не пачками, и всего-то несколько бумажек.

Копить еще оттого пришлось долго, что я подписался на заем. Подписка на заем у нас в лаборатории каждый год проходила. Кончался один год, и начиналось по новой: собирали собрание, ставили стол, на нем графин и список сотрудников и начинали говорить речи о долге, и о Родине, и о восстановлении народного хозяйства, которое без наших денег обойтись не может. Люди подходили к столу и на листочке напротив своей фамилии ставили сумму, сколько процентов от зарплаты они отдают. Самое меньшее — сто процентов. Но на этот раз выступил первым слесарь Хазатулин, молчаливый, попивающий, никогда он прежде речей не говорил, он-то и предложил, чтобы каждый патриот подписался бы на сто двадцать процентов.

Но тут выскочила наша комсомольская дура Терехина и бодро прокричала, что мы, молодежь, никак не можем отставать от старших товарищей и подписываемся на сто тридцать! Ей бурно аплодировали, а следом по списку оказался как раз я. Придвинувшись боком к столу, я было собрался написать положенные сто тридцать, но услышал, как прошептали: «Скажи... Скажи давай! Надо сказать! Ну!» Я повернулся, все на меня смотрели. И тут под локоток парторг лаборатории: «Давай! Давай! Бери выше! Не опозорься!»

Я набрал воздуха, чтобы повторить, что мы-де, молодые, не отстанем от старших... и так далее, но вдруг бухнул, как в лужу пернул: «А на сто пятьдесят!» И героем, под бурные аплодисменты на место прошел.

За мной, правда, немногие эту цифру назвали, большинство на ста двадцати пяти разумно застопорилось. А из моих двухсот двадцати рублей (это двадцать два на нынешние деньги) теперь каждый месяц тридцать три рубля вычиталось, да налог подоходный, да бездетность, и выходило сто семьдесят рублей. Сто в аванс и семьдесят в получку. Для сравнения: билет сезонный мой до работы стоил двадцать семь рублей, а пресловутая бутылка крюшона или морса — около трешки. Ну и билет в кино — от трех до пяти рублей...

А часы на рынке (в магазинах часов с довойны не было) можно было отхватить, если по дешевке, рублей так за пятьсот!

Если тридцатку в месяц откладывать, как я и делал, то года за два как раз набиралась моя сумма... Реформа же съела ее за день!

Если бы не отец, не было бы у меня в молодости своих часов.

Мы и отрез на штаны, привезенный еще из армии, настоящего, как утверждал отец, сукна, долго кроили, чтоб на двоих вышло... Портниха тетя Дуся сотворила нам по галифе, а там известно, что ниже колен можно же дудочки сшить! Как раз под сапоги...

А как выкроились деньги, отложенные мне на штаны, отец сказал: «Поехали на рынок... Может, какую штамповочку и подберем».

Мы долго высматривали, как бы вынюхивали, бродя по рынку в поисках часов. Разве что на язык не пробовали. Попадались часы трофейные, но денег на них у нас не хватало. И вдруг нашлись уж совсем простенькие, та самая штамповка, без камней. Привозились они обычно из Германии, где, по всей вероятности, вообще ничего не стоили. Этакий эрзац...

Отец выложил наши деньги, потом для проверки поставил время по своим часам, и я гордо затянул ремешок на руке, сделав все как у отца: а отец носил свои часы лицом к ладони. Он утверждал, что так их трудней повредить и так носят часы военные шоферы.

Но случилось, отец отошел в толпу, а я увидел на столбе иное время, тут же переставил у себя; новая интересная игра — переставлять стрелки! Отец застал меня за этим занятием и стал громко кричать, что я все испортил и теперь он не знает, точно ли ходят мои часы! Он ругался, хотя, наверное, и сам понимал, что ничего изменить нельзя. Часы куплены, а их бывший хозяин навсегда растворился в толпе.

Я не сразу понял, отчего распалился отец; он с опозданием понял, что промахнулся, прогадал в цене... А теперь жалел деньги, вымещал злость на мне.

В общем, отец в сердцах наорал, потом отвлекся — кого-то увидел в толпе. Окликнул человека и стал с ним разговаривать, кивая в мою сторону, наверное, он рассказывал о покупке часов. И о своем промахе.

Человек временами смотрел на меня. Лицо у него было испитое, синюшное, и одет он был неряшливо, наверное, спекулянт, так я подумал. В руках у него было какое-то тряпье, которым он торговал.

Потом они попрощались, мой отец с этим торгашом, и, когда он скрылся в толпе, отец спросил:

— Ты разве не узнал его? Но ты же у него в гостях был, у дяди Коли... Помнишь?

Дядю Колю я помнил, и помнил отлично. Веселый молодой мужчина с орденом на лацкане и баяном в руках, а сбоку красивая, вся в бархате тетя Дуся, прислонившаяся к его плечу.

— Это не дядя Коля! — возразил я.

— Да он,— сказал отец вполне равнодушно. О моих часах и своей злости он уже, слава богу, не вспоминал.

Глядя в сторону толпы, туда, где скрылся этот обтрепанный человек, отец добавил:

— Был он у нас самый передовой, стахановец... Его тогда выдвигали, а мы, целая бригада, работали на него... Пока он, значит, по трибунам... А ему комнату, а ему премию... Ну, он и спился от такой сладкой жизни.

И отец странно усмехнулся, но тут же посмотрел на свои часы, потом еще на мои и сказал, суровея:

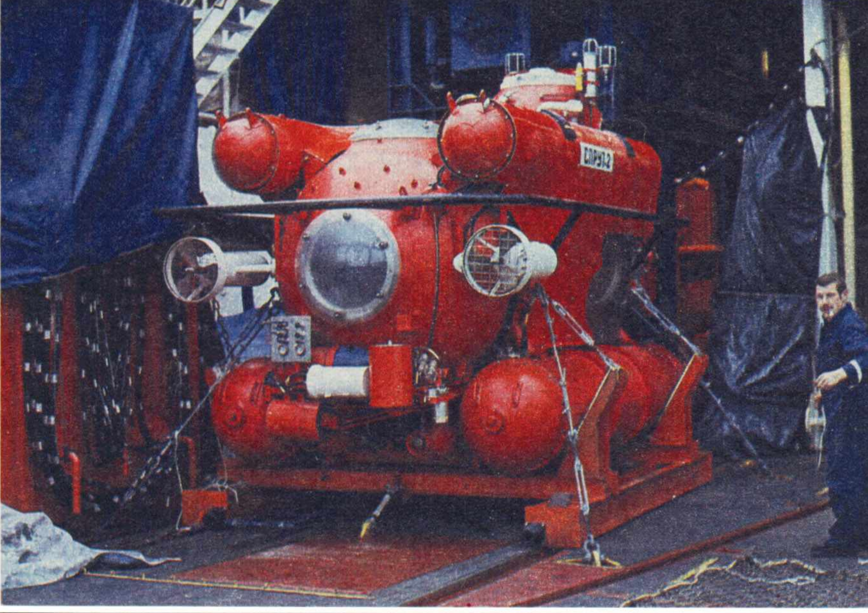
— Ладно, береги время!

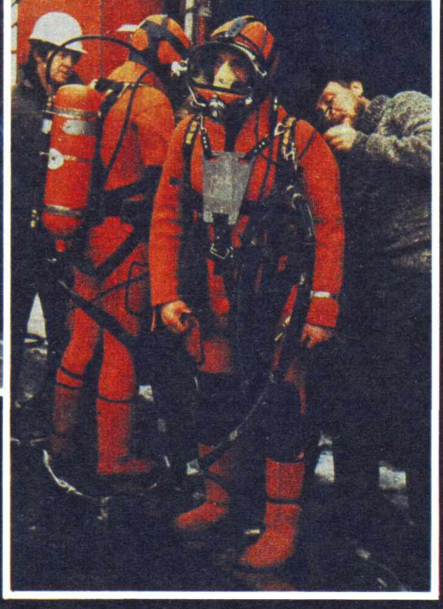
И это прозвучало почти как предостережение, связанное с дядей Колей, хотя не думаю, что отец связывал в эту минуту прошлое с настоящим. Это уже я так связал.

Оглядывая рыночную текущую в пространстве толпу, я думал: как же так возможно, что тот настоящий дядя Коля, наполненный счастьем, и этот барышник с синюшным испитым лицом могут вдруг стать одним и тем же человеком?

И что же тогда время, отмеренное на купленных мной часах, и что же тогда мое собственное счастье, вызванное этой покупкой, если завтра я могу встать в этом сером потоке из рынка уже сбывающим те же часы, чтобы залатать какую-то из моих бед, одну или все сразу, но одним стаканом водки. И я, и мой отец, и любой из тех временных счастливцев, кого я знал, хоть было таких совсем немного. Отец в общем-то и закончил рынком, но это уже из другой остановки, да и речь сейчас не о рынке и не о часах...

ИСПЫТАНИЕ ПОГРУЖЕНИЕМ





**ОСЕНЬЮ ЭТОГО ГОДА ПЕРВАЯ АРКТИЧЕСКАЯ НЕФТЬ СО ДНА МОРЯ ПОШЛА НА МАТЕРИК.
МОЩНЫЙ ШТУРМ ШЕЛЬФА НАЧАЛСЯ И С ОБЕСПЕЧЕНИЯ КОМФОРТНЫХ УСЛОВИЙ ДЛЯ ВОДОЛАЗОВ.**

Сначала я надел первый костюм, а потом, смочив его под душем, без труда натянул на него другой. Помощь потребовалась лишь для того, чтобы пристегнуть пояс с тяжелыми грузами. Проверил часы, нож, компас, светильник — все на месте. Как и удобный акваланг, выполненный в виде миниатюрного заплечного чемоданчика.

...Пошла теплая вода. Она обжимает тело и словно ос-

В АРКТИКУ ВЫХОДИТ САМАЯ СОВРЕМЕННАЯ ТЕХНИКА. МОРСКОЙ БУКСИР МОЖЕТ ТЯНУТЬ ЗА СОБОЙ ЦЕЛУЮ БУРОВУЮ ПЛАТФОРМУ — НАСТОЯЩИЙ ИСКУССТВЕННЫЙ ОСТРОВ.

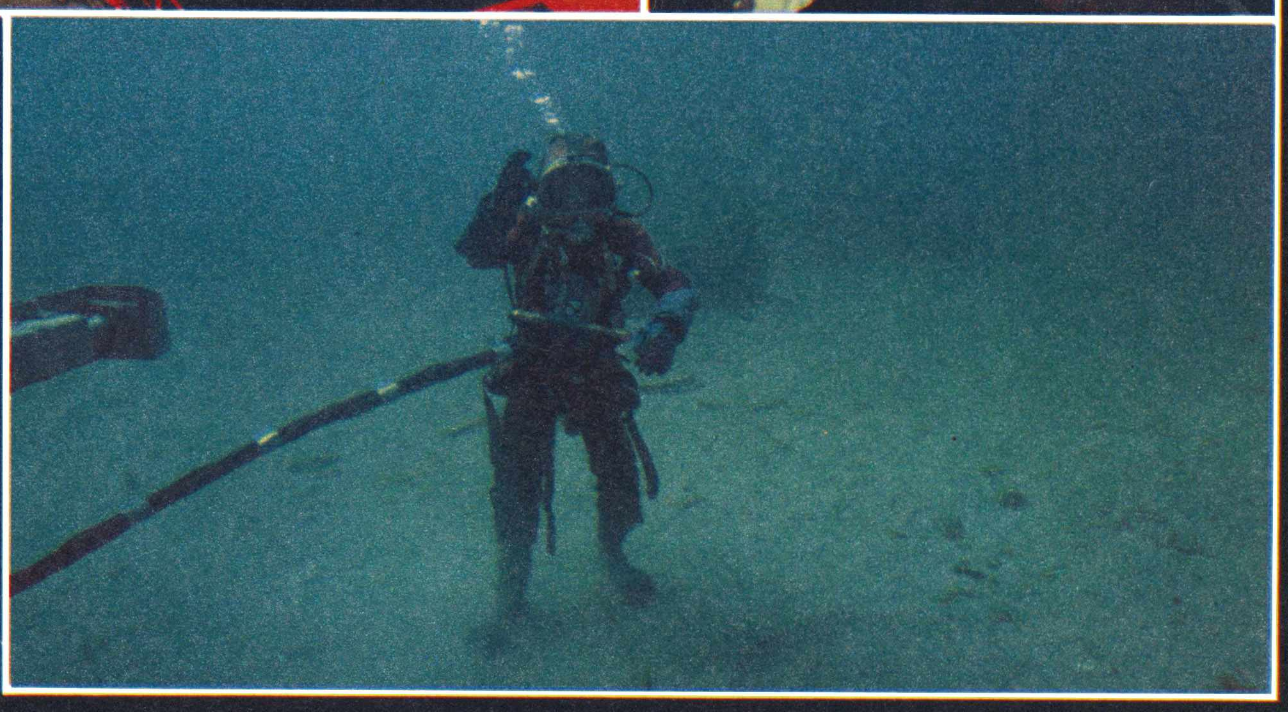




бобождает от части собственного веса. Пробую шагать. Довольно легко и быстро добираюсь до беседки-лифта. Начинается спуск. Программа такая: на глубине двух метров проверить костюм на герметичность, на десяти метрах включить светильник, на сорока — проверить связь.

Еще раз осматриваю снаряжение, пробую связь со вторым водолазом, который пошел со мной для страховки. Все в порядке, можно сходить на грунт. Отплываю на 3—4 метра от беседки. Примерно в десяти метрах водолазный колокол. Там сидят три водолаза, готовые прийти на помощь в любой момент и поднять наверх, в барокамеру.

Вдруг заметил, что мне ста-



ло холодно. Сверху посоветовали внимательно осмотреть шланг. Оказывается, я его пережал, сев на площадке колокола, и горячая вода перестала поступать. Высвободил шланг, и тепло приятно разливается по всему телу.

Занимаюсь фотосъемкой. Песчаное дно пустынно, а плавающие вдалеке «бревнышки» — всего лишь треска с зубами-спичками. Темновато, нет красок.

Звучит команда: «Прекратить работу! Приготовиться к подъему! Как настроение?»

Передаю: «Настроение отличное, ощущаю полный комфорт!»

Подъем длится полтора часа с остановками. Это необходимо для декомпрессии. Холода не ощущаю, хотя за «бортом» было плюс два градуса. Плесни такой водой — закричишь как ошпаренный, даже если ты морж со стажем.

И вот я снова на палубе водолазного судна. Душ, короткий отдых, а затем разбор результатов испытаний. Хотя погружение было и непродолжительным, но вполне достаточным, чтобы составить представление о возможностях нового водолазного снаряжения. Пользуясь случаем, задаю ряд вопросов руководителю этих работ Александру Клепацкому:

— Какова система обогрева? Может ли она работать автономно?

— Насосом вода забирается из моря и подается в котел, установленный на палубе судна или просто на берегу моря. После подогрева вода поступает по шлангам в двойной костюм водолаза и, циркулируя в нем, обеспечивает комфортные условия. Новое снаряжение позволяет акванавту работать в условиях морей Арктики весьма длительное время.

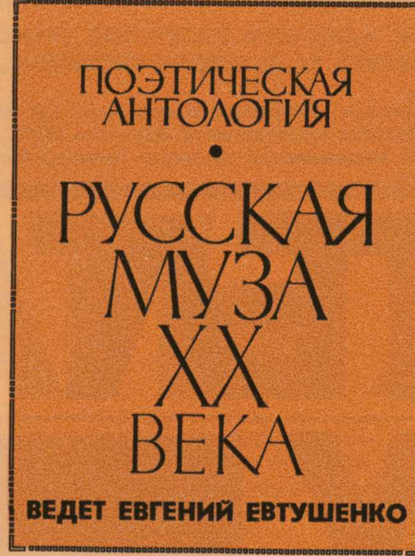
— Отличаются ли отечественные костюмы от сделанных за рубежом?

— Иностранное снаряжение отличное. Но, по мнению наших водолазов, испытавших отечественный костюм, он эластичнее, а значит, удобнее для работы на больших глубинах. Материал прочнее.

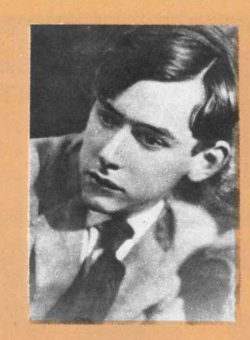
— Каков срок эксплуатации нового костюма?

— В условиях морей Арктики он рассчитан на работу в течение года. Предварительные подсчеты показали, что десять комплектов нового снаряжения могут дать экономию в полтора миллиона рублей. Водолазы пробовали работать в нем при очистке днищ судов и выполняли эту работу почти в три раза быстрее, чем в костюмах старой конструкции.

Николай ХЛЕБОДАРОВ
Фото автора



Эта подборка составлена на основе конкретных предложений читателей. Ревностные любители поэзии присылают нам или приносят пожелтевшие книжечки забытых поэтов, прося добавить их стихи как неглавные, любопытные штрихи к общей картине русской поэзии XX века. Библиофилы Москвы и Ленинграда предложили стихи А. Несмелова, К. Вагинова, А. Арго. Г. Таранцев из Якутска прислал свою уникальную коллекцию стихов А. Тинякова. Среди них такое: «Немало чудищ создала природа, немало гадов породил хаос, но нет на свете мерзостней урода, нет гада, чем домашний пес... Вместилище болезней и пороков, собака нам опасней всех бацилл. В кишках у ней полно эхинококков, в крови у ней — кипенье темных сил...» Сначала эти стихи мне показались вопиющим графоманством, но потом я понял, что это убийственная пародия на дидактическую сентиментальность, язвительная сатира, притворяющаяся нравоучительной пошлостью. Несколько нарушая хронологию, мы добавляем эти стихи и ждем новых читательских предложений.



Константин ВАГИНОВ
1900—1934

Поэт, явно обладающий «лица необщим выраженьем». Принадлежал к числу тех, кто не организовывает свою «странность», а таким рождается. В профессиональной среде над ним слегка подтрунивали, но зато уважали. Ни к каким литературным течениям не принадлежал, хотя его тянули то в одну, то в другую сторону. О творчестве Вагинова высоко отзывались Брюсов, Гумилев, В. Рождественский.

* * *

Я стал просвечивающей формой,
Свисающейся ветвью винограда,
Но нету птиц, клюющих рано утром
Мои качающиеся плоды.
Я вижу длительные дороги,
Подпрыгивающие тропинки,
Разнохарактерные толпы
Разносиющих людей,
И выплывает в ночь Тептелкин,
В моем пространстве безызмерном
Он держит Феникса сиянье
В чуть облысевшей голове.
А на Москве-реке далекой
Стоит расейский Кремль высокий,
В нем голубь спит
В воротничке,
Я сам сижу
На облучке,
Поп впереди — за мною гроб,
В нем тот же я — совсем другой,
Со мной подруга, дикий сад —
Луна над желтизной оград.



Арсений НЕСМЕЛОВ
1891—1945

Жил на Дальнем Востоке. Автор нескольких поэтических книг.

ВОЛЯ

Загибает гребень у волны,
Обнажает винт до половины,
И свистящей скорости полны
Ветра загремевшего лавины.

Но котлы, накаливая бег,
Ускоряют мерный натиск поршней,
И моряк, спокойный человек,
Зорко щурится из-под пригоршни.

Если ветер лодку оторвал,
Если вал обрушился и вздыбил,—
Опускает руку на штурвал
Воля, рассекающая гибель.



АРГО
(псевдоним Абрама Гольденберга) 1897—1968

Сатирик, переводчик западноевропейской поэзии. Приводимое стихотворение любопытно как лоскуток из лоскутного одеяла литературных взаимоотношений прошлого.

РУСЬ ДОМОСТРОЕВСКАЯ

«Жестокие, сударь, у нас нравы».
А. Н. Островский

Лишь только был осознан
Быт крепкий и густой,
Как при Иване Грозном
Создался Домострой.

В нем благостные злаки
Собрал монах Сильвестр
Для просвещенья паки
Младых братьев и сестр.

Имея нрав предобрый,
Он юношей берег
И сокрушал им ребры,
В том деле видя прок.

Рассказ о нем недолог —
У нас подобный муж
Считался бы педолог,
Знаток ребячьих душ.

И, сохраняя образ
Ученого лица,
Крушил бы он не ребра-с,
А души и сердца!

Кто ищет, тот обрящет!
В приказной во пыли
Полемики образчик
Ученые нашли.

А дело было вот в чем:
Однажды Курбский князь
Бежал родимых вотчин,
Ивана убоясь.

Укрывшись за кордоном
И гневом возгоря,
Он в тоне беспардонном
Пошел честить царя.

Не могши царь остаться
Пред подданным в долгу,
Загнул такие святцы,
Что молвить не могу.

Князь, не смутясь ни малость,
Ответил в тот же миг,
И так-то завязалась
«Полемика» меж них.

И в каждом-то письме-то
Гоморра и Содом...
Как выглядит все это
Пред нынешним судом?

Вопрос весьма сурьезный —
Известно было встарь:
Иван Васильич Грозный —
Суровый государь.

Он нравом был крутенек,
Но Курбский, князь Андрей,
Был как-никак изменник
Пред родиной своей.

На ком остановиться?
Где бóльшая приязнь:
Тиран-сыноубийца
Иль перебежчик-князь?

Конечно, оба зверя
В разгаре их вражды
Для нас в единой мере
И страшны и чужды!

Александр ТИНЯКОВ
1886—1922

ПЛЕВОЧЕК

Любо мне, плевку-плевочку,
По канавке грязной мчаться,
То к окурку, то к пушинке
Скользким боком прижиматься.

Пусть с печалью или с гневом
Человеком был я плюнут,
Небо ясно, ветры свежи,
Ветры радость в меня вдунут.

В голубом речном просторе
С волей жажду я обняться,
А пока мне любо-быстро
По канавке грязной мчаться.

1907.

1917 • 1987

«...ВАЖНУЮ РОЛЬ В ИДЕЙНОМ РАЗГРОМЕ ТРОЦКИЗМА СЫГРАЛИ Н. И. БУХАРИН, Ф. Э. ДЗЕРЖИНСКИЙ, С. М. КИРОВ...»

Из доклада Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева на торжественном заседании Центрального Комитета КПСС, Верховного Совета СССР и Верховного Совета РСФСР, посвященном 70-летию Великой Октябрьской социалистической революции.

ОН ХОТЕЛ ПЕРЕ ПОТОМУ ЧТО ЕЁ ЛЮБИЛ



Н. И. Бухарин. 1927 г.

Однажды знакомый художник рассказывал мне о нелегкой судьбе своего коллеги Юрия Ларина.— Это сын Николая Ивзновича Бухарина,— многозначительно добавил он,— а мать его — вдова Бухарина.

— Разве она жива!

— Жива...

«Генеральному секретарю ЦК КПСС товарищу Михаилу Сергеевичу Горбачеву. Несмотря на напряженное международное положение, я ставлю перед Вами вопрос о посмертной партийной реабилитации моего мужа и отца моего сына — Бухарина Николая Ивановича... С настоящим заявлением я обращаюсь не только от себя, но и по поручению самого Бухарина. Уходя в последний раз на февральско-мартовский Пленум в 1937 году (Пленум заседал не один день), Николай Иванович, предчувствуя, что он уже больше не вернется, и учитывая мою тогдашнюю молодость, просил меня бороться за его посмертное оправдание. Этот невыносимо тяжкий момент никогда не умрет в моей памяти. Измученный следствием, страшными, необъяснимыми для него очными ставками, ослабевший от голодовки в знак протеста против чудовищных обвинений, Бухарин пал передо мной на колени и со слезами на глазах просил, чтобы я не забыла ни единого слова его письма, адресованного «Будущему поколению руководителей партии», просил бороться за его оправдание: «Клянись, что ты это сделаешь. Клянись! Клянись!» И я поклялась. Нарушение этой клятвы противоречило бы моей совести...»

«Крови Бухарина требуете? Не дадим вам его крови, так и знайте»* — *из заключительного слова Сталина на XIV съезде ВКП(б), 1925 год.

«Выпьем, товарищи, за Николая Ивановича Бухарина! Все мы его знаем и любим, а кто старое помянет, тому глаз вон!»* — *тост Сталина на банкете в честь очередного выпуска военных академий в 1935 году.

...Летом восемнадцатого года Н. И. Бухарин находился в Берлине. Его командировали для подготовки документов, связанных с мирным Брестским договором. Николай Иванович рассказывал дома, что однажды услышал рассказ об удивительной гадалке, предсказывающей судьбу. Любопытства ради вместе с Г. Я. Сокольниковым он решил посетить обитавшую на окраине города предсказательницу. То, что наворожила ему хиромантка, было поразительно:

— Вы будете казнены в своей стране.

Бухарин оторопел, ему показалось, что он ослышался, и переспросил:

— Вы считаете, что Советская власть погибнет?— спросил он.

— При какой власти погибнете — сказать не могу, но обязательно в России...

Как-то Анна Михайловна прочитала у Ромена Роллана, что он избрал своим девизом слова Бетховена: «Через страданье радость». Нет, эти слова не стали девизом вдовы Бухарина, но жизнь показала, что, помимо воли, и ее охватывала радость — в страдании. Это было тогда, когда она думала или о своем отце, или о своем муже.

А. М. Ларина росла в семье профессиональных революционеров, после свершения революции ставших у руля государства. По этой причине внутрипартийная жизнь стала довольно рано ее интересовать. Этот интерес особенно был обострен близостью к Бухарину. Поэтому все эпизоды жизни Лариной, даже сугубо личные, не были олицетворением какой-то легкой чистой радости, а неизменно отягощались незримыми путами сложной общественной атмосферы той поры: политическими дискуссиями, спорами, распрями и, наконец, террором.

Имя Ю. Ларина (Михаила Александровича Лурье, 1882—1932) сегодня подзабыто, хотя похоронен он у Кремлевской стены. Сведения о нем можно найти в различного рода словарях и справочниках, но сведения эти не дают возможности понять ни характера, ни личности, ни масштабности человека, прошедшего особый героический жизненный путь.

О СУДЬБЕ
НИКОЛАЯ ИВАНОВИЧА БУХАРИНА
КОРРЕСПОНДЕНТ «ОГОНЬКА»
БЕСЕДУЕТ С ЕГО ВДОВОЙ
АННОЙ МИХАЙЛОВНОЙ.

— Человеческий язык беден, чтобы передать силу и глубину пережитого мною за пятьдесят лет. К тому же рассказывать о прошлом — значит пережить его заново. Единственное, что оправдывает меня и дает мне мужество для воспоминаний,— это мой долг перед историей и перед мужем, ибо никто, кроме меня, не сможет уже оставить таких свидетельств, как я...

ДЕЛАТЬ ЖИЗНЬ,

Об отце Анна Михайловна вспоминает с нежной теплотой, он был ей самым близким человеком. Скажу о нем всего несколько слов. Ларин был столь популярен в первые послереволюционные годы, что однажды на демонстрации Аня услышала, как пели частушку с упоминанием его имени: «Нас учили в книгах мудростям Бухарина и с утра до ночи заседать у Ларина».

До революции Ларин вел жизнь профессионального революционера: организация ячеек РСДРП, гласный и негласный надзор полиции, переезды из города в город, из страны в страну, аресты, ссылки, побеги. Революция застала его членом исполкома Петроградского Совета, и он принимает деятельное участие в революционных событиях. Много пишет как литератор-экономист по проблемам хозяйственной жизни, издает книги, выполняет личные поручения Ленина. Можно сказать, что Ларин стоял у колыбели советской экономической политики.

В памяти дочери отец живет как явление необычное. «Трудно вообразить,— рассказывает она,— как мог человек, физически неполноценный от рождения, столь мужественно пройти свой жизненный путь. Легко опознаваемый охранкой, как смог он вынести бесконечные преследования? Как мог бежать из тюрем? Бежать, если он и передвигался-то с большим трудом». Он рассказывал дочери, как из якутской ссылки его унесли в большой плетеной корзине, как однажды на Украине его буквально перевалили за забор тюрьмы, по другую сторону поймали товарищи и некоторое время несли на руках. Приходится удивляться, как Юрий Михайлович столь плодотворно проявлял себя, как литератор, если руки его были столь слабы, что поднять телефонную трубку одной правой рукой, не помогая левой, он не мог. Все в жизни доставалось Ларину величайшим напряжением воли.

В некрологе, написанном Н. Осинским, говорилось: «Это — один из крупнейших, выдающихся и своеобразных наших работников, один из видных деятелей Октябрьского и послеоктябрьского периодов, человек редкой преданности рабочему классу и социалистической революции...» Во время похорон Ларина Луначарский сказал, что прекрасные ларинские глаза, казалось, и во тьме светятся.

Анна Михайловна помнит себя очень рано. На четвертом году жизни она стала настойчиво интересоваться своими родителями, которых видела крайне редко, спрашивала, где же ее мама и папа. Ей запомнился ворчливый ответ деда на один из таких вопросов: «Твои родители — социал-демократы, они предпочитают сидеть по тюрьмам, бежать от ареста за границу, а не сидеть возле тебя и варить тебе кашу». Девочка не поняла, что такое социал-демократы, но тюрьма была невдалеке от дома, и дед говорил ей, что там сидят воры и бандиты. Подавленная, Аня больше не решалась спрашивать о родителях. Она их увидела «вплотную» и надолго после Февральской революции, когда они вернулись из эмиграции.

— Мама очень понравилась,— вспоминает Анна Михайловна,— она была красивая, стройная, с большими добрыми серыми глазами, обрамленными длинными пушистыми ресницами. И я решила, что социал-демократы вовсе не так уж плохи.

Прямо-таки драматический эпизод произошел во время встречи с родным папенькой. Дочь взглянула на него и испугалась: Юрий Михайлович при ходьбе выбрасывал вперед ноги, неестественно при этом работая руками. От ужаса Аня залезла под диван, зарыдала и закричала: «Я хочу к дедушке!» Мать выгнала ее из-под дивана палкой и представила перед покрасневшим взволнованным отцом. Но уже к вечеру он ее покорил, и они стали друзьями на всю жизнь.



А. М. Ларина. Тридцатые годы.

* * *

Момент знакомства с Бухариным мне хорошо запомнился. В тот день мать повела меня в Художественный смотреть «Синюю птицу» Метерлинка. Весь день я находилась под впечатлением увиденного, а когда легла спать, сновидение повторяло спектакль. И вдруг кто-то дернул меня за нос. Я испугалась, ведь Кот на сцене был большой, в человеческий рост, и я крикнула: «Уходи, Кот!» Сквозь сон я услышала слова матери: «Николай Иванович, что вы делаете, зачем вы будите ребенка?» Но я уже проснулась, и передо мной все отчетливее стало вырисовываться лицо Николая Ивановича. В тот момент я и поймала свою синюю птицу, символизирующую стремление к счастью и радости, не сказочно-фантастическую, а земную, за которую заплатила дорогой ценой.

Из всех многочисленных друзей отца моим любимцем был Бухарин. В детстве меня привлекали в нем неуемная жизнерадостность, озорство, страстная любовь к природе и знание ее (он был неплохим ботаником, великолепным орнитологом), а также его увлечение живописью.

Я не воспринимала его в то время взрослым человеком. Это может показаться смешным и нелепым, тем не менее это так... Если всех близких товарищей отца я называла по имени и отчеству и обращалась к ним на «вы», то Николай Иванович такой чести удостоен не был. Я называла его Николаша и обращалась только на «ты», чем смешила и его самого, и своих родителей, тщетно пытавшихся исправить мое фамильярное отношение к Бухарину, пока они к этому не привыкли.

Одна из первых встреч с Николаем Ивановичем связана с воспоминанием о Ленине. Однажды в кабинет отца, где, как обычно, было полно народу, пришел Ленин. Для меня в ту пору он был равным среди равных. Помню его смутно. Не буду рассказывать, что он картавил, прищуривал глаз, говорил «архиважно» и так далее, как это делают многие в своих воспоминаниях о нем. Но один забавный эпизод запал в память на всю жизнь. Когда я вошла в кабинет отца, только-только ушел Бухарин. Речь, по-видимому, шла о нем, я не могла понять всего, что говорилось Лениным о Бухарине, но запомнила одну фразу: «Бухарин — золотое дитя революции». Это высказывание Ленина о Бухарине стало хорошо известно в партийных кругах и воспринималось как образное выражение. Я же пришла от сказанного Лениным в полное замешательство, так как все поняла буквально, и заявила Ленину протест. «Неправда,— сказала я,— Бухарин не из золота сделан, он же живой!» «Конечно, живой,— ответил Ленин,— я так выразился потому, что он рыжий».

Вовсе не хочу упрощать или идеализировать отношения между руководителями революционного процесса. Бывали между ними и споры, принципиальность Владимира Ильича в отношениях с соратниками была чрезвычайно высока. Не все воззрения Николая Ивановича он одобрял. Но человечность отношений между коммунистами запомнилась мне навсегда уже с детства — открытость и дружелюбие, принципиальность и честность, стремление к намеченной цели.

...21 января 1924 года поздним вечером из Горок позвонил Николай Иванович и сообщил, что жизнь Ленина оборвалась. Я еще не спала и видела, как две слезы, только две, катились из скорбных глаз отца, по его мертвенно-бледным щекам. День похорон — 27 января, совпавший с моим днем рождения, нарушил мой детский праздник. Отец сказал мне: твой день рождения 27 января отменяется, теперь это день траура навечно. Твой день рождения мы будем теперь отмечать 27 мая, когда пробуждается природа и все цветет.

Самое примечательное заключается в том, что отец вместе со мной поехал в загс на Петровку, чтобы заменить метрическое свидетельство. Изумленный просьбой Ларина, сотрудник загса долго упирался, советуя день рождения отмечать 27 мая, но документы не менять. Наконец сдался. И я была зарегистрирована вторично, спустя десять лет после моего рождения. По этому метрическому свидетельству мне выдали паспорт, в котором и по сей день значится датой моего рождения 27 мая.

Вместе с отцом я была в Колонном зале Дома союзов, где стоял гроб с телом Ленина. Машина проехать не могла, и я помогала отцу добраться пешком. Мы вышли загодя, чтобы не опоздать. В комнате позади Колонного зала застали Надежду Константиновну, Марию Ильиничну, Зиновьева, Томского, Калинина, Бухарина — остальных не помню. Я, волнуясь, подошла с отцом к гробу Ленина, пристроилась где-то сбоку. Заметила старшую сестру Ленина — Анну Ильиничну. Она стояла ближе к изголовью покойного, неподвижно, точно изваяние.

Похороны Ленина забыть невозможно. Об этом много написано. И я была свидетелем всему. Общая картина круглосуточного шествия в Колонный зал просматривалась из окон нашей квартиры в «Метрополе». Я вставала ночью с постели и наблюдала нескончаемый людской поток. Мороз, костры, красноармейцы в буденовках. Все помню так, будто случилось все вчера.

С моим отцом Бухарин был знаком еще со времен эмиграции, впервые они встретились в Италии в 1913 году, а с лета 1915 года по лето 1916 года жили в Швеции. А с 1918 года до середины 1927 года мы жили одновременно в «Метрополе». Отец и Николай Иванович не всегда сходились во взглядах, но это не нарушало их дружбы. Они были предельно откровенны друг с другом... Спустя много лет нашего сына по желанию Николая Ивановича мы назвали Юрием в память о моем отце.

...Когда Николай Иванович уходил

от нас, я очень огорчалась и все чаще сама забегала к нему. Отец радовался, когда я бывала у Бухарина. Отцу всегда казалось, что его болезнь омрачает мою жизнь, что не добираю детской радости. Поэтому, когда я бывала в 205-м номере, где жил Бухарин, он выражался: «Пошла в отхожий промысел». Да отец и сам старался «подбрасывать» меня к своему другу.

...Много раз я заставала Сталина у Николая Ивановича. Однажды, это было году в двадцать пятом, я написала в порыве детской нежности Николаю Ивановичу стихотворное послание, которое заканчивалось словами: «Видеть я тебя хочу. Без тебя всегда грущу». Показала стихи отцу, он сказал: «Прекрасно! Раз написала, пойди и отнеси их своему Николаше». Но пойти к нему с такими стихами я постеснялась. Отец предложил отнести стихи в конверте, на котором написал «От Ю. Ларина». Я приняла решение: пойти, позвонить в дверь, отдать конверт и тотчас же убежать. Но получилось не так. Только я спустилась по лестнице с третьего этажа на второй, как неожиданно встретила Сталина. Для меня было ясно, что он идет к Бухарину. Недолго думая, я попросила его передать письмо, и Сталин согласился. Так, через Сталина (какая же зловещая ирония судьбы), я передала Бухарину свое первое детское объяснение в любви.


Н. И. Бухарин и А. М. Горький.

...1927 год был для меня очень печальным. По настоянию Сталина Бухарин переехал в Кремль. Пройти туда без пропуска было нельзя. Хотя впоследствии Николай Иванович оформил для меня постоянный пропуск, застать его в ту пору дома было почти невозможно. Я специально изменила свой маршрут в школу, шла более длинным путем, лишь бы пройти мимо здания Коминтерна, оно находилось против Манежа, возле Троицких ворот,— в надежде встретить Николая Ивановича. Не раз мне везло, и я, радостная, устремлялась к нему. Время было напряженное: внутрипартийная дискуссия достигла крайнего накала, готовился XV съезд ВКП(б) — до меня ли было ему. Николай Иванович заходил к отцу все реже, но задерживался дольше. Беседовали о текущих партийных делах. Их взгляды совпадали, и даже со стороны меня это радовало. Меня же в ту пору ничего не тревожило. Мои волнения начались позже, когда я подросла и под сталинским обстрелом был Бухарин.

Случалось так, что Николай Иванович почти ежедневно приезжал к нам на дачу в Серебряный бор. Мать немного посмеивалась над нашим увлечением, не принимая его всерьез; отец молчал и в наши отношения не вмешивался.

Осенью и зимой 1930-го и в начале 1931 года свободное время мы старались проводить вместе. Бывали в театрах, на художественных выставках. Я любила часы общения с ним в его кремлевском кабинете. На стенах картины. Над диваном моя любимая акварель «Эльбрус в закате». Чучела различных птиц — охотничьи трофеи Николая Ивановича — огромные орлы, с расправленными крыльями, голубоватый сизовороненок, черно-рыженькая горихвостка, сине-сизый сокол-кобчик, богатейшие коллекции бабочек.

Николай Иванович любил читать вслух. Помнится, как мы читали «Саламбо» Флобера. Николай Иванович восхищался страстными и мужественными героями, был очарован «Кола Брюньоном» Ромена Роллана. «Брюньон» был близок Николаю Ивановичу, ибо в нем самом жила потребность в вольной русской веселости, «вплоть до дерзости».

Как заразительно смеялся он, когда мы прочли о весельчаке и балагуре Брюньоне, вместе со своим другом нотариусом Пайаром, получавшим «истинное удовольствие отпустить вам, со строгим видом, чудовищную загогулину», обучившим сидящего в клетке дрозда гугенотскому песнопению.

Как-то вечером мы долго гуляли в Сокольниках, в то время Сокольники были окраиной Москвы. Мы поехали туда трамваем. Николай Иванович довольно часто пользовался городским транспортом. Бывало, что пассажиры узнавали его и указывали друг другу: «Смотрите, смотрите, Бухарин едет!» Или слышалось: «Здравствуйте, Николай Иванович!» Кое-кто подходил и доброжелательно пожимал ему руку. Николаю Ивановичу приходилось непрерывно раскланиваться, и от проявления внимания к нему он смущался.

Не помню теперь, каким образом на обратном пути из Сокольников мы оказались на Тверском бульваре, и, сидя на скамейке, позади памятника Пушкину, стоявшего в то время по другую сторону площади, Николай Иванович решился на серьезный разговор со мной. Он сказал мне, что наши отношения зашли в тупик и что у него есть только один выбор из двух возможных: или соединить со мной жизнь, или отойти в сторону и длительное время меня не видеть, дать мне возможность строить жизнь независимо от него. «Есть еще одна возможность,— заметил он полушутя,— это сойти с ума», но эту третью возможность он сам отвергает.

Ответа от меня не последовало. Я зарыдала.

Трудно теперь объяснить свое состояние: должно быть, это были слезы и от радости, и от глубокого потрясения, и от нерешительности, свойственной в те юные годы моей натуре, и от того, что рядом со мной на скамейке Тверского бульвара сидел не какой-нибудь мальчишка-ровесник, а именно Бухарин,— но слезы лились ручьем. Николай Иванович смотрел на меня в недоумении. Он был убежден, что выбор уже мною сделан, иначе он бы и не заговорил. Мы сидели довольно долго молча. Я продрогла, он согревал мои замерзшие руки своими горячими. Надо было возвращаться домой.

А вечером следующего дня он пригласил меня в Большой театр на «Хованщину». Я с удовольствием согласилась. Поздно ночью, после полуночи, мы оба явились в «Метрополь». Мать уже спала. Отец сидел за письменным столом и заметил мой растерянный вид. Он предложил Николаю Ивановичу остаться ночевать, что тот и сделал, улегшись на диване в кабинете. Я плохо спала, проснулась поздно, наш гость ушел на работу.

Утром отец, который, как я уже упоминала, никогда не вмешивался в наши отношения, неожиданно заговорил со мной.

— Ты должна хорошо подумать,— сказал он,— насколько серьезно твое чувство. Николай Иванович тебя очень любит, человек он тонкий, эмоциональный, и если твое чувство несерьезно, надо отойти, иначе это может плохо для него кончиться.

Разговор этот меня насторожил, даже напугал.

Наши встречи, походы в театры, чтение вслух продолжались. Однажды Николай Иванович заговорил о книге «Виктория» Кнута Гамсуна.

— Мало кому,— сказал Николай Иванович,— удалось написать такое тонкое произведение о любви. «Виктория» — это гимн любви!

Как я предполагаю, книгу эту Николай Иванович захватил с собой не случайно. Он и читал выборочно, только те места, которые ему хотелось прочесть:

«Что такое любовь? Это шелест ветра в розовых кустах, нет, это пламя, рдеющее в крови. Любовь — это адская музыка, и под звуки ее пускаются в пляс даже сердца стариков. Она точно маргаритка распускается с наступлением ночи и точно анемон от легкого дуновения свертывает свои лепестки и умирает, если к ней прикоснешься.

Вот что такое любовь...»

Прервал чтение, задумчиво посмотрел куда-то вдаль. Потом перевел взгляд на меня.

О чем он думал тогда?

«Любовь — это первое слово создателя, первая, осиявшая его мысль. Когда он сказал: «Да будет свет!» — родилась любовь. Все, что он сотворил, было прекрасно. Ни одно свое творение он не хотел бы вернуть в небытие. И любовь стала источником всего земного и владычицей всего земного, но на всем ее пути — цветы и кровь, цветы и кровь!»

— Почему же кровь?— спросила я.

— Ты хотела, чтобы были одни цветы? Так в жизни не бывает, она не проходит без испытаний, любовь должна преодолевать, побеждать их. А если любовь не преодолевает испытаний жизни, не побеждает их, следовательно, ее и не было, той настоящей любви, о которой пишет Кнут Гамсун.

Потом Николай Иванович прочел мне, как старый монах Венд рассказывал о вечной любви, любви до смерти, о том, как болезнь приковала мужа к постели и обезобразила его, но его любимая жена, подвергнутая тяжкому испытанию, чтобы быть похожей на своего мужа, у которого выпали все волосы от болезни, обрезала свои локоны. Затем жену разбил паралич, она не могла ходить, ее приходилось возить в кресле на колесах, и это делал муж, который любил свою жену все больше и больше. Чтобы уравнять положение, он плеснул себе в лицо серной кислоты, обезобразив себя ожогами.

— Ну, а как ты относишься к такой любви?— спросил Николай Иванович.

— Сказки рассказывает твой Кнут Гамсун! Зачем себя специально уродовать, делать себя прокаженным, обливать лицо серной кислотой? Неужто нельзя без этого любить?

Мой ответ рассмешил Николая Ивановича, и он пояснил мне, что «его» Кнут Гамсун такими средствами выразил силу любви, ее непременную жертвенность. И вдруг, глядя на меня грустными и взволнованными глазами, он спросил:

— А ты смогла бы полюбить прокаженного?

Я растерялась...

— Что же ты молчишь, не отвечаешь?

Взволнованно, по-детски наивно я произнесла:

— Кого любить — тебя?

— Меня, конечно, меня,— уверенно произнес он, радостный, улыбающийся, тронутый тем, с какой еще детской непосредственностью я выдала свои чувства.

И только я собралась ответить, что его смогла бы любить (хотя незачем было употреблять будущее время, когда все уже было в настоящем), он попросил меня:

— Не надо, не надо, не отвечай! Я боюсь ответа!

Не раз за долгие годы мучений вспоминала я роковой вопрос: «А ты смогла бы полюбить прокаженного?»

* * *

Расскажу о смерти отца, ибо это прямо касается наших отношений с Николаем Ивановичем. К болезненному состоянию отца мы привыкли, но ничто не предвещало столь скорого конца. 31 декабря 1931 года он настоял, чтобы я встретила Новый год с молодежью. Обычно новогодний праздник я проводила с родителями. На этот раз я пошла к своему сверстнику Стаху Ганецкому. Только я переступила порог квартиры Ганецких (Ганецкий Яков Станиславович — деятель российского и международного революционного движения. С 1917 года работал в Наркомфине, Внешторге, Наркоминделе.— **Ф. М.**), как раздался телефонный звонок отца: «Немедленно возвращайся домой, я умираю!» Дома передо мной предстала картина, которую трудно вообразить: отец, обычно с трудом передвигавшийся, бегал по квартире из комнаты в комнату в бешеном темпе. Что привело его в такое состояние — загадка и по сей день. Мы заподозрили психическое заболевание. Вызвали известного невропатолога профессора Крамера (Крамер Василий Васильевич — один из основоположников советской нейрохирургии, в последние годы болезни Ленина — его лечащий врач.— **Ф. М.**), тот явился срочно, но никаких психических отклонений не обнаружил. Врачи-терапевты поставили диагноз — дву-

стороннее воспаление легких. Отец умирал мучительно, сидя в кресле — лежа дышать не мог вовсе. То была двухнедельная пытка. Умер он 14 января. Когда ему стало совсем плохо, мать сообщила об этом ближайшим его друзьям. Пришли Рыков с женой, Милютин, Крицман. Николай Иванович был в отпуске в Нальчике. (Я вызвала его телеграммой слишком поздно. Он опоздал на похороны.)

В этот критический момент прощания позвонил Сталин и попросил Ларина к телефону. Но отец не мог взять трубку. «Жаль,— сказал Сталин,— я хотел предложить ему высокий пост...»

До последней минуты отец был в сознании, и мать передала ему о звонке Сталина. Все присутствующие были крайне удивлены. Ни по своему характеру, ни по состоянию здоровья отец не мог быть руководителем. Да и не было между Лариным и Сталиным близости. Милютин был поражен звонком больше всех, ибо на днях именно он сообщил Сталину, что Ларин очень плох, похоже даже, что он умирает. «Неужто забыл?»— произнес Милютин и в недоумении пожал плечами...

Пришел Поскребышев (помощник Сталина.— **Ф. М.**), и отец попросил мать передать Сталину папку с очередным экономическим проектом.

Затем отец обратился ко мне. Вопрос его взволновал меня и озадачил. «Николая Ивановича ты все еще любишь?»— спросил он, зная, что с марта 1931 года мы с ним не виделись. Я была смущена тем, что на этот вопрос должна была дать ответ в присутствии Поскребышева. И еще мне не хотелось, чтобы мой ответ не удовлетворил предсмертное желание отца, которого я не знала. Но солгать я не могла и ответила утвердительно. Мне показалось, что отец вот-вот скажет: «Надо его забыть...» Однако глухим, еле слышным голосом он произнес: «Интересней прожить с Николаем Ивановичем десять лет, чем с другим всю жизнь».

Жестом руки отец показал мне, чтобы я подошла к нему еще ближе, так как голос его все слабел и слабел, и он почти прохрипел мне на ухо: «Мало любить Советскую власть потому, что в результате ее победы тебе неплохо живется. Надо суметь за нее жизнь отдать, кровь пролить, если потребуется». Огромным усилием воли он чуть приподнял кисть правой руки, сжатую в кулак, сразу же безжизненно упавшую ему на колено, и хрипло воскликнул: «Клянись, что ты сможешь это сделать!» Я поняла так, что надо быть готовой отдать жизнь в случае интервенции против Советского Союза. И поклялась... Последними словами отца были такие: «Мой прах развейте с самолета» и «Мы победим».

* * *

Весь день 2 ноября 1987 года Анна Михайловна провела у телевизора. Она ловила каждое слово в докладе Генерального секретаря ЦК КПСС, произнесенном им на торжественном заседании, посвященном 70-летию Великой Октябрьской социалистической революции. Волновалась, нервничала, ожидая чего-то очень для нее важного. Важного, как она понимала, для многих, но для нее как ни для кого. Когда до нее донеслись слова Ленина о том, что «...Бухарин... законно считается любимцем всей партии...», она удовлетворенно вздохнула. Впервые за 50 лет имя Бухарина было произнесено в положительном контексте. Ничего нет радостнее и понятнее правды.

— Характер у Николая Ивановича был сложный,— продолжает Анна Михайловна свои размышления,— никогда нельзя было с точностью предсказать, чего можно от него ожидать. Да и сам он не всегда предвидел свое поведение, был способен на необдуманные поступки. Политический расчет в конечном итоге был ему чужд, и это как политику мешало ему.

На необоснованные выпады Бухарин мог, впрочем, ответить резко, даже зло. Он умел набрасываться на своего противника с бешеной энергией своего политического темперамента. Одновременно клавиатура его душевных струн была удивительно тонкой, я бы даже сказала, болезненно истонченной. Его натура, формировавшаяся в дни той бурной эпохи, которой он жил, играя в ней не последнюю роль, необычайно тяжко переносила эмоциональные перегрузки, ибо «допуск» был крайне мал, и душевные струны обрывались.

Эта черта его характера имела нежелательные для политического деятеля последствия — он не всегда умел побеждать, даже в том случае, когда был прав.

Ему была присуща и капитуляция по более мелким поводам. Он извинился перед поэтами, уязвленными его критическими замечаниями, на Первом съезде советских писателей. Эти замечания о повышении поэтического мастерства, сделанные с самыми добрыми намерениями, были справедливы, и извиняться в общем-то было ни к чему. На февральско-мартовском Пленуме 1937 года, прося по совету Сталина извинения у Пленума за голодовку, объявленную в знак протеста против выдвинутых Бухарину неслыханных обвинений, он тоже как бы дал слабину.

Эта черта характера — душевная утонченность, эмоциональная перенасыщенность — приводила его нередко в состояние истерии. Он легко плакал. Не могу сказать, что по любому поводу, поводы были всегда серьезны. В связи со смертью Ленина на глазах многих его соратников я видела слезы, но так рыдать, как рыдал Бухарин, чисто по-женски мог только он один. Во время коллективизации, проезжая Украину, на маленьких полустанках он видел толпы детей с опухшими от голода животами. Они просили милостыню. Николай Иванович отдал им всю свою наличность. По приезде в Москву он зашел к моему отцу и, рассказывая об этом, с возгласом: «Если более чем через десять лет после революции можно наблюдать такое, как это можно?!»— рухнул на диван в истерических рыданиях. Мать отпаивала его валериановыми каплями. Когда Бухарин узнал, что Октябрьское восстание в Москве прошло не столь бескровно, как в Петрограде, и что погибло около тысячи человек, он разрыдался.

Эмоциональные перегрузки приводили его к физическому недомоганию. Он регулярно болел. Этот крепкий, удивительно сильный человек, спортсмен с мускулатурой борца, при сильном нервном напряжении увядал. Организм как бы терял сопротивляемость.

Я не хочу, чтобы на основе рассказанного мной сложилось впечатление, что Николай Иванович был «плаксивой бабой». Это не так. Эмоциональная перенасыщенность — одна из граней его сложного, богатого характера. Одновременно Бухарин был революционером большой страсти и необузданного темперамента. Его революционный потенциал был огромен и требовал динамики, действия. Николай Иванович был одержим идеей революционного преобразования общества, его гуманизации. Эта цель казалась ему неосуществимой без изменения человеческой натуры, без повышения культуры низов, тех, кого до революции считали «черной костью»,— рабочих, крестьян. Быть может, эта характеристика покажется несколько банальной, но именно у него эта идея превратилась в страстную, немеркнущую и все более захватывающую мечту и стала едва ли не единственной целью его общественно-политической жизни. Новый мир, как он себе его представлял, должен быть осуществлен во что бы то ни стало, что, по его мнению, вовсе не означало «чего бы это ни стоило», любой ценой. Бухарина всегда мучили нравственные коллизии, он видел и трагическую сторону привлекательной для него идеи. «Бывают мрачнейшие люди с оптимистическими идеями, бывают и веселые пессимисты. Бухарчик был удивительно цельной натурой,— он хотел переделать жизнь, потому что ее любил»,— писал о Бухарине Эренбург.

* * *

На мои расспросы о том, каким был Бухарин в быту, в домашней обстановке, как он одевался, стремился ли к материальным благам или был к ним безразличен, Анна Михайловна рассказала о нескольких эпизодах. Однажды Сталин, обсуждая поездку Бухарина в Париж, заметил:

— Костюм у тебя, Николай, поношенный, так ехать неудобно, надо быть одетым...

В тот же день раздался телефонный звонок портного из Наркоминдела, который хотел как можно скорее снять с клиента мерку для пошива. Николай Иванович попросил сшить костюм без мерки и пытался объяснить портному, как сильно занят. «Как это без мерки,— удивился портной,— поверьте моему опыту, товарищ Бухарин, еще ни один портной без мерки костюм не шил». «Сшейте по старому костюму»,— предложил Николай Иванович.

Но он забыл, что такой выход из положения был неосуществим прежде всего потому, что единственный старый костюм был на нем. Отдав костюм портному, редактор газеты (в то время Н. И. Бухарин был ответственным редактором газеты «Известия».— **Ф. М.**) мог явиться на работу только в нижнем белье. Минуту для посещения портняжной Бухарин нашел. Новый костюм ему сшили, он съездил в нем в Париж, в нем же впоследствии был арестован.

Два месяца спустя после ареста мужа Анна Михайловна с сыном и отцом Николая Ивановича были переселены из Кремля в Дом правительства у Каменного моста, с легкой руки писателя Юрия Трифонова названный «домом на набережной», к тому времени уже наполовину опустошенный. Прислали счет за квартиру. Платить было нечем, и, поскольку дом находился в ведении ЦИКа, Анна Михайловна написала М. И. Калинину маленькую записочку: «Михаил Иванович! Фашистская разведка не обеспечила материально своего наймита Николая Ивановича Бухарина,— платить за квартиру не имею возможности, посылаю Вам неоплаченный счет».

По свидетельству А. М. Лариной, никаких денежных запасов Бухарин никогда не имел. Гонорар за свои литературные труды он перечислял в фонд партии. Зарплату, как редактор «Известий», получать отказался. Получал положенную зарплату в Академии наук СССР, действительным членом которой он был.

Не раз случалось и так, что Николай Иванович брал деньги взаймы у своего шофера Н. Н. Клыкова.

* * *

Бухарин был популярной личностью. В связи с этим хочу вспомнить один эпизод, связанный с нашим пребыванием на Телецком озере. Однажды, в то время, когда Николай Иванович беседовал с двумя учеными на орнитологические темы, поражая их своими знаниями, дверь неожиданно открылась, и в комнату вошел пожилой алтаец. Он внимательно оглядывался по сторонам, пытаясь узнать, кто из присутствовавших Бухарин. На алтайце была надета телогрейка, вся залатанная, на ногах какие-то драные опорки, в одной руке он держал небольшой мешок, в другой — какой-то сверток.

— Что вам угодно?— спросил один из орнитологов.

— Моя пришла твоя смотреть,— сказал алтаец, обращаясь к орнитологу в черной фетровой шляпе с большими полями, что, очевидно, и заставило гостя заподозрить в нем Бухарина. В его представлении Бухарин должен был быть обязательно в шляпе.

— Да, твоя смотреть,— повторил алтаец, глядя на орнитолога.— Я слышала, она приехала и в этой избе живет.

В своей речи он употреблял только женский род, со склонениями и спряжениями знаком тоже не был.

— Ну, раз «твоя» смотреть, так я не «она»,— сказал, смеясь, орнитолог,— вот ты и угадай, где «она»?

— Не она?— удивился алтаец. Шляпы ни у кого, кроме орнитолога, не было, и это его совершенно обескуражило. Подумав, он посмотрел в сторону курившего трубку второго орнитолога и показал на него.

— Опять не «она»,— сказал, смеясь, тот, что в шляпе, и решил помочь алтайцу опознать Бухарина. Оставались еще трое мужчин, в том числе два охранника.

— Вон тот, смотри!— И орнитолог в шляпе кивнул головой в сторону Бухарина.



Н. И. Бухарин и А. И. Ульянова. 10-летний юбилей газеты «Правда».

— Это она?— удивился алтаец.— Твоя правду говорит?

Николай Иванович, в сапогах, в спортивной куртке, в кепке вместо шляпы, небольшого роста, не произвел на алтайца ожидаемого впечатления.

— Бухарин же большая, красивая, а эта что?

Раздался оглушительный хохот, дольше всех смеялись двое из охраны. Наконец подал голос и Николай Иванович.

— Зачем же ты пришел меня смотреть, я же не невеста и, как видишь, не большой и не красивый,— полное разочарование...

Что такое «разочарование», алтаец не знал, но про невесту все понял.

— Моя не надо невеста, моя баба имейт. Она тебе лепешка спекла.— И он протянул Николаю Ивановичу небольшой сверток,— в нем оказались лепешки, испеченные из первоклассной пшеничной муки и, надо сказать, мастерски. Николай Иванович стал угощать ими всех присутствующих, что обидело алтайца.

— Моя баба только тебе гостинца спекла, муки мало.

— Но за что мне такая честь?— спросил алтайца Николай Иванович.

— Что? Моя не поняла.

— Почему, я спрашиваю, твоя баба только мне лепешки испекла?

— А моя сказал: спеки гостинца Бухарина за то, что она люди любит.

— Народ,— заметил орнитолог.

— Народ, народ. Да-да-да,— подтвердил алтаец.

— Ну, как же вы теперь живете в колхозе?— спросил Николай Иванович.

— Сказал бы я тебе, да здесь люди много.

— Говори, говори, не бойся,— попросил Николай Иванович.

— Моя все сказала, и так моя понимайте, как живем! Говорю, люди много, сказать нельзя.

Удовлетворив свое любопытство, алтаец стал направляться к выходу. Мы все пошли провожать пришельца к озеру, на берегу была привязана его самодельная лодка — выдолбленное сиденье в куске отпиленного толстого ствола дерева. Алтаец привязал мешок с мукой веревкой к спине и, простившись только с Николаем Ивановичем, отчалил от берега:

— Будь здорова, моя хорошая!

* * *

...Коснулись темы «Бухарин и Пастернак». Говорили о прекрасной оценке творчества Бориса Леонидовича, данной Бухариным в докладе на Первом съезде советских писателей. Вспомнили стихотворение поэта «Волны», посвященное Николаю Ивановичу:

Он сам повествовал о плене
Вещей, вводимых не на час,
Он плыл отчетом поколений,
Служивших за сто лет до нас.

«Он плыл отчетом поколений...» — какая блистательная формулировка, какой яркий образ!

Анна Михайловна отметила, что в дни тягостных предарестных событий, когда однажды в газетах сообщили (это была очередная уловка Сталина), что дело Бухарина прекращено, Николай Иванович получил поздравительную телеграмму от Ромена Роллана и поздравительное письмо от Пастернака, чем он был глубоко взволнован. А позже, когда во второй половине января 1937 года была снята подпись Бухарина как ответственного редактора газеты «Известия» и стало яснее ясного, что дела Николая Ивановича совсем плохи, Борис Пастернак вновь прислал Бухарину коротенькое письмо, как ни странно, не задержанное. В письме он писал, что «никакие силы не заставят меня поверить в ваше предательство». Он также выражал недоумение происходящими в стране событиями. Получив такое письмо, Николай Иванович был потрясен мужеством поэта, но чрезвычайно озабочен его дальнейшей судьбой.

* * *

...По моей просьбе Анна Михайловна рассказала о последних месяцах и днях ее совместной жизни с Н. И. Бухариным. Времени трагическом, сложном, когда Сталин во всей полноте показал деспотическую сущность своего характера. И в особенности по отношению к Бухарину. События развивались следующим образом. Как считает Анна Михайловна, последние месяцы жизни Бухарина до ареста — это время, когда подготовка его физического уничтожения стала явной, и отсчет тем дням начался с процесса Зиновьева и Каменева, то есть с августа 1936 года.

За три с половиной месяца до этого Николай Иванович с женой вернулся из Парижа, где безуспешно вместе с двумя товарищами пытался купить для Советского Союза архив Карла Маркса и другие документы, предлагавшиеся для продажи немецкими социал-демократами после прихода к власти Гитлера. Огорчение в связи с безрезультатной поездкой было кратковременным, а после разговора со Сталиным и его слов: «Не волнуйся, Николай, архив приобретем, они еще уступят...» — осталось позади. Николай Иванович жил обычной для него жизнью: работой в редакции «Известий», в Академии наук СССР, подготовкой новой, так называемой сталинской Конституции.

Родился сын, и сорокасемилетний отец пребывал в радостном возбуждении. Он был счастлив. Через месяц после рождения сына семья уехала на Сходню, где находились дачи «Известий». В начале августа Николай Иванович получил отпуск и поехал на Памир осуществить свою давнюю мечту поохотиться в горах. Сопровождал его в поездке издательский работник Семен Ляндрес (кстати, отец писателя Юлиана Семенова). Незадолго до отъезда Бухарин рассказал жене об аресте Г. Я. Сокольникова, своего друга. Он предположил, что арест связан, вероятнее всего, с перерасходом государственных средств в то время, когда тот был послом в Лондоне.

На Памире Бухарин забрался в такие дебри, где не было ни почтовой, ни телеграфной связи. Две недели Анна Михайловна с нетерпением ждала вестей. И вести, неожиданные, страшные, появились 19 августа. Она прочитала о них в газетах, которые извещали о начале процесса так называемого троцкистского объединенного центра, о том, что многие его участники дали показания против Бухарина. Вскоре появилось заявление прокуратуры о начале следствия по делу упомянутых на процессе лиц, в том числе и ее мужа. На собраниях выносились гневные резолюции: «Посадить на скамью подсудимых...» Опубликовали извещение о самоубийстве Томского.

От Бухарина вестей не было. Но вот наконец он прилетает самолетом из Ташкента, случайно узнав о нависшей над ним смертельной опасности. Волновался, что арест произойдет прямо в аэропорту. Увидев жену, воскликнул: «Если бы я мог предвидеть подобное, убежал бы от тебя на пушечный выстрел». «Куда поедем?» — спросил подавленный шофер. Бухарин лихорадочно соображал, откуда ему позвонить по телефону-вертушке Сталину. «Будь что будет!» — решил он и поехал на квартиру в Кремль. Дежурный охраны как ни в чем не бывало отдал честь члену ЦИКа. «Может, он газет не читает?» — подумал Бухарин. Лихорадочный звонок, уже из своего кабинета, Сталину. Незнакомый голос ответил: «Иосиф Виссарионович в Сочи». «В такое время в Сочи?» — подумал Бухарин. Звонить Ягоде Бухарин счел бессмысленным. Он не представлял, что Ягода доживает в НКВД последние дни и будет судим вместе с Бухариным на одном процессе. Так и сидел он целыми днями в своем рабочем кабинете, ожидая звонка. Однажды позвонил из «Известий» К. Радек, член редколлегии газеты, поинтересовался причиной отсутствия Бухарина на работе. Николай Иванович ответил: «Пока в печати не будет опубликовано опровержение гнусной клеветы, моей ноги в редакции не будет». В начале сентября снова зазвонил телефон, просили явиться в ЦК для разговора с Кагановичем. «Почему с Кагановичем?» — недоумевал Бухарин. Вновь решил позвонить Сталину, последовал тот же ответ: «Иосиф Виссарионович в Сочи». Вернувшись из ЦК, рассказал невообразимое: ему устроили очную ставку с Сокольниковым, другом его юности, и тот показывал против него и лгал. 10 сентября 1936 года в газетах появилось сообщение Прокуратуры СССР, в котором говорилось о прекращении следствия по делу Бухарина и Рыкова,— тактический шаг Сталина, дабы показать «объективность» следствия. Бухарин по натуре своей был легковерен, и Сталин, пользуясь этой чертой его характера, играл в любовь к нему, а за спиной готовил уничтожение Николая Ивановича. Лишний раз это подтвердилось 7 ноября, когда по пересланному из редакции гостевому билету он решился вместе с женой встретить девятнадцатую годовщину Октября на Красной площади. Место на трибуне, вспоминала Анна Михайловна, оказалось ближайшим к Мавзолею, и Сталин заметил Бухарина. Вдруг Анна Михайловна увидела, что по направлению к ним идет часовой, и очень заволновалась. Ей подумалось, что он идет арестовать Бухарина. Но часовой отдал честь и сказал, что товарищ Сталин просит Николая Ивановича подняться на Мавзолей, что его место там. Бухарин поднялся на Мавзолей, но поговорить со Сталиным ему не удалось, ибо тот стоял вдалеке и ушел первым. После этого около месяца прошло относительно спокойно. Николай Иванович не исключал даже, что ему вновь предложат приступить к работе в редакции. Он пытался не бездействовать: читал, делал выписки из немецких книг, работал над большой статьей об идеологии фашизма. К концу ноября нервное напряжение стало столь велико, что работать больше он не мог. Метался по квартире, как загнанный зверь. Заглядывал в «Известия» — не подписывают ли газету фамилией другого редактора. Но подпись была та же: «Ответственный редактор Н. Бухарин». Он недоуменно пожимал плечами. В первых числах декабря по телефону оповестили о созыве Пленума ЦК. О повестке дня сказано ничего не было. Придя с Пленума домой, Бухарин сказал жене:

«Познакомься! Твой покорный слуга предатель — террорист-заговорщик». Новый нарком НКВД Ежов со страшной силой обрушился на Бухарина, обвиняя его в организации заговора и в причастности к убийству Кирова. «Молчать! — закричал Бухарин прямо в зале, когда услышал столь чудовищное и абсурдное обвинение: нервы его не выдержали.— Молчать!» Все обернулись, но никто не произнес ни слова. Сталин сказал, что не надо, дескать, торопиться с решением, а следствие продолжить. Бухарин подошел к Сталину и ска-



Анна Михайловна Ларина. Ноябрь 1987 года. Фото Льва Шерстенникова.

зал, что надо бы проверить работу НКВД, разве можно верить клеветническим показаниям. Сталин ответил, что прошлые заслуги Бухарина никто не отнимает, затем отошел в сторону, не желая продолжать разговор. Три последующих мучительных месяца Николай Иванович провел главным образом в небольшой комнатке своей квартиры, в бывшей спальне Сталина (по его просьбе Бухарин поменялся квартирой со Сталиным после того, как трагически умерла его жена Надежда Аллилуева). Становилось все более очевидным, какие цели преследует так называемое следствие и по чьему указанию оно действует. Тем не менее Бухарин направил Сталину несколько писем, с обращением «Дорогой Коба», доказывая свою невиновность, опровергая клевету. Анна Михайловна почти постоянно находилась возле мужа, за исключением тех минут, когда выходила к ребенку. Однажды она увидела пистолет в руке у Николая Ивановича, закричала. «Не волнуйся, я уже не смог,— сказал Николай Иванович.— Как подумал, что ты увидишь меня бездыханного...» Он встал, снял с полки том Верхарна, прочел: «То кровь от смертных мук распятых вечеров пурпурностью зари с небес сочится дальних... Сочится из болот кровь вечеров печальных, кровь тихих вечеров, и в глади вод зеркальных везде алеет кровь распятых вечеров...» Заточенный в своей квартире, Бухарин похудел, постарел, рыжая борода поседела. Снова вызов — очная ставка с Радеком. Снова бесполезное объяснение со Сталиным. Все шло к развязке давно уже продуманного приговора, хотя в мгновения относительного просветления Николай Иванович надеялся на жизнь. «А что если вышлют к чертям на рога,— поедешь со мной, Анюта?» Однажды Анна Михайловна вышла на улицу вдохнуть глоток свежего воздуха и столкнулась с Серго Орджоникидзе. Тот остановился. Слов Анна Михайловна найти не могла. Серго смотрел на нее такими скорбными глазами, что и по сей день она не может забыть его взгляда. Затем он пожал ей руку и сказал два слова: «Крепиться надо!» Сел в машину и уехал. Орджоникидзе оставалось жить считанные дни. Бухарин решил написать Серго. В письме была просьба — в случае ареста позаботиться о семье. Снова звонок в дверь: извещение о созыве Пленума ЦК ВКП(б). Это уже «февральско-мартовского». Повестка дня: вопрос о Бухарине и Рыкове. Бухарин решает не идти на Пленум и объявляет голодовку. Письмо в Политбюро: «В протест против неслыханных обвинений объявляю смертельную голодовку...» Звонок в дверь, трое мужчин, приказ о выселении из Кремля. Звонок от Сталина: «Что у тебя, Николай?» «Вот пришли из Кремля выселять...» «А ты пошли их к чертовой матери...» 16 февраля Бухарин простился с отцом, первой своей женой Надеждой Михайловной, также позднее репрессированной (она написала письмо Сталину, что не желает быть членом партии в то время, когда Бухарину предъявляют чудовищные, необоснованные обвинения, и лично ему отослала свой партийный билет), ребенком и начал голодовку. Побледнел, осунулся, синяки под глазами. Попросил глоток воды. Анна Михайловна выжимает апельсин, всего каплю. Стакан летит в угол: «Ты вынуждаешь меня обманывать Пленум, я партию обманывать не стану». Анна Михайловна почувствовала, что умирает одновременно с мужем. Тихим, слабым голосом: «Чудный месяц плывет над рекою...» Спел один куплет... Смерть Серго... Стихи Бухарина: «Он был точно гранит...»

Из-за похорон Орджоникидзе Пленум откладывается. Потом новая повестка дня с вопросом об антипартийном поведении Н. Бухарина в связи с объявленной голодовкой. Принимает решение: на Пленум идти, голодовку не прекращать. Лишь двое решаются пожать руку Бухарину: Уборевич и Акулов, секретарь ЦИКа. Сталин: «Кому ты голодовку объявил, Николай, ЦК партии? Проси прощения у Пленума...» «Зачем это надо, если вы собираетесь меня исключать из партии?» «Никто тебя из партии исключать не будет». Бухарин в очередной раз поверил Кобе и попросил прощения у Пленума ЦК.

* * *

Этот роковой день 27 февраля 1937 года, когда вечером позвонил секретарь Сталина Поскребышев и сообщил, что Бухарину надо явиться на Пленум, я помню так четко, будто случилось все вчера.

Непередаваем трагический момент страшного расставания, не описать душевную боль, что и по сей день живет в моей душе. Николай Иванович упал передо мной на колени и со слезами на глазах просил прощения за мою загубленную жизнь. Просил воспитать сына большевиком. «Обязательно большевиком»,— повторил он. Просил бороться за его оправдание и не забыть ни единой строки письма-завещания.

— Ситуация изменится, обязательно изменится,— твердил он,— ты молода, ты доживешь. Клянись, что ты сумеешь сохранить в памяти мое письмо!

Я поклялась. Он поднялся с пола, обнял, поцеловал меня и произнес дрожащим голосом:

— Смотри, не обозлись, Анютка, в истории бывают досадные опечатки, но правда восторжествует!

От волнения меня охватил внутренний озноб. Мы понимали, что расстаемся навсегда.

Николай Иванович надел кожаную куртку, шапку-ушанку и направился к двери.

— Смотри не налги на себя, Николай!— только это смогла я сказать ему на прощание.

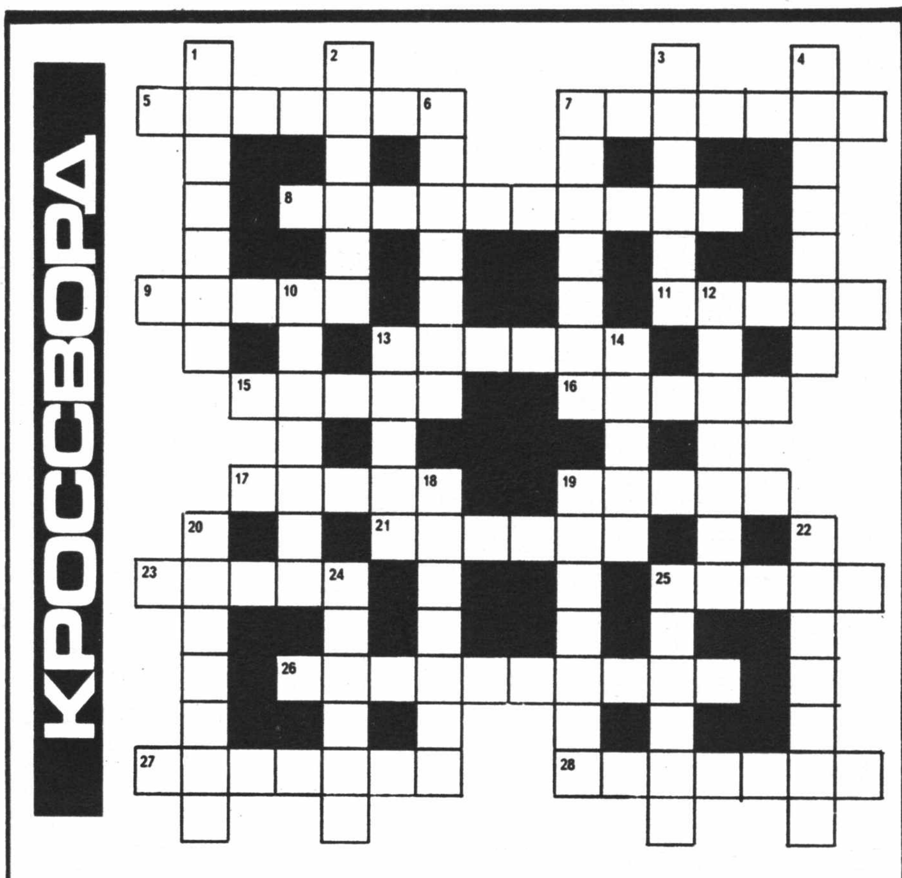
Он свято верил в идеалы Октябрьской революции и хотел, чтобы я рассматривала черную полосу истории как временную, надеясь на очищение и справедливость. Именно поэтому он завещал мне воспитать сына большевиком. По этой же причине он адресовал свое письмо «Будущему поколению руководителей партии».

Письмо было написано Бухариным за несколько дней до ареста. Психологически он был уже готов к тому, что его арестуют и что придется расстаться с жизнью. Надежду на оправдание он окончательно потерял и принял решение заявить будущим потомкам о своей непричастности к преступлениям и просить о посмертном восстановлении в партии. В то время мне было 23 года, и Николай Иванович был убежден, что я доживу до такого времени, когда смогу передать письмо в ЦК. Будучи уверен, что письмо его будет забрано при обыске, и опасаясь, что в случае обнаружения его я буду подвергнута репрессиям, Николай Иванович просил меня выучить письмо наизусть. Много раз он читал мне свое письмо, много раз вслед за ним я повторяла написанные им строки. Ах, как он негодовал, когда я допускала неточность! Наконец, убедившись, что содержание письма я запомнила твердо и окончательно, он уничтожил рукописный текст.

Свое последнее обращение к людям, к партии он писал на небольшом столике, где лежали письма Ленина к нему,— их он перечитывал все последние дни...

Публикацию подготовил Феликс МЕДВЕДЕВ.

КРОССВОРД



По горизонтали: 5. Сказка М. Горького. 7. Комсомолка, руководительница партизанского подполья в Западной Белоруссии, Герой Советского Союза. 8. Теория и метод познания явлений действительности. 9. Отверстие в металлургической печи для выпуска жидкого металла. 11. Текстильное изделие. 13. Молочный продукт. 15. Русская мера жидкостей. 16. Физиолог, академик, Герой Социалистического Труда. 17. Консервированный сочный корм. 19. Горная порода, строительный материал. 21. Французский философ, математик, физик, физиолог XVII века. 23. Представитель основного населения народной республики в Европе. 25. Воодушевление, энтузиазм. 26. Аппарат для проецирования изображения звездного неба. 27. Площадка для содержания мелких животных в зоопарке. 28. Фильм, снятый кинорежиссером А. П. Довженко.

По вертикали: 1. Цирковой артист. 2. Травянистое лекарственное растение. 3. Спрессованный торф, корм, уголь. 4. Плодовое вечнозеленое дерево, кустарник. 6. Город в Московской области. 7. Песня на стихи А. В. Кольцова. 10. Переработка нефти для получения моторных топлив. 12. Советская монета. 13. Электронная лампа. 14. Один из героев романа Жюля Верна. 18. Река, впадающая в Байкал. 19. Административный центр департамента в Никарагуа. 20. Роман О. Гончара. 22. Классик армянской музыки, композитор, фольклорист, хоровой дирижер. 24. Теплоход для перевозки контейнеров, леса, автомобилей. 25. Место разработки драгоценного ископаемого.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 47

По горизонтали: 5. «Воскресение». 8. Горлица. 9. Ромашов. 12. Вагай. 13. Мосин. 16. Каравайка. 18. Винница. 19. Образец. 20. Кешоков. 21. «Фиделио». 23. Субтитр. 25. Жуковский. 28. Лафет. 29. Дания. 32. Морозка. 33. Ромадин. 34. Бахчиванджи.

По вертикали: 1. Сопло. 2. «Ариадна». 3. Острава. 4. Вираж. 6. Потанин. 7. Болонка. 10. Таджикистан. 11. Диссертация. 13. Каракорум. 14. Шкловский. 17. Воронов. 22. Ефремов. 24. Титания. 26. Онтарио. 27. «Спартак». 30. Горал. 31. Саржа.

НЕТ ПРОБЛЕМ?

Рисунок Василия Дубова





ЕСТЬ МУЗЕЙ ЛИЧНЫХ КОЛЛЕКЦИЙ!

Илья ЗИЛЬБЕРШТЕЙН,
доктор искусствоведения,
лауреат Государственной
премии СССР

Счастлив сообщить вам, уважаемые читатели «Огонька», что успехом увенчалось наше выступление в № 28 журнала о необходимости отселения «Автоэкспорта» из занимаемого им здания бывшего Княжьего двора, которое уже свыше полутора лет тому назад должно было быть передано для Музея личных коллекций.

Спустя шестнадцать дней после появления № 28 «Огонька» председатель исполкома Моссовета В. Т. Сайкин отправил 27 июля в соответствующую высокую инстанцию объяснительное письмо, озаглавленное «О ходе работ по организации Музея частных коллекций». В заключительной части письма по-маяковски, во весь голос сказано: «Учитывая... необходимость срочного освобождения здания по ул. Волхонке, 14/1, для Музея, исполком Моссовета решил передать В/О «Автоэкспорт» во временное пользование строение № 1 по ул. Маркса — Энгельса, 8. Предполагается силами ремонтно-строительных организаций Мосгорисполкома до 1 ноября 1987 г. произвести необходимый ремонт здания (с минимальными объемами работ) и в текущем году разместить в нем В/О «Автоэкспорт». Выполнение работ взято на контроль. Председатель исполкома Московского Совета В. Т. Сайкин».

Не сомневаемся, что теперь все станет, наконец, на свое место и тем самым завершится тягостное хождение по мукам задуманного Музея личных коллекций, где будет экспонироваться как единое целое каждое переданное туда в качестве дара народу собрание различных музейных раритетов. И, конечно, будет составлено научное описание каждой коллекции, которое ляжет в основу печатного иллюстрированного каталога.

Считаю своим долгом прежде всего сказать сердечное спасибо всем тем, кто отнесся весьма положительно к предложению создать в столице нашей Родины первый в мире Музей личных коллекций. Моя искреннейшая признательность тем газетам и журналам, которые с таким упорством добивались создания этого музея.

В связи с этим бесконечно благодарю «Литературную газету», которая в 1985 году в № 4 от 23 января, предоставила полосу для моей статьи «Невосполнимое! О судьбе личных коллекций», в которой выступил с предложением создать в Москве Музей личных коллекций. В той статье я писал: «И если станет наконец реальностью идея создания такого Музея, я первым передам туда полно-

Ф. С. РОЖАНКОВСКИЙ (1891—1972). Саша Черный. Рисунок. 1926 год.



И. Е. РЕПИН (1844—1930). Н. С. Лесков (подготовительный рисунок для портрета маслом, который не был выполнен). 1889 год.

стью русскую и западноевропейскую части моего собрания, поисками и находками для которого занимался на протяжении свыше шестидесяти лет». В 1986 году в № 39 от 24 сентября та же «Литературная газета» дала снова на полосу озаглавленную «Когда же откроется Музей личных коллекций!» нашу беседу с Ириной Ришиной. А спустя два с половиной месяца та же блистательная журналистка напечатала в той же газете в № 50 от 10 декабря на ту же тему статью «А воз и ныне там».

После того, когда 10 июня 1985 года Министерство культуры СССР приняло решение о создании Музея личных коллекций, в газете «Правда» от 18 июня появилась статья Д. Михайлова по этому поводу, озаглавленная «Настало время дарить. Встречи с прекрасным».

Первым из журналов на эту инициативу откликнулся «Огонек». В сентябре 1985 года в № 36 академик Д. С. Лихачев напечатал статью «Культура и мы», в которой писал: «Сейчас принято замечательное решение о создании Музея личных коллекций... и прекрасное патриотическое дело, у истоков которого стоит И. С. Зильберштейн, получит достойное и логичное развитие».

В июне 1986 года (№ 24) «Огонек» вторично обратился к поднятой теме. В статье «Вернисажи коллекционеров», где шла речь о показанной в Ленинграде большой выставке произведений русского изобразительного искусства, собранных тамошними коллекционерами, Савелий Ямщиков, исходя из моего предложения организовать в первую очередь в Москве Музей личных коллекций, писал: «Вопрос о создании Музея частных коллекций, вынесенный на повестку дня, не решится в одночасье. Но и откладывать это важнейшее государственное дело в долгий ящик равносильно преступлению. Нужно использовать любую возможность для показа частных коллекций широкой публике, находить и реставрировать архитектурные памятники, сразу же приспосабливая их под выставочные залы, где постоянно будут храниться частные собрания...»

Теперь мне хочется обратиться со словами душевной признательности к бесчисленным читателям наших газет и журналов за их письма. Сколько в них теплых слов о задуманном, сколько гневных слов о чиновниках, всячески тормозивших новое доброе начинание в области духовной культуры. Ведь это воистину «глас народа». Таких писем сотни, и как хочется многие из них обнародовать! Но ведь это, учитывая ограниченность журнальной площади, невозможно.

Почти три года назад в статье, напечатанной в «Литературной газете», я отмечал: «И было бы замечательно, чтобы он (Музей личных коллекций) был создан при солидном музее, например, при Государственном музее изобразительных искусств». Говоря это, я имел в виду исключительно важную роль его директора И. А. Антоновой. Это человек самозабвенного труда, великолепной культуры, неуемной энергии. Но все же общий язык мы обрели не сразу. Первоначально в качестве помещения для нового музея была предложена бывшая церковь святого Антипия. Но осмотрев это здание, я сказал, что о нем не может быть и речи, а что для нового музея действительно подходит историческое здание (Княжий двор). И как я счастлив, что моя настойчивость восторжествовала! Немалые трудности в этих, как и в других делах по организации нового музея, легли на плечи И. А. Антоновой.

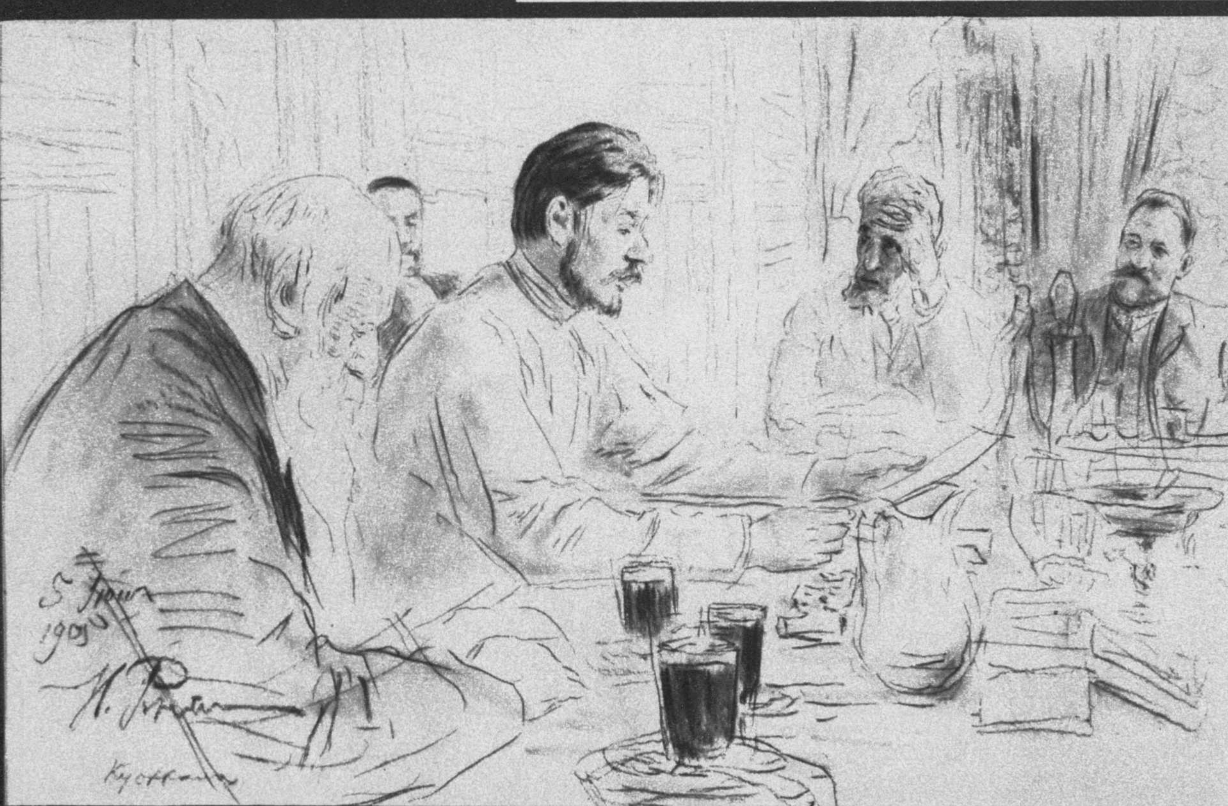
Хочу сказать доброе слово и об участии в наших делах первого заместителя председателя правления Советского фонда культуры Г. В. Мясникова. Вместе с ним мы добивались в Мосгорисполкоме скорейшего освобождения Княжьего двора. Георг Васильевич сумел связаться, встретиться с некоторыми нашими соотечественниками-коллекционерами, живущими за рубежом. Ему удалось уже получить от них произведения русского изобразительного искусства.

Будем надеяться, что в ближайшие месяцы в срочном порядке будет произведен ремонт здания, предназначенного для Музея личных коллекций, и мы будем готовиться к его открытию.



Н. А. ТЫРСА (1887—1942). Анна Ахматова. Рисунок. 1927 год.

Все портреты писателей, воспроизведенные в этой статье,— из собрания И. С. Зильберштейна (Музей личных коллекций, Москва).



И. Е. РЕПИН. Горький читает «Дети солнца» в Куоккала. Слева направо: В. В. Стасов, А. И. Куприн, А. М. Горький, Н. Г. Гарин-Михайловский, Ф. Д. Батюшков. Рисунок. 5 июня 1905 года.



А. А. ОСМЕРКИН (1892—1953). О. Э. Мандельштам. Рисунок. 1 февраля 1937 года.

ТОЧНЫЕ РУКИ
ТОЧНОЕ ДЕЛО
ТОЧНОЕ ВРЕМЯ

...Элегантные, отмеченные своим стилем, а главное, точные часы. Они не отмеряют вечность. Им доверено наше время. Ответственная работа.

СМ. В НОМЕРЕ
ОЧЕРК

«ШЕСТНАДЦАТЫЙ
КАЛИБР»



ОГОНЁК

ISSN 0131—0097
Цена номера 40 коп.
Индекс 70663